

ДАРЬЯЛ

1

2023

ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ**

ВЛАДИКАВКАЗ

2 · 0 · 2 · 3

ДАРЬЯЛ

**Республика
Северная
Осетия-Алания**

**Литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал**

Выходит с 1991 года

**Главный редактор
А.И. ЦХУРБАЕВ**

**Зам. главного редактора
О.Э. ТОТРОВА**

Редакционный
совет:

**З.К. АБАЕВ
И.Г. ГУРЖИБЕКОВА
М.С. ДЗАСОХОВ
В.О. КОЛИЕВ
Т.А. САЛАМОВ
И.А. ТАБОЛОВА
С.К. ТАКОЕВ
Ф.С. ХАБАЛОВА
А.Л. ЧИБИРОВ
В.Т. ЧШИЕВ**

1'2023

(174)

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

Адрес редакции:

362040,
г. Владикавказ
ул. Маркуса, 1
Тел. 53-60-30
53-58-10
54-38-04

e-mail: darial@darial-online.ru
<http://www.darial-online.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ №ТУ 15-00144 от 22.05.2017 г.
Выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Северная Осетия-Алания

Учредитель и издатель: Комитет по делам печати и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Димитрова, д. 2, офис 202
Тел.: (8672) 33-33-69

Рукописи
не возвращаются
и не рецензируются

Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов

16+

Выход в свет 28.02.2023.
Формат бумаги 60x90^{1/16}.
Бум. офсетная. Гарнитура шрифта Arial.
Печать офсетная. Усл.п.л.15+1 п.л.
цветная вклейка на мелованной бумаге.
Заказ № 92.
Тираж 600 экз.

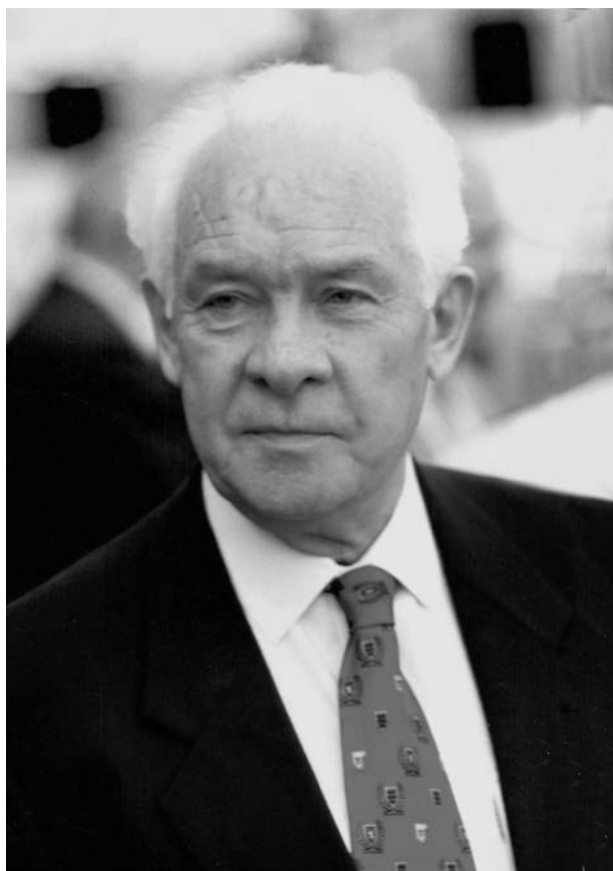
АО «Осетия-Полиграфсервис».
362015, г. Владикавказ, пр-кт Коста, 11.
Тел.: 25-97-94

Цена свободная

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ	4	Ахсарбек ГАЛАЗОВ. Письма внуку
	38	Тенгиз МАРЖОХОВ. Нулёвка. <i>Повесть (продолжение)</i>
	60	Татьяна ПАРСАНОВА. Предтеча возрождения. <i>Стихи</i>
	70	Георгий ГОБАЕВ. Беглец. <i>Роман (окончание)</i>
	118	Татьяна КОСТАНДОГЛО. Жить. Просто жить. <i>Стихи</i>
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	126	Ольга РЕЗНИК. Шах и мат живописца Сергея Филатова
		Сергей ФИЛАТОВ. Живопись
ЦИТАТА	129	АРИСТОТЕЛЬ
ЭХО ВОЙНЫ	130	Хаджи-Мурат ТОРЧИНОВ. Блокадные дни Ады Чесноковой-Торчиновой
ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ	146	Тамерлан САЛБИЕВ. «Ушел собирать этнографический материал...» <i>Очерк (окончание)</i>
ГОСТЕВАЯ КНИГ@	174	Виктор ХАТЕНОВСКИЙ. Колобродит расхристанный клен. <i>Стихи</i>
	180	Юрий РОЗЕНШТЕЙН. Пират. <i>Рассказы</i>
	192	Сергей УТКИН. Вверенное чернилам. <i>Стихи</i>
ВПЕРВЫЕ В «ДАРЬЯЛЕ»	198	Камиль ДАДАЕВ. Подумаешь, больно... <i>Стихи</i>
ЖИЗНЬ И СУДЬБА	206	Валерий ТАКАЗОВ. Об Агубекире Кубатиеве и Агубе Кубати <i>(окончание)</i>
АВТОРЫ НОМЕРА	238	

Ахсарбек ГАЛАЗОВ

ПИСЬМА ВНУКУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Письма внуку» отец начал писать в 2010 году в больнице, где ему проводили операцию на глаза. Наверное, он считал эти письма делом важным и безотлагательным, если работал над ними в то время, когда врачи запретили ему читать, писать и смотреть телевизор.

Почему он решил вообще обратиться к форме письма? Ведь с внуком они общались довольно часто. Ответ во многом заключен в самих письмах: очевидно, что его, деда, умудренного опытом человека, педагога, государственного и общественного деятеля, беспокоило нечто такое в духовном развитии внука, о чем не расскажешь при встрече, что не объяснишь в двух словах. Вероятно, по этой же причине «Письма» написаны «на вырост» и не сводятся исключительно к личному, родственному отношению: они адресованы не только его 11-летнему внуку, но растущему, развивающемуся юному человеку, внукам вообще.

То есть, главный мотив опубликования этих писем заключается в их актуальном нравственном содержании. По большому счету «Письма» рассказывают о том, «что такое хорошо и что такое плохо». О том, что такое истинные, непреходящие ценности человеческого бытия, а что – лишь внешний блеск, обман зрения и ума. И, наверное, такой дидактической литературы сегодня не хватает.

Другое основание публикации состоит в художественной и композиционной самобытности этих текстов, написанных простым и убедительным языком, насыщенными теплыми, трогательными сюжетами и воссоздающих живые, запоминающиеся образы ушедшей эпохи. «Письма» неприметно оборачиваются повестью о маленьком мальчике, который жил в селении Хумалаг в далекие 30-е годы прошлого века. Соотнесение в «Письмах» мира традиционной осетинской культуры с современностью, отсвечивающей холодными бликами технического прогресса, ставит много вопросов, ответы на которые предстоит искать самим «внукам».

Выражаю искреннюю благодарность Ирлану Хугаеву за помощь в подготовке этой публикации.

Аслан Галазов

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

19 апреля 2010 г.

Здравствуй, мой дорогой друг!

Спасибо, что пришел навестить меня. Ты знаешь, что я привык к активной жизни, поэтому находиться в больнице для меня – самая настоящая пытка. Вчера ты показывал мне чудеса техники в своем телефоне, а я удивлялся – и «чудесам», и тому, с какой легкостью ты все это осваиваешь. Твое и мое детство разделяет расстояние в 71 год. В моем детстве были чудеса совершенно иного свойства: они были связаны не с техникой, а с природой, с животными и, конечно, с человеком. Честно скажу тебе, что мне и сейчас цыпленок, вылупившийся из яйца, кажется большим чудом, чем твой телефон.

Почему я тебе об этом говорю? В ваш век компьютеров, Интернета, бурного развития электронной техники, электронных игр померкли живые краски жизни. Человек оторвался от своих корней, от природы. Радость жизни и непосредственного общения человека с другими людьми, с природой сменило сомнительное удовольствие нахождения в виртуальном, искусственном мире. Человек, создавший этот виртуальный мир, глобальную информационную систему под названием Интернет, в результате стал рабом собственного творения, рабом созданных им машин.

Искусственный мир заменил человеку реальную жизнь, и меня это очень беспокоит.

Прости, что нападаю на твое время. Все это я говорю не в осуждение времени, в котором ты живешь, а потому что хочу понять, что мы приобрели вместе с этими компьютерами, цифровыми технологиями, техническим прогрессом, а что потеряли. О том, что мы приобрели, ты можешь рассуждать и делать выводы сам. Это твое время. Тебе жить в нем. А вот о том, что мы потеряли, я хочу рассказать тебе, поразмышлять вместе с тобой. Надеюсь, ты мне в этом поможешь. Я буду рассказывать тебе о своем детстве, о своих детских впечатлениях, радостях и печалях, а ты найдешь время оторваться от своей электроники и наберешься терпения послушать своего деда и его немудреные рассказы о детстве. О детстве, которое было и радостным, и трудным, временами печальным, и все же счастливым.

Тебе не обязательно отвечать мне. Но, во всяком случае, не выбрасывай мои письма. Возможно, они пригодятся когда-нибудь. Если не тебе, то твоим детям.

На этом заканчиваю первое письмо.

Будь здоров, мой дорогой!

Твой дед Ахсар.
19 апреля 2010 г.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

21 апреля 2010 года

Здравствуй, Азамат!

В жизнь человек входит с помощью родителей: матери и отца. Первые лица, которые ребенок начинает узнавать и искать взглядом – это лица матери и отца. Им же он старается подарить постепенно рождающиеся звуки своей детской речи. Первые слова, которые ребенок произносит на всех языках мира – это «мама» и «папа». Постепенно к ним прибавляются «дедушка» и «бабушка», «тетя» и «дядя», «брат» и «сестра», «друг» и «товарищ». А потом и другие.

Чем шире круг родных и близких людей, если они, конечно, порядочные люди, тем богаче человек. Такой человек более устойчив и легче переносит жизненные невзгоды и трудности. В самую тяжелую минуту именно родные и близкие оказываются рядом с тобой и облегчают твою горе. Об этом я тебе говорю уверенно, со знанием дела, потому что все это я в разное время в различных

обстоятельствах испытал на себе. И честно признаюсь тебе: если я живу так долго, то это с их помощью; если во мне есть что-то положительное, заслуживающее признания и уважения, то это благодаря их воспитанию и поддержке.

Самым родным, близким, любимым человеком была для меня мама. Ее звали Улацка. Это имя производное от русского слова «ласка», ласковая. Она для меня была и в жизни, и остается в моей памяти самой красивой, самой доброй, самой мудрой, самой обаятельной и самой требовательной из всех женщин, которых я знал.

Наверное, так, как думаю я, думают все дети и считают своих матерей самыми лучшими в мире. Это правильно. Мать дает маленькому человеку жизнь, оберегает его от дурного влияния, неверных поступков, воспитывает из сыновей отважных, благородных и мудрых мужчин, из дочерей – красивых и достойных женщин, хлебосольных и домовитых хозяек, будущих матерей.

Сложно представить, какого терпения, выдержки требует труд матери по уходу за ребенком, по его воспитанию; какие усилия ей надо приложить, чтобы помогать ребенку изо дня в день, из года в год подниматься по жизненным ступенькам, чтобы дать ему войти в большую жизнь самостоятельным, честным, совестливым человеком.

Как надо любить своего ребенка, чтобы выдержать хотя бы первый год после его рождения, когда он еще не умеет говорить, не может показать, что его тревожит, что у него болит. Родители очень хорошо знают: когда они сами были маленькими, то были ничуть не лучше своих детей. Допускали те же ошибки, а то и похлеще. Но они не хотят, чтобы дети повторяли их ошибки. Наученные своим жизненным опытом, они стараются, чтобы дети избежали их, были лучше, умнее, сильнее, чище своих родителей. И ради этого они выносят все трудности по воспитанию детей, часто читают им длинные и нудные нравственные наставления. Это не от вредности, а от любви, мой дорогой друг.

Признаюсь тебе, Азамат, что до года, по свидетельству моей тети Дзыгулла, старшей сестры моего отца, я был очень несносным ребенком. Среди ночи, когда все спали, я просыпался и заливался громким плачем, от которого просыпались не только наши домочадцы, но и соседи. Моя мать была вынуждена вставать с постели и носить меня на руках, убаюкивая. Ее сменял отец, потом тетя Дзыгулла. Никто из них не мог меня успокоить. Только на руках у своего дедушки по матери, как рассказывали

мне потом мама и тетя Дзыгулла, мой плач стихал, постепенно переходя в тихое постанывание, а потом в своеобразное детское мурлыканье, напоминающее подпевание.

По паспорту дедушка значился Камболатом, все родные и сельчане называли его Габоси, а для нас он был Бабзе. О нем я тебе потом расскажу. Очевидно, меня успокаивал его тихий, но густой голос. Он брал меня на руки и своим задушевым баритоном напевал:

*– Дадайы бæппу – хорз лæппу:
Кæугæ нæ кæны – хъыргæ кæны,
Йæхи Бабзейы зарын кæны.
Ладжы бындзæвхад амондджын уыдзæн.
Кадджын лæггæй байрæздзæн.
Байтæ кæны, бабайтæ,
Бабайы хорз бæппу байтæ кæны...¹*

И под эту нехитрую импровизированную дедушкину песенку я засыпал. Однажды, когда ты был совсем маленьким и остался ночевать у меня, я тоже стал напевать тебе эту песенку, и, к моему удивлению, ты уснул под ее звуки. Правда, у моего деда был великолепный слух, и он хорошо пел негромким, мягким баритоном. Очевидно, поэтому в моем детском подсознании отложились эти звуки, и я их неумело воспроизвел тебе через много-много лет. Мне же, как говорят, «медведь на ухо наступил». Я очень люблю музыку: симфоническую, оперную, эстрадную и, конечно, народную. У меня хорошее чувство ритма, я сразу улавливаю фальшь в музыке, но сам я не могу правильно произнести подряд даже двух музыкальных фраз.

В 4-м классе Бесланской средней школы № 2 со мной произошел интересный случай, скорее – конфуз. В начале года меня, как одного из лучших учеников, избрали старостой класса. По тем временам это была большая школьная общественная должность. Наш учитель Владимир Михайлович (это был отличный педагог начальных классов) решил к Первомайскому празднику создать в нашем классе хороший хор. Руководить хором он пригласил хормейстера Дома культуры Бесланского маисового комбината. Если я правильно запомнил, ее звали Муза Андреевна. Ответственным за организацию (своевременный сбор, форму одежды и

¹ Дедушкин мальчик – хороший мальчик: Он не плачет – подпевает он, Своего Бабзе он заставляет петь. Коренёк мужчины будет счастливым: Славным мужчиной вырастет. Байта он делает, бабайта, Дедушкин хороший мальчик засыпает... (Здесь и далее по тексту – примечания автора.)

прочее), как ты, наверное, уже понял, был я. Как и положено главному, я занял самое «почетное» место в середине хора и под взмахи рук Музы Андреевны вместе со всеми запел во весь голос. Муза Андреевна резким движением руки остановила наше пение и, как мне показалось, с возмущением спросила: «Кто так громко и страшно фальшивит?»

Вместе с Музой Андреевной возмутился и я – староста. После небольшой паузы Муза Андреевна вежливо попросила меня выйти из строя. Оказывается, это я так «громко и страшно» фальшивил. Вот так, мой дорогой, не успев начаться, закончилась моя музыкальная карьера. И больше нигде, никогда я ни в какие хорошие коллективы не вступал. А вот своим детям: Залине, Алану, Аслану – я вместо колыбельных часто напевал боевые, шахтерские и другие песни моей молодости. И ничего: возможно, в душе они удивлялись легкомысленной самоуверенности взрослого человека, но тактично терпели и спокойно засыпали.

Впрочем, я отвлекся. Я рассказывал тебе о маме. Она на самом деле была очень красивой женщиной. Голубые глаза на светлом лице, строго очерченные губы. Спокойный и твердый взгляд, искренняя и теплая улыбка. В ее красоте, в том, как она говорила, двигалась, было много достоинства, благородства. Подтянутая, стройная, она всегда была в движении, в трудах и заботах. Весь ее облик излучал энергию, свет и тепло, обращенное не только к домашним, но и вовне, к людям – она излучала свет и располагала к себе. И ей доверяли, к ее помощи, совету прибегали наши родственники, друзья, соседи.

Она научила меня ухаживать за собой, приобщила к труду, познакомила меня со всеми нашими родственниками и воспитала во мне уважительное отношение к ним. Она все время требовала от меня избегать лести, вранья, доносов, подлости, жалоб на усталость или нехватку чего-либо. Она внушала мне, что нельзя поддаваться соблазну прибегать к помощи старших при отстаивании своих интересов, что нужно стремиться самому защищать себя, никого не обижать и не давать обижать другим более слабым. Она убеждала меня, даже уже повзрослевшего человека, что надо стремиться в жизни больше отдавать людям, чем брать у них. Учила умеренности во всем: в еде, в разговорах, в радости и сожалениях. Она считала, что зависть к чужой славе, чужим успехам, чужому добру унижает человека, разрушает его достоинство. На этот счет у нее было припасено много народных поговорок, и она их в нужный момент умело вставляла в свою короткую речь. Длинные, пустые разговоры она не любила. От нее я

запомнил вот такие мудрые, удивительно верные народные сказки: «Раттæжы къух райсæг у»; «Губынæн чысыл – зæрдæйæн бирæ»; «Махмæ уæд нæ фаг, адæммæ та – уæлдай»; «Мæгуыры мад зивæг у»² и многие другие.

Вот так, как запечатлелась в моей детской памяти колыбельная песенка деда, запомнил я себя еще ползающим по полу. В это трудно поверить, но я помню, как ползком уходил от преследования соседских детей по коридору нашего общего дома, построенного для работников райисполкома. Они делали вид, что быстро бегут за мной, но не могут догнать. До сих пор слышу их веселый смех и радостные возгласы от моего быстрого передвижения на четвереньках. До этого я уже вставал на свои слабенькие ноги, держась за ножки кровати, стола или стула, но ходить боялся. Вдруг на детский смех и радостные детские голоса открылась дверь нашей квартиры, из нее вышла мама, с улыбкой посмотрела на веселую детвору, присела на корточки и тихо сказала мне:

– Встань!

Как это ни странно, я встал самостоятельно и посмотрел на маму. А она широко улыбнулась своими красивыми голубыми глазами, протянула ко мне руки и мягко сказала:

– Иди ко мне, не бойся!

И я пошел медленно, пошатываясь, потом, как мне тогда показалось, быстро побежал. Хотя расстояние между нами было не больше одного метра, мне оно показалось огромным. Она меня подхватила на руки, высоко подбросила, потом крепки обняла, поцеловала и сказала:

– Вот теперь ты у меня мужчина: сам ходишь на своих ногах. Ходи твердо, уверенно, ничего не бойся. Упадешь – поднимешься, расшибешь себе нос или подвернешь руку – заживет... Что бы с тобой ни случилось, как бы тебе ни было больно, никогда не плачь, не хнычь: мужчины не плачут.

И я, Азамат, поверь мне, выполнил ее наказ: я падал с коней, срывался с обрывов, летел на землю с обломившихся веток высоких деревьев. Ломал ребра, руки, ноги. Больно было, но я никогда не заплакал. И мама оказалась права: на мне все быстро заживало.

Я не говорю, что вообще не плачу. Плачу. Да еще как! Когда теряю близких, родных людей. Когда случаются с людьми жестокие трагедии. Разве можно устоять, не заплакать, когда гибнут ни

² Рука дающего не оскудеет; желудку [пусть будет] мало – сердцу много; у нас пусть будет в достатке, а у людей – в избытке; лень – мать бедности.

в чем неповинные дети, женщины, старики в Беслане, Будённовске, Кизляре, Волгограде, в Москве!..

Бывает так, что по моим щекам катятся и слезы радости, восхищения, когда я читаю интересную книгу, слушаю великую музыку, встречаюсь с поразительными произведениями искусства: живописи, скульптуры, театра, кино. Не стыдно уронить слезу умиления, восхищения перед великими творения ума, души, рук человека. Стыдно и страшно и за себя, и за своих близких людей, когда они становятся равнодушными, перестают чувствовать другого человека и сопереживать ему. Равнодушия в своих детях больше всего опасалась наша мать, твоя прабабушка. Она хотела, очень старалась, чтобы ее дети, ее внуки и правнуки выросли мудрыми, совестливыми людьми, способными к сочувствию и сопереживанию.

Мудрость и старость никак не связаны между собой. Мудрым может быть и молодой человек. Глупый человек может остаться глупым и до глубокой старости. Мудрость – это не просто ум, обогащенный опытом. Есть такой замечательный писатель – Фазиль Искандер, мудрые и веселые книги которого, я надеюсь, ты обязательно прочитаешь в свое время. Так вот он вывел очень интересную, емкую формулу того, что такое мудрость. Вот как она звучит: «Мудрость – это ум, настоящий на совести». Ему же принадлежит и другое очень верное высказывание: «совесть – разум души» Ты обязательно запомни это и всегда прислушивайся к голосу совести.

Устал, наверное, от моего рассказа? Отдохни, дорогой.

Твой верный друг Ахсар.
22 апреля 2010 г.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ *24 апреля 2010 года*

Мой дорогой друг! В прошлом письме я слишком увлекся воспоминаниями и, наверное, мое длинное письмо тебя утомило. Но в оправдание хочу сказать, что никак не могу, рассказывая тебе о своем детстве, не вспомнить людей, которые меня любили и которых я любил. Сегодня я с благодарностью вспоминаю каждую встречу с родными, со своими друзьями и товарищами по нашим немудреным детским играм, учебе в школе. Вспоминаю душевную атмосферу взаимоотношений старших и младших, мужчин и женщин, родителей и детей и многое другое.

Поэтому ты не обижайся, если я продолжу наш разговор в том же духе.

Есть золотое правило: неумному рассказчику требуется умный слушатель. Ненужные, не заслуживающие внимания умного слушателя (эту почетную роль отвожу тебе, а себе скромно оставляю первую) детали рассказа он молча, незаметно для рассказчика пропускает мимо ушей, но все-таки извлекает из его рассказа полезную для себя информацию. Попробуй действовать согласно этому правилу, и тебе станет гораздо легче читать мои письма.

Наш прошлый разговор закончился ссылкой на утверждение моего друга, писателя Фазиля Искандера о том, что «мудрость – это ум, настоящий на совести». Я считаю, убежден, Азамат, что под это определение полностью подходит мудрость, которой обладала моя мать и твоя прабабушка Улацка.

Наделенная от Бога, от природы тонким умом, чувством такта, деликатности, деятельная, практичная, домовитая хозяйка, занимавшая ко времени моего рождения довольно высокое общественное положение супруги ответственного работника Правобережного округа (потом района), она никогда не использовала ни свой ум, ни свое положение не по совести, в корыстных, эгоистических интересах. Не помню ни одного случая, чтобы она с кем-нибудь из соседей или родственников поссорилась, поскандалила, что-нибудь купила или обменяла с выгодой для себя, что-нибудь утаила от детей, мужа, родственников, соседей. Всем, кто нуждался в ее помощи, она бескорыстно помогала, отдавала им без лишних слов свои вещи, продукты, все, чем она располагала и чем сама могла помочь. Если у кого-то из родственников, соседей, друзей случалась беда, она первой была рядом с ними и не покидала их до тех пор, пока беда не отступала и пока им не становилось лучше.

Наш дом всегда был открыт для гостей: родственников, друзей, соседей, часто незнакомых крестьян и рабочих, приходивших искать у отца справедливости и поддержки. Мама для всех находила теплые, ласковые слова, укрепляла в них надежду, щедро делилась с ними хлебом и солью.

Она никогда, по крайней мере при мне, никого ни в чем не обвиняла, ни о ком не сказала плохого слова, ни с кем не выясняла отношений по поводу обид, нанесенных ее детям.

Мама обладала железной волей и самообладанием, которому могли позавидовать мужчины. Расскажу тебе такой случай.

Мне, знаешь ли, с детства здорово «везло» со всякими травмами. Первая травма случилась, когда мне было полтора года.

Говорят, что уже в этом возрасте я довольно резво бегал и совал свой любопытный нос куда не надо. В этот раз я оказался во дворе у нашего соседа в Хумалаге Габли Акоева и играл с его сынишкой Русланом, с которым мы были одногодками. Кроме нас там были и другие соседские дети, и мы все вместе взобрались на насыпь, оставшуюся после рабочих, которые рыли во дворе Акоевых колодец. И в Хумалаге, и в других селах Осетии для питья и приготовления пищи пользовались в основном подземной, хрустально чистой и холодной водой. Чтобы доставать ее из подземных источников, рыли колодцы, глубина которых иногда достигала пяти-десяти метров. Во дворе Акоевых, наверное, колодец был вырыт только наполовину. На насыпь из камней, песка и глины, которые выбросили из колодца рабочие перед тем, как ушли на перерыв, мы, детишки, и взобрались. Я не помню, сам ли поскользнулся, заглядывая на дно колодца, или кто-то меня нечаянно подтолкнул, но я полетел в колодец вниз головой. Поднялся, рассказывали, страшный крик: дети плакали и визжали, мои тети Ниска, Дзыгулла, наши соседки стали дурным голосом рыдать, какая-то из наших соседок стала выяснять у перепуганных детей, кто меня сбросил в колодец.

Полное спокойствие сохраняла только мать. Она тихо попросила всех успокоиться, прекратить нелепый допрос детей и послала за врачом. Рабочие, чувствовавшие за собой вину за неприкрытый колодец, быстро и аккуратно вытащили меня из этой ямы. Конечно, я был без сознания и ничего из того, что тебе рассказываю, не помню.

Я передаю тебе только то, что мне потом рассказывали взрослые очевидцы. А рассказали они еще вот что. Участковым врачом в то время в Хумалаге работал молодой специалист из нашего же села, наш родственник Давид. Они вместе с Габли Акоевым были у кого-то из соседей на каком-то торжестве и сидели за праздничным столом. Габли и Давид быстро появились. Давид был немного навеселе и мрачно смотрел на мое посиневшее, безжизненное лицо и страшно вздувшийся лоб. С надеждой глядя на Давида, замолчали и дети, и взрослые. Затянувшуюся паузу прервал Габли:

– Давид! Чего ты стоишь, как будто тебя пришибли? Делай что-нибудь! Ты взял с собой свой медицинский инструмент?

– Габли... Габли... Габли...

– Я уже тридцать лет Габли. Я тебя спрашиваю: ты взял с собой врачебный инструмент?

– Габли! – икнув, вымолвил еле слышно Давид. – Здесь мой инструмент уже не нужен... Нужны кирка, лопата и маленький топорик...

Двор Акоевых после этого заявления молодого врача наполнился новым потоком рыданий. Не обращая внимания на них, мать, нежно прижав мое маленькое тельце к груди, попросила Габли Акоева срочно доставить нас в районную больницу Беслана. Недалеко от нас, через улицу, было правление колхоза имени Молотова. Через 10-15 минут после просьбы матери Габли, сам управляя парой вороных, вез нас на тачанке председателя колхоза в Беслан. Предварительно он попросил председателя колхоза Бабега Басаева позвонить в больницу, чтобы туда вызвали главного врача, одного из лучших хирургов Кавказа Ивана Гамусовича Дзилихова.

Доехали мы быстро. Иван Гамусович оказался на месте, вызвал к себе из исполкома и своего друга, моего отца Хаджимурза. Дзилихов уже был в операционном халате, медперсонал, помогавший всегда хирургу во время тяжелых операций, находился в операционной, нужный медицинский инструмент был на месте. Операция длилась около двух часов. Все это томительное время отец, мать и Габли Акоев просидели молча в кабинете Дзилихова. Никто из них не намекнул другому о чьей-либо вине, никто из них не стал выяснять ничего у другого. Это было общее горе, а общее горе, мой Азамат, объединяет, а не разъединяет людей. Именно в таких сложных ситуациях пробуждается совесть и помогает человеку принимать правильные решения.

После операции усталый, но довольный, улыбающийся вошел Иван Гамусович. Габли передал ему слова Давида, и он, уже громко смеясь, сказал:

– Вот паршивец, а еще у меня практику проходил. Это мы еще посмотрим, кому раньше понадобятся кирка и лопата! Спасибо, Габли, что так быстро доставил ребенка: инфекция могла проникнуть через неокрепший череп в мозг, и тогда бы никакой врач не помог. А вам, мои дорогие Хаджи и Уля (так он ласково называл отца и мать), хочу сказать, что у Вас очень здоровый ребенок: крепкий у него лоб. Только не разрешайте ему больше так жестоко испытывать его.

О чем они говорили дальше, мне не рассказывали, а сам я ничего не помню. Только, знаешь, наверное, у меня какой-то заговоренный злыми духами лоб: даже вот в таком уже преклонном возрасте обязательно два-три раза в году я его стукну в совершенно безобидных ситуациях и хожу, как старый дурак, два-три дня с

синяком. А шрам от той дзилиховской операции остался, только превратился в небольшой, еле заметный рубец. А Давида уже давно нет. Хороший он был человек, душевный, но в тот момент был еще неопытным молодым врачом. Давно нет уже в живых и друга моего отца – выдающегося хирурга и настоящего человека – Ивана Дзилихова. Царство небесное обоим!

Так что, мой друг, ты должен благодарить за такого старого деда мою мать, нашего доброго соседа Габли Акоева и, конечно, Ивана Дзилихова. У всех у них тогда пробудилась воля, решительность, они пришли на помощь маленькому человечку и приняли самые разумные, действенные меры для моего спасения. Верно говорят: слезами горю не поможешь. В такие моменты требуются быстрые, решительные действия. Их совершают люди, наделенные и совестью, и разумом, и сильной волей.

Будь здоров, мой славный друг, и... не повторяй «подвигов» своего деда.

Твой Ахсар.
24 апреля 2010 г.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

25 апреля 2010 года

Мама очень внимательно, трепетно относилась ко всем нашим родственникам и по галазовской, и по ходовской, и по цалоевской линии. Сразу после замужества она взяла фамилию мужа и строго берегла традиции нашей фамилии, нашей семьи: стала самой любимой и родной для всех Галазовых. Отец мамы, Камболат, достойно представлял фамилию Ходовых, и мама своим отношением к нашим родственникам старалась упрочить добрые отношения между двумя фамилиями. Мамина мать, моя бабушка Готта, была из фамилии Цалоевых, и мама старалась быть полезной и всем нашим родственникам по этой линии. Но ее интерес и внимание не ограничивались кругом этого близкого родства. Добрые, родственные чувства она испытывала и к нашим дальним родственникам, некогда вышедшим из одного «очага»: Бедоевым, Течиевым, Кудаковым, Боллоевым. Особенно тепло мама относилась к представителям фамилии Байматовых. Из фамилии Байматовых происходила другая моя бабушка, мать моего отца. Когда ее мужа, моего деда Иласа, убили бандиты, она не вынесла горя и через месяц после трагической гибели мужа умерла. Мой отец, Хаджимурза, и его

родной брат, Хаджимусса, остались сиротами. Байматовы – очень добрые и интеллигентные люди – взяли отца и дядю под свое покровительство и впоследствии гордились тем, что у них выросли достойные племянники.

Свое отношение к родственникам мама мягко, но настойчиво передавала и нам. Уже с трехлетнего возраста я хорошо знал и любил, как может любить ребенок, и тетю Машинка Есенову, самую старшую сестру отца, и тетю Ниска Даурову, и особенно тетю Дзыгулла Дауеву, которая еще при моем рождении жила в нашем доме. Потом я узнал всех их детей, подружился с ними. И они питали ко мне, и я к ним испытывал и продолжаю испытывать братские чувства. Постепенно этот круг расширялся. Мама добилась того, что все дети: и я, и Римма, и Юра, и Эльбрус – стали для всех наших родственников близкими людьми и всегда старались быть рядом с ними и в радости, и в горе.

Мама очень строго следовала одному правилу и добивалась его выполнения нами.

– Родной, близкий человек, – утверждала она, – это дар Бога, который надо ценить и беречь. Любая корысть, любой меркантильный интерес, связанный с близким человеком, разрушают родство.

Она очень бережно относилась к взаимоотношениям старших и младших членов семьи между собой, к отношениям семьи с соседями. Не только у моей мамы, но у всех женщин ее поколения было особо ответственное отношение к воспитанию в мальчиках с самого раннего возраста мужского достоинства. Маленькому мальчику ненавязчиво внедряли в сознание, что он мужчина, что он обязан трудиться, быть честным и мужественным, оберегать честь семьи, защищать слабых, помогать бедным, никогда не поднимать руку на женщину, ребенка, старика, с почтением и уважением относиться к старшим по возрасту, если даже разница в возрасте не так уж и велика.

Она никогда не обращалась ко мне с ласкательными прозвищами, именами. Уже с трехлетнего возраста я слышал твердое обращение и напоминание:

– Ахсар, ды хистæр дæ, æмæ хъуамæ кæстæрты хъахъхъæнай, зонд сын амонай³.

Мое детское сознание с трудом воспринимало это наставление, и я старался сопротивляться:

– Мама, кого я должен защищать и учить, если я один? Да и сам я еще ничего не знаю и не умею.

³ Ахсар, ты старший, и должен младших беречь и уму-разуму учить.

– Будут у тебя и твои родные младшие, но речь не только о твоих будущих братьях и сестрах. У тебя много родственников и друзей младше тебя, и ты в ответе за них. Не собираешься же все время оставаться ребенком? Ты растешь и с каждым годом становишься взрослей.

И в самом деле, после меня в 1932 году родилась моя сестра Римма, в 1934 году – брат Юра, а в 1937 году – брат Эльбрус. Для них я после ареста отца и смерти дедушки Камболата стал не просто братом, а старшим другом и товарищем, старшим мужчиной в доме.

Я надеюсь, мой дорогой друг, что и у тебя еще будут родные братья и сестры. Но и без них у тебя столько младших двоюродных и троюродных братьев и сестер, что есть, кого защищать, кого учить уму-разуму и для кого расти настоящим – благородным, сильным и совестливым мужчиной. Есть младшие, для которых нужно быть хорошим примером.

Всегда твой, дед.
25 апреля 2010 г.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

26 апреля 2010 года

Здравствуй, мой дорогой друг!

В прошлых письмах я рассказывал тебе о своей маме, твоей прабабушке, о ее отношении к родственникам и соседям. А сейчас хочу рассказать о ее методах воспитания.

Мама никогда не кричала, не повышала голоса, не читала длинных нотаций в воспитательных целях. У нее были свои методы воспитания, и на меня, по крайней мере, они действовали очень эффективно и безотказно. Не могу сейчас вспомнить, сколько мне было лет, может, три, а может быть, четыре. Скорее всего – четыре, потому что ко времени случая, о котором я тебе расскажу, у меня уже была маленькая, кудрявая, смешная и довольно капризная сестренка Римма. Я ее очень полюбил вначале, но постепенно меня стало раздражать внимание, которое стали уделять ей и мама, и тетя Дзыгулла, и папа, да и все наши родственники, которые у нас бывали в гостях. Я стал считать, что меня лишают положенных мне внимания и заботы.

Мы всей семьей всегда и завтракали, и обедали, и ужинали за одним столом. На этот раз, как мне помнится, у нас в гостях были мои тети по отцу Машинка, Ниска, Дзыгулла и тетя по матери

Цежа. Они приехали, очевидно, в связи с тем, что отмечали рождение моей сестры Риммы. На столе были всякие вкусные яства: и пироги с сыром (мои любимые), и пироги со свекловичной ботвой, с картофелем, капустой, сладкие пироги, всякие мясные блюда, фрукты, ягоды, конфеты. И папа, и мама, и все наши гости были очень веселы: шутили, смеялись, передавали из рук в руки мою маленькую сестренку. И, как мне тогда показалось, все забыли, что за столом сижу еще и я. Не просто я, а как мне до этого внушала мама, старший из мужчин в доме после отца. И мне уже было не совсем понятно, кто кого должен защищать и учить уму-разуму. Или я должен защищать маленькую сестренку, или меня надо защищать от всеобщего внимания к ней, вернуть мне так быстро утраченные заботу и внимание, которые я «заслуживал».

Обида подступила к горлу. Я молча встал из-за стола, сославшись на усталость и недомогание, перешел в соседнюю комнату, сдвинул вместе два стула, и, обрекая себя на «незаслуженные муки», лег на них. Дверь в большую комнату, где сидели остальные и пировали, была приоткрыта, и я воровато краешком глаза посматривал и ждал, что кто-нибудь поинтересуется мною, зайдет в комнату и пригласит меня за общий стол или, по крайней мере, пожалеет. В одно время обо мне вспомнила тетя Ниска и изъявила желание провести меня:

– Дзыгулла! Цом-ма уцы лæппумæ бакæсæм: кæд рынчын кæны?⁴

Я заметил, как отец легким движением руки остановил этот порыв своей сестры, а мама приложила палец к губам и молча дала понять всем, что не стоит мне мешать самому разбираться в своих чувствах. К ним прислушались, и я остался один на один со своей обидой.

Я не мог заснуть, мне, как никогда, хотелось есть, вся душа рвалась обратно ко всем, но горькая обида сковала меня. Я провалялся на этих жестких стульях долго, до тех пор, пока все не легли спать, пока не погасили свет. Когда все стихло, я, как маленькая побитая собачонка, слез со своих стульев, забрался в свою кровать и уснул крепким сном испытавшего «страшные» мучения человека.

Утром, как всегда, я рано вскочил с постели, убрал ее, как учила мама, почистил зубы, умылся и вошел в общую комнату, где все уже сидели за завтраком. Я виновато поздоровался. Все: и родители, и гости – весело ответили мне и усадили за стол. Я еще

⁴ Дзыгулла! Пойдем заглянем к мальчику: может, он заболел?

пытался какое-то время держать «марку обиженного», но голод взял свое, и я, позабыв обо всем, хорошо позавтракал.

Вскоре подняли из детской люльки и мою сестренку, перепеленали ее, оставив свободными маленькие ручки, и передали мне с вопросом:

- Ахсар, поддержи сестренку. Она уже тяжелая, – удержишь?
- Конечно! Я же старший, уже большой.

Я хотел сказать «сильный», но в последний момент сдержался... Я взял сестру на неумелые руки, прижал к себе, а она, смешно двигая губами и язычком, вцепилась в мои волосы и стала тереть их. Было приятно, щекотно, и я рассмеялся. Весело засмеялись все за столом, а мне стало так хорошо, что я забыл о вчерашней глупой обиде. И правильно сделал, Азамат. Это потом, когда я немного подрос и вспоминал об этой обиде, мне становилось стыдно. Обида, ревность, зависть – очень плохие спутники жизни. Они нарушают нормальные взаимоотношения даже между очень близкими людьми, иногда приводят даже к человеческим трагедиям, делают врагами некогда близких друзей и товарищей. Избегай их. Что касается меня, Азамат, то, честно, как на духу говорю тебе, что после этого урока, молча преподанного мне отцом и матерью, я никогда больше ни на кого не обижался, не капризничал, никому ни в чем никогда не завидовал. Наверное, это помогло мне перенести в жизни много тяжелых испытаний и прожить так долго. После урока, связанного с этой обидой, я ел пищу, которую мне предлагали, спал на постели, которую мне стелили, одевал одежду, которую имел и которую мне могли дать или которую я мог приобрести сам. Так легче жить. А что касается обиды и обиженных, я полностью согласен с народной поговоркой: «на обиженных воду возят».

Вот так, Азамат. Я знаю, что ты приболел: кашляешь, сопишь. Поэтому ты сегодня не ходил в школу. Поправляйся, мой друг, и не сердись на своего деда за его длинные рассказы.

Всегда твой, дед.
26 апреля 2010 г.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

27 апреля 2010 года

Самые радостные дни у меня, Азамат, были связаны с отцом. Он работал руководителем большого района, часто находился в командировках, проводил всякие совещания и собрания,

общался с рабочими, крестьянами, учителями, врачами, специалистами сельского хозяйства, руководителями сел и колхозов, решал множество сложных общественных вопросов. Для семьи, для нас, своих детей, своих родственников у него оставалось мало времени. Нам, детям, не часто выпадало счастье быть с ним. Но зато каждый раз эти дни и часы, проведенные с отцом, становились настоящим праздником.

Общался он с нами, как со взрослыми людьми, часто шутил, рассказывал интересные истории из своей жизни; в очень ярких, теплых красках характеризовал своих друзей, товарищей по работе, односельчан. Из всех поездок он привозил нам детские книги, усаживал нас кружочком вокруг себя и читал нам своим задушевым, очень захватывающим, выразительным голосом сказки, рассказы, всякие были и небылицы и на осетинском, и на русском.

Иногда он меня, старшего, брал с собой на работу. Наверное, это было в выходные дни, потому что в здании райисполкома было мало людей. Я сидел у него в кабинете, рассматривая географические карты, висевшие на стене, или изучал фотографии в альбомах и книгах, которые он клал передо мной на столике, представленном к его большому рабочему столу. Когда он заканчивал работу, мы спускались с ним в столовую и обедали. Я не люблю ни общественные столовые, ни рестораны: мне больше по душе самая простая домашняя еда. Но вот эти два или три обеда с отцом в райисполкомовской столовой сохранились в памяти, и мне кажется, что до сих пор я ощущаю чудесный аромат и вкус тех котлет и других блюд, которыми меня угощал отец. И весь секрет этого чувства заключается, наверное, не в качестве еды общественной столовой, а в том, что вместе с отцом любая еда приобретала особенный вкус.

В одно прекрасное осеннее утро отец рано разбудил меня и спросил:

– Послушай, сынок, у меня два выходных дня, и я хочу их провести в Хумалаге. Ты еще не соскучился по бабушке и дедушке? Они ждут тебя каждый день. Если хочешь, я отвезу тебя к ним и заодно познакомлю с моими друзьями из нашего родного села. Если согласен, то я попрошу маму быстро собрать твои вещи. Мы позавтракаем и – в дорогу!

Я быстро вскочил и суматошно стал одеваться.

– Не спеши: времени у нас много. Пока дядя Швец (это был исполкомовский конюх) запряжет гнедого, а мама соберет твои вещи, мы можем спокойно позавтракать, попрощаться с нашей «кудряшкой» (так отец шуточно называл мою сестренку).

– А дядя Швец с нами поедет? – поинтересовался я. Я очень любил этого чудесного пожилого, аккуратного человека, хозяина превосходных вороных, серых в яблоках и гнедых исполкомовских коней. В исполкоме были и легковые автомашины, но они не вызывали у меня никакого интереса. Особенно гордился я, вырастая в своих собственных глазах, когда дядя Швец сажал меня на одного из коней и, держа его под уздцы, делал с нами вокруг большого двора исполкома несколько кругов.

– Нет, я его приглашал, но он сказал, что доверяет меня своему главному помощнику, то есть тебе. Поэтому будь готов! Сегодня вожжи будут в твоих руках, и ты будешь управлять нашим выездом.

Последнее сообщение особенно меня раззадорило. Я еле дождался окончания нашего завтрака, всяких прощаний... Меня тянуло в путь, где главная роль отводилась мне.

Мы сели в бидарку (одноконную, на мягких рессорах, двухколесную коляску на двух человек). Отец усадил меня справа от себя, накрыл наши колени черной горской буркой, дал в руки вожжи, и мы поехали. Конечно, всю дорогу от Беслана до Хумалага конем, очень резвым и красивым гнедым жеребцом с белой полоской через весь лоб, управлял отец. Но он это делал так ловко и незаметно, что у меня не возникло никаких сомнений в том, что именно мне с помощью вожжей, концы которых я твердо сжимал в своих маленьких ручонках, удастся управлять конем, заставляя его идти то шагом, то рысью, то галопом.

Расстояние между Бесланом и Хумалагом небольшое (всего семь километров), и мы доехали быстро. Но для меня это стало длительным, увлекательным путешествием. Я с любопытством рассматривал на пастбищах и слева, и справа от дороги, по которой мы ехали, огромные стада коров, телят, буйволов, отары овец и коз, табуны лошадей... С гордостью я наблюдал за тем, как все встречные люди и в селении Новый Батако, и в селении Зильга, и в селении Хумалаг здоровались и приветствовали отца. Мне это было приятно вдвойне, потому что частицу этого доброго отношения людей к отцу я относил и к себе.

Дедушка Бабзе и бабушка Готта встретили меня горячими объятиями, восторженными вопросами и радостными замечаниями. Тепло, но сдержанно, как диктовали неписанные законы осетинского этикета, приветствовали они и своего зятя, моего отца. Его просили остаться, но он передал им мои вещи со словами:

– С удовольствием бы остался и полежал на своей любимой тахте, но мне еще надо побывать в колхозе, потом я встречаюсь с

Борукаевыми и, наверное, у них и переночую. А завтра, если вы не будете возражать, я хочу вашего ненаглядного внука показать своим друзьям и родственникам, познакомить его с их детьми. Он уже взрослый, видели, как умело управляет конем. Пусть знает и наших родных, и наших друзей, и их детей. Это ему пригодится в жизни: иунæг мæгуыр у⁵.

Бабушка еще что-то хотела сказать, предлагала отведать ее пирогов и курицы, но дедушка согласился с зятем и успокоил бабушку:

– У него много дел и обязанностей: не будем его задерживать. Не сомневаюсь, что друзья не оставят его голодным. Да и у нас сегодня будет больше времени и возможностей побыть с нашим дорогим мальчиком, послушать его рассказы, узнать от него о самочувствии нашей внучки, его маленькой сестренки. – И уже обращаясь к отцу, добавила: – Нал дæ уромæм, мæ хур, дæ фæндаг Уастырджийы фæдзæхст уæд⁶.

Отец уехал. Мы вкусно пообедали. Потом долго играли во дворе со смешными маленькими ягнятами и козлятами. Там было три ягненка: один черный с белой полоской через лоб, всю спину до кончика маленького курдючка, два беленьких, – все пушистые, нежные, ласковые. Они отбегали от меня, потом, резко развернувшись, возвращались, тыкались своими мордочками в мои ладони и лизали их своими шершавыми, но приятными язычками. Козлят было двое. У них были маленькие рога. И один из них, рыжеватого оттенка и черным лобиком с хохолком между рогами, все время пытался со мной бодаться. Я принял его игру. Выставлял вперед ладонь правой руки, а он отходил, поднимался на задние ножки, делал угрожающий вид и устремлялся на меня. Первый раз я немного струхнул, но руку не отвел. И правильно: удар козленка был слабый, и я понял, что он меня всерьез не принимает, считает таким же маленьким, как он сам, и все его устрашающие номера только для того, чтобы нашу игру сделать интереснее. И мне, на самом деле, со всеми ягнятами и козлятами все время нахождения в Хумалаге было интересно играть и проводить время.

Но с этим рыжеватым козленком у нас сложились особые отношения. Стоило мне позвать его: «Дзыгы, Дзыгы, Дзыгы!» – как он оставлял свою компанию и, смешно подпрыгивая и мотая головой, бежал ко мне. Целый день он ходил за мной как собачка,

⁵ Одинокий – беден.

⁶ Не будем тебя больше задерживать, мое солнце, пусть твой путь будет благословлен Уастырджи. (Уастырджи – покровитель мужчин и путников. – Ред.).

ложился рядом со мной, если я садился, тыкался уже не рогами, а мордочкой в мои ладони и нежно лизал их. А я кормил его с рук то хлебом, то травой, иногда даже яблоками, и он с удовольствием все съедал. Бабушка иногда старалась, особенно когда я обедал, отогнать его от меня, но дедушка протестовал:

– Ма сæ хыгъдар! Уадз æмæ бæппу ахуыр кæна фосимæ архайыныл. Род дæр, уæрыкк дæр, сæныкк дæр Хуыцауы сконд сты, æмæ æрдз æнæ фосæй мæгуыр кæны. Сывæллонæн йæхимæ фосæй хæстæгдæр цы и! – байраг уа, сæныкк уа, уæрыкк уа, род уа, карчы цъиу уа – уыдонимæ архайгæйæ цард хуыздæр байдайы æнкъарын. Хъуамæ нæхи бæппу дæр цалынмæ махмæ ис, уæдмæ базона, фосмæ цы цæстæй кæсын хъæуы, уый; зона дзидза, царв, æхсыр кæцæй цæуынц æмæ ахуыр кæна фосмæ зылын⁷.

Бабушка внимательно слушала, не возражала, а, наоборот, в знак согласия с дедом гладила меня нежно по голове, иногда достаивая этой чести и моего козленка. Мне казалось, что таким образом она просила и меня, и моего козленка быть внимательными к разумным рассуждениям моего любимого дедушки.

А дедушку я и в самом деле очень любил. И было за что. Он был замечательным примером и для меня, и для всех младших. Его доброе, заинтересованное отношение к человеку притягивало к нему молодежь. Никогда не позволяя себе грубого слова, брани, пресекал все разговоры о другом человеке в его отсутствие, был человеком слова и дела. Они вместе с другим славным стариком села Мацко Бзыковым были самыми уважаемыми старшими в Хумалаге, каждый хозяин дома старался на свое торжество или поминальный стол пригласить их в качестве старших. Я рано, почти с твоего возраста, с 10–11 лет, как и полагалось осетинским младшим, стал прислуживать за торжественными и поминальными столами. И я не помню ни одного случая, чтобы кто-нибудь из старших: или Мацко Бзыков, или мой дед, или другой старик, который вел общую трапезу, – встал из-за стола пьяным (это было позорно) или хотя бы подвыпившим. Это была традиция, был неписанный закон осетинского народа: старший на своем примере учит младших быть

⁷ Не мешай им! Пусть мальчик учится ухаживать за скотом. И теленок, и ягненок, и козленок созданы Богом, и природа без животных беднеет. Ребенок, ухаживая за животными, которые ближе ему, будь то жеребенок, козленок, ягненок, теленок или цыпленок, – лучше начинает понимать жизнь. Пусть и наш внучек, пока он с нами, научится ходить за скотом, узнает цену животным, поймет, откуда берутся мясо, масло, молоко.

воздержанными и в еде, и в питье; никогда не опускается до непристойного положения.

Это было особое поколение старших. Они свято берегли народные традиции, направляли молодых людей на правильный жизненный путь; берегли честь семьи, фамилии, села, народа. Шедшие вслед за ними поколения мужчин и молодых людей учились у них, следовали их примеру. Они могли достойно продолжить их традиции. Но случилась страшная беда. Почти три поколения мужчин, следовавших за поколением моего деда и его сверстников вплоть до моего поколения (1928–1929 годы рождения), героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Многие из них погибли. Многие вернулись с тяжелыми ранениями. Война выкосила три поколения старших. Образовалась огромная брешь в воспитании. Заменить таких наставников, как Мацко Бзыков, Камболат Ходов и их сверстников, было некому. Хотя они были людьми малограмотными, уровень их культуры, нравственности, понимания жизни был очень высоким. Ни ученые степени и звания, обладателями которых стали люди моего поколения, ни современное развитие глобальной информационной системы не могут заменить того внутреннего нравственного богатства, которым обладали эти старшие. Самое главное заключается в том, что этот великий духовный дар они щедро передавали растущим поколениям.

Я научился многому у своего деда. Честно тебе признаюсь, что время и обстоятельства сложились таким образом, что я не смог в нравственном отношении подняться на ту высоту, на которой стоял мой дед. Но если все-таки во мне есть хоть что-либо хорошее, то это благодаря его личному примеру и его бесценным жизненным урокам.

Дедушка Бабзе – не знаю почему мы, дети, так его называли – был очень хорошим рассказчиком. Он знал много народных сказок, сказаний, хорошо читал наизусть стихи осетинских поэтов. С особым чувством он читал стихи Коста Хетагурова из книги «Ирон фæндыр» («Осетинская лира»), написанные на удивительно звучном и метком осетинском языке.

Уже в этот первый мой приезд в Хумалаг дедушка каждый вечер перед сном пересказывал мне какое-нибудь из многочисленных сказаний Нартского эпоса, который ведет свое начало от наших далеких предков: скифов, сарматов, аланов – и отражает в мифологической форме историю народа, его традиции, его отношение к миру и людям. Благодаря дедушке Бабзе я узнал и старейшину нартов Урузмага, и великую женщину – хозяйку нартов,

мудрую Сатану, нартских героев и богатырей Батраза, Сослана, Ахсара и Ахсартага, хитроумного Сырдона и многих, многих других героев. Я надеюсь, дорогой, что ты хорошо изучишь свой родной язык и обязательно на осетинском языке прочтешь и Нартские сказания, и произведения Коста Хетагурова, Сека Гадиева, Арсена Коцоева, Александра Кубалова, многих других осетинских писателей. У нас богатая литература, очень образный, емкий, красивый язык. Ты обязан его знать.

Я поощряю твое хорошее владение русским языком, твое увлечение русской поэзией: русский – наш второй язык. Радуюсь твоим успехам в изучении английского языка. Чем больше человек знает языков, тем шире его кругозор и возможности в освоении мировой культуры. Но основой познания мира все-таки является родной язык, народная литература, родная культура, традиции своего народа. Без них человек лишается своих жизненных корней, становится похожим на сироту, получившего от общества все, но лишённого родительской ласки, потерявшего духовную связь с родной культурой. Это трагедия не только одного человека. Разрастаясь, пренебрежительное отношение молодых людей к своему языку, к своей культуре, к своим традициям приводит к постепенному духовному обнищанию нации и даже полному исчезновению со страниц истории некогда великих народов. Я надеюсь, дорогой друг, что ты меня правильно понимаешь и сделаешь из сказанного мною верные выводы, а главное – будешь действовать.

Всегда твой, дед.
27 апреля 2010 г.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ *28 апреля 2010 года*

Бабушка Готта была очень мягким, добрым человеком. Она хорошо относилась ко всем детям, находила каждый раз новое ласковое обращение и к детям наших родственников, и к детям наших соседей. В широких карманах ее просторного, домашнего, мягкого и теплого, как казалось, фартука, она всегда припасала что-нибудь вкусное для детей. Когда они приходили к нам, то она доставала для каждого маленького гостя то конфетку, то яблоко, то орехи.

Меня она любила особенной, щедрой любовью: оберегала мой сон, никому не доверяя, сама стелила мне постель; укрывая,

всякий раз спрашивала, не жестко ли мне; рано утром приносила мне маленькую кружку парного молока; старалась все-все делать за меня. Она срывала для меня лучшие фрукты, ягоды, во время обеда подкладывала мне самые лакомые кусочки. А ее ласковым обращениям не было конца. Сегодня я всего и не припомню: «мæ хуры хай», «мæ къона», «мæ зæрдæйы уидаг», «мæ зæрдæйы рухс», «мæ цæст», «мæ цæсты гагуы»⁸ и многие другие.

Дедушка не разделял ее чрезмерного стремления оградить меня от всех жизненных тягот и упорно, из раза в раз, наверное, не столько для бабушки, сколько для меня, спокойно, но уверенно наставлял:

– Лæджы бындзæфхад у, æмæ дзы мах хъуамæ куырыхон лæг байрæзын кæнæм, ды та дзы, Тохъон, буц магуса аразыс. Цард – фæллой æмæ тох у, æмæ сæм хъуамæ цæттæ уа.⁹

Свои слова всю жизнь, пока был жив и находился рядом со мной, он стремился осуществить на деле. Дедушка прожил долго и до последнего дня своей жизни все время был в действии, в труде. Все он делал размеренно, не спеша, добротнo, никогда не суетился, но все успевал сделать ко времени и качественно. Он был очень аккуратным. Все его инструменты, хозяйственный инвентарь имели свои места и после работы возвращались туда. Ничего не нужно было разыскивать, а его вещи: одежда, обувь, бритвенные и другие принадлежности – тоже были всегда аккуратно сложены, висели на вешалке или в гардеробе в одних и тех же местах. Я не помню ни одного случая, когда бы мог увидеть какую-либо вещь деда где-нибудь небрежно брошенной. Этому он учил и меня. Он научил меня быстро и аккуратно, без помощи бабушки, одеваться, умываться, стелить свою постель. Постепенно он приучил меня рано вставать, помогать ему в работе, научил любить домашних животных и ухаживать за ними.

Делал он это мягко, ненавязчиво, без лишних замечаний. Часто доброй похвалой даже за незначительную помощь поощрял мои усилия быть в доме чем-то полезным. Мне нравилось быть рядом с ним, наблюдать за его работой, оказывать ему помощь. А

⁸ Доля / частица моего солнца, мое пристанище / очаг, корень моего сердца, «свет моего сердца», «мой глаз», «зрачок моего глаза».

⁹ Он – корень мужчины, и мы из него должны вырастить достойного мужчину, а ты, Тохъон (Тохъон; у осетин принято обращаться к женщине по девичьей фамилии. – Ред.), из него делаешь заласканного лодыря. Жизнь – труд и борьба, и он должен быть готов к ним.

какая это была помощь? Скорее всего, его поручения, которые я выполнял, помогали не ему, а давали мне возможность постепенно осваивать труд и в труде находить удовольствие.

– Баппу, – как-то обратился он ко мне в самый интересный момент моей игры, – подай мне молоток, что-то не найду я его.

Молоток я быстро нашел, потому что он лежал рядом с изделием, над которым трудился дедушка. Передал я его ему с чувством выполненного долга и даже с некоторым упреком:

– Бабзе, как же ты не мог его найти, если он лежал рядом с тобой?

– Правда? Стар стал, совсем уже плохо вижу, – хитро ухмыляясь, сказал дедушка и отпустил меня заниматься своей игрой.

Через минут пять снова позвал:

– Баппу! Сегодня мы с тобой потрудились на славу. Видишь, какую красивую прочную табуретку мы изготовили для твоей любимой бабушки. Вот будет довольна, что у нее растет такой мастеровитый внук.

– Бабзе, но табуретку-то ты делал. Я-то тут при чем?

– Э, дорогой, мы вместе делали. Если бы ты не помог мне найти этот запропастившийся молоток, чем бы я гвозди забивал? А без них бы табуретка сразу развалилась. А теперь, баппу, помоги мне все отнести на свои места.

Я уже знал эти места, и с удовольствием, гордый своей полезностью для деда, и ножовку, и молоток, и ящичек с гвоздями вернул на свои места.

– Бузныг¹⁰, баппу! Теперь так: пока я уберу всякие стружки, щепки, мусор, ты отнеси табуретку бабушке и передай ей как наш общий с тобой подарок.

Я так и поступил. Бабушка приняла подарок, расцеловала меня, расхвалила на все лады, но не обошла своим вниманием и дедушку:

– Вот упрямый, безжалостный старик! Не дал он тебе наиграться, заставил работать...

– Ну что ты, Готта, я сам его упросил. Без меня ему было бы трудно найти свои инструменты, а без них нельзя было смастерить табуретку.

– Ладно, моя радость. Если тебе на самом деле было интересно с ним работать, то и мне хорошо. А впрочем, хитрецы вы оба: иу уæ рувас у, иннæ та йæ къæдзил¹¹.

¹⁰ Спасибо.

¹¹ Один из вас лиса, а другой – ее хвост.

Вот так, друг, или примерно так проходили мои первые осенние дни в Хумалаге с бабушкой и дедушкой. Мне было очень хорошо, уютно и весело с ними, но вскоре наступила зима, и папа меня снова отвез в Беслан. Первый раз он не смог выполнить своего обещания и познакомить меня со своими друзьями, потому что его вызвали в райком по каким-то срочным делам, и он в тот же день из колхоза, даже не заезжая к своим друзьям Борукаевым, уехал в Беслан.

На этот раз он был на легковой автомашине, и прежде чем выехать в Беслан, мы объехали в Хумалаге всех его друзей. Интересные это были люди: и значительные, и серьезные, и веселые. И Татари Касабиев, и Акла Бзыков, и братья Борукаевы, и Габли Акоев, и братья Батре и Афанас Гугкаевы, Ханджери и Николай Хабаевы... Много их было. Мы домой ни к кому не заходили, потому что спешили. Но даже для меня, четырехлетнего ребенка, эта мимолетная встреча отца с друзьями оставила в памяти светлый след. Очевидно, в моем детском сознании отложилось впечатление о честной, бескорыстной дружбе сильных и мудрых мужчин. И это впечатление отложилось настолько сильно, что не покидает меня до сих пор.

Я и сам не был обделен в своей жизни настоящей дружбой. Со многими моими товарищами еще по детским играм, по учебе в школе, затем по институту мы сохранили теплые, близкие отношения на всю жизнь. К старым друзьям добавлялись новые, с которыми меня сводила работа и различные жизненные обстоятельства. К сожалению, мой дорогой Азамат, это великое духовное богатство людей – честную, бескорыстную дружбу – мы за последнее время подрастеряли в бесконечной бытовой суете, в погоне за материальными благами и заменили поверхностными, иллюзорными отношениями, в том числе, и в виртуальном электронном мире. Это не критика, Азамат, а мое желание, моя надежда на то, что ты обязательно обретишь настоящих друзей не по Интернету, а в реальной жизни, через живое общение в учебе и в работе. Настоящая дружба – дар Божий, который нужно ценить и оберегать.

Когда я вернулся от бабушки и дедушки из Хумалага, моя сестренка Римма уже ходила, что-то лопотала, все время чем-то занималась. Я иногда выводил ее во двор погулять, крепко держал за ручку, чтобы не поскользнулась и не упала. Но она быстро от меня уставала и бежала к маме. Ей нравилось наблюдать за матерью, повторять ее действия. Мама поощряла ее деятельность. Если

мама стирала что-либо, рядом в маленьком тазике Римма тоже полоскала всякие тряпочки, платица, ленточки своих кукол. Если мама месила тесто для пирогов, готовила какую-то еду, рядом возилась со своим куском теста Римма и лепила свои маленькие пироги. Вообще всех нас, особенно Римму, мама очень рано приобщила к труду. Это была хорошая школа: моя сестра стала не только отличным педагогом, но и очень хлебосольной и умелой хозяйкой дома. Римма хорошо усвоила уроки нашей матери. Сегодня у нее самой замечательные сыновья, внуки, которых она воспитала. Долгие годы она работала учительницей немецкого языка в школах города Алагир, куда вышла замуж за очень хорошего человека, талантливого инженера Ислама Габеева, и достойно носит его фамилию.

А маленькой она была очень смешной. Полненькая, с большими голубыми глазами на кругленьком лице и копной очень густых, курчавых светлых волос, она важно ходила по комнате, заложив руки за спину, потом долго играла со своими куклами и возилась рядом с мамой. Она никогда не плакала. Я, по крайней мере, никогда не слышал ее плачущего голоса. Хотя она могла обидеться по всякому пустяку. А обидевшись, она постепенно надувалась как воздушный шар, и создавалось впечатление, что она или громко расплчется, или вот-вот лопнет. Но мама улавливала критический момент и ласково говорила ей:

– Цæуæм, чызгай, æмæ та дын дæ дымст суадзæм¹².

Она вводила ее в соседнюю комнату, и через некоторое время они обе веселые, улыбающиеся возвращались обратно. Как они «спускали надутость», как удавалось маме удержать мою сестренку от назревавшего рева, мне так и не удалось узнать. Одно помню: мама постоянно нам внушала, что из порядочного дома никогда не должны раздаваться брань, громкие неприличные крики и беспричинный плач. Думаю, и ты согласишься с ее мнением.

Знаю, что письмо опять получилось слишком длинным, нравоучительным. Ты утомился, отдохни. Отдохну и я: слишком много мне сегодня сделали уколов, разных лекарств закапали в мой больной глаз. Но ничего. Врачи говорят, что процесс выздоровления после операции идет нормально. Скоро увидимся и поговорим вживую.

Всегда твой, дед.
28 апреля 2010 г.

¹² Пойдем, дочурка, спустим опять твою надутость.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

2 мая 2010 года

Здравствуй, дорогой друг! Вчера не стал тебе писать: с большим удовольствием смотрел по телевизору передачи, связанные с празднованием Первомая. В свое время этот праздник зародился как праздник солидарности трудящихся в борьбе за социальные права, как демонстрация готовности рабочих и крестьян отстаивать свои права на достойную жизнь, за справедливое распределение материальных благ, созданных их трудом. Первомайские демонстрации трудящихся часто заканчивались трагическими событиями, жертвами которых становились простые люди.

Но в Советском Союзе Первомай превратился в праздник весны и труда, всеобщий веселый праздник, который объединял и детей, и взрослых, и рабочих, и крестьян, и интеллигенцию, и начальников, и подчиненных. Все становились равными, тепло приветствовали друг друга, пели, танцевали. В этот день почти всегда была ясная солнечная погода. Люди одевались нарядно, красиво. Все были в воодушевленном, приподнятом настроении. Особенно радовались дети. У всех были разноцветные воздушные шары, которые дружно запускали в небо. Взрослые угощали детей конфетами, леденцами, мороженым. Мы много бегали, играли в разные игры. Хорошо было.

После распада СССР этот веселый, радостный праздник, всеобщая встреча весны, обновления жизни, атмосфера единства людей и природы – все это на какое-то время исчезло.

А вот вчера, хоть я и в больнице, и мне после операции на глаз довольно трудно смотреть телевизор, я все равно смотрел, как страна встречает Первомай, и радовался празднику. Радовался, что люди вновь вместе весело отмечают этот всенародный праздник.

Первомай – это традиция людей труда. Этот праздник дает начало весне, новой жизни, пробуждению от зимней спячки не только деревьев, растений, животных и насекомых, но и всех людей. Первого мая природа как будто говорит людям: все вы мои дети, просыпайтесь, все вместе работайте, отдыхайте, дайте возможность и себе, и своим детям наслаждаться друг другом, радуйтесь успехам друг друга, оберегайте общими усилиями свое основное богатство – землю, мир, цените плоды своего труда на земле.

Мне вспомнились вчера мудрые слова моего старшего друга, великого поэта и философа Расула Гамзатова, сказанные по по-

воду распада СССР: «Вместе нам было хорошо, и вместе нам будет лучше».

К чему я тебе это говорю. Понимаешь, между первомайскими праздниками моего детства и твоего произошли колоссальные изменения. Наука, техника получили за это время такое развитие, что не только мы, дети, но и взрослые моего времени, не могли себе даже представить, что люди полетят в космос, что на огромные расстояния можно будет передавать не только звук, но и изображение, что появятся мобильные телефоны, компьютеры, интернет, самые разнообразные (говорящие, идущие, стреляющие, летающие) игрушки для детей. Невозможно было ребенку моего возраста, которого в основном обшивали дома, купить столько разнообразной и модной одежды. Мне сложно было представить, что машины заполнят все дороги и улицы, морское и воздушное пространство, образуют невероятные железные пробки и отберут у человека даже его пешеходные тротуары и проселочные тропинки – фактически лишат его жизненного пространства.

Хорошо это или плохо? Наверное, в чем-то хорошо, потому что свидетельствует о колоссальных возможностях человеческого разума, его творческих способностях, о движении человеческой мысли в создании все новых и новых приборов, средств связи, передвижения и многого другого. Плохо же то, дорогой друг, что в процессе этого вполне естественного и необходимого технического развития человек постепенно сделал технический прогресс самоцелью, растворился в нем и совершенно забыл о духовном и нравственном развитии. А потерю человеческих качеств, живое общение с людьми, чувство человеческой солидарности – никакие гаджеты и другие высокотехнологичные игрушки заменить не могут.

Мне, старику, иногда кажется, что сегодня другого человека мы воспринимаем не как подобное себе живое существо, а как своеобразный объект деловых или коммерческих отношений. Это очень тревожно, потому что человек, перестающий в себе подобным, какое бы он общественное положение не занимал, видеть такого же, как и он сам, человека, теряет нравственные основы, сострадание, а с ними и свою благородную человеческую сущность. Понять человека, которому в критическую минуту требуется поддержка, может только человек, способный к сопереживанию, способный поставить себя на место другого. Такая поддержка необходима всем, и маленьким, и взрослым. Часто эта поддержка измеряется просто добрым словом, простым человеческим вниманием.

Вчера, дорогой, у нас с тобой был двойной праздник. Первомай праздновала вся страна, и мы – со всеми. Хорошо. Но ты же не забыл, что моей первой внучке и твоей двоюродной сестре исполнилось пятнадцать лет. Я с утра поздравил ее с днем рождения, пожелал ей всего самого доброго в жизни.

Надеюсь, ты не забыл поздравить свою сестру? Очень хорошо. Поддерживайте друг друга, любите и цените друг друга. И не забывай, что главная роль в этом отводится тебе. Почему? Потому что ты мужчина, хотя и младше ее на целых четыре с половиной года.

Так что никогда не забывай, что у тебя есть сестра, будь ей всегда опорой и поддержкой во всем.

С праздником тебя, мой друг, и с Днем рождения твоей сестры!

Твой дедушка.

2 мая 2010 г.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

3 мая 2010 года

Вчера, Азамат, я рассказал тебе о своих впечатлениях, связанных с празднованием Первомай в наши дни, и немного о том, как проходил этот праздник во времена моего детства. Я радовался тому, что, несмотря на большие изменения в жизни людей, в нашей стране постепенно возрождаются извечные традиции непосредственного, живого общения. Когда люди вместе искренне проводят торжественные мероприятия, праздники, их радость удваивается, становится ярче, светлее. Создается впечатление, что каждый делится своим счастьем, своим праздничным настроением с другими людьми, согревает их лучами своей души. От этого все становятся добрее, щедрее и намного интереснее. Но людей объединяют не только праздники и торжественные события. В жизни всегда случаются неприятности, горе приходит то к одному, то к другому человеку. И если рядом оказываются родственники, друзья, соседи, сослуживцы, они стараются словом, делом, материально поддержать пострадавшего человека и его семью. Уверяю тебя, мой друг, что такое участие людей помогает человеку, облегчает его горе.

Признаюсь тебе, что я всегда очень уставал Первого мая. Мне тогда казалось, да и сейчас я так считаю, что взрослые дяди и тети, которым поручено организовать праздник, в своем стремлении лучше выполнить порученное дело часто забывают о детях, о

праздничных песнях, плясках, детских играх и своими длинными речами омрачают веселые краски весны и приглушают людское веселье.

Для меня настоящий Первомай наступал не первого, а второго числа. Я любил этот день. Мама с вечера готовила пироги, печенье, всякие закуски. Прямо с утра, легко позавтракав, мы всей семьей с нашими гостями и соседями отправлялись на природу. Чаще всего на Бесланский ипподром (по-осетински – дугъуат), где проводились скачки, соревнования коней и всадников по преодолению всяких препятствий, джигитовка. После окончания скачек люди прямо на траве стелили бурки, ковры, циновки, брезенты, выкладывали на них всю принесенную с собой провизию: еду, напитки, разнообразные сладости. Всё было очень вкусно и дружно съедалось и выпивалось. Ели много, а взрослые и выпивали. Но на этом большом празднике второго мая 1934 года я не увидел ни одного пьяного человека, не услышал ни одного оскорбительного слова, не запомнил ни одной драки. Что касается молодых людей, уже достаточно взрослых, они вообще не пили алкогольных напитков. Я уже не говорю о подростках, потому что тогда подросток и даже самый слабый алкогольный напиток, например, пиво, были несовместимы. Теперь ты понимаешь, друг, почему я так реагирую, возмущаюсь, когда встречаю среди бела дня, иногда ранним утром, целые группы подростков, в том числе девочек, с бутылками пива на улицах Москвы.

Я часто потом бывал и на Бесланском, и на других ипподромах, всегда с интересом смотрел разного рода соревнования коней и всадников и получал большое эстетическое удовольствие. Но такого сильного впечатления, какое я получил на Бесланском ипподроме второго мая 1934 года, я больше никогда не испытывал. Мне нравилось все: всеобщая веселая раскованность, добрые улыбки и смех людей, искренние приветствия знакомых и незнакомых людей, пришедших на ипподром. Особый восторг вызывали кони и всадники. Они были со всего Кавказа: Дагестана, Кабарды, Балкарии, Чечено-Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Ставропольского и Краснодарского краев, Ростовской области, даже из Грузии, Азербайджана, Армении. Мне тогда было всего 5 лет, но я уже многое мог понять, переживал за тех коней и всадников, которых облюбовал, и хотел, чтобы они побеждали и на скачках, и в преодолении препятствий, и в джигитовке.

Особое впечатление я получил от джигитовки. Джигиты словно сливались в одно целое с лошадью; на полном скаку вставляли на седло, быстро прыгивали на землю и одним неуловимым

движением, как подброшенные мощной пружиной, не касаясь телом коня, легко перепрыгивали его слева-направо, справа-налево, делали стойку на коне, упираясь головой о шею коня и ровно вытянув ноги вверх... Я был очарован.

Вдруг по всему ипподрому раздался дружный возглас восторга. Этот возглас состоял всего из двух слов: «Хабæты Ханджери!» Через несколько мгновений последним из джигитов на полном скаку на темно-сером жеребце в красивой сбруе и уздечке с серебряными украшениями появился сам виновник ажиотажа. Он остановил коня, поднял его на задние ноги и поставил чуть ли ни вертикально, через мгновение на всем скаку соскочил на землю и сразу перелетел через коня слева-направо, потом обратно; потом встал на круп коня, легко подпрыгнул и, сделав в воздухе сальто, мягко опустился на седло. За этим началось самое интересное и даже страшное. Переведя лошадь на какой-то особый аллюр, всадник лег горизонтально на седло и медленно головой вниз пополз в правую сторону под брюхо коня... Какое-то время были видны только его ноги в обтягивающих мягких сафьяновых сапогах с тонкими подошвами. Люди замерли. Вдруг раздался всеобщий вздох облегчения: голова Ханджери показалась из-под брюха коня с левой стороны, и вскоре он уже был в седле и слился в одно целое со своим Серко (так он называл своего любимого жеребца). Он шагом, поглаживая шею коня, подъехал к центру ипподрома, легко соскочил, снял с головы легкую серую подмасть коня каракулевую папаху и низко поклонился людям.

Раздался гром аплодисментов, возгласов восторга, похвал, здравиц. Конечно, первый приз достался ему. Уже вечерело, люди расслабились, кто сидел, кто прилег на траве. Я вместе со всеми после пережитого потрясения от увиденного чуда тоже растянулся на мягкой бурке отца. Немного задремал, но вскочил, когда опять услышал это имя.

– Ханджери! Махмæ! Махмæ! Абад иу чысыл махимæ дæр¹³, – приглашали джигита люди со всех сторон в свою компанию.

– Бузныг! Уæ цæрæнбонтæ уын Хуыцау амондджын скæнæд. Мæнæ мæ хо æмæ ме 'фсымæры фенон – уый фæстæ та хъæумæ: Серко тынг фæллад у¹⁴.

Он легкой пружинистой походкой подошел к нам, обнялся с мамой, с папой, приветствовал всю нашу компанию, потом как со взрослым поздоровался со мной за руку со словами:

¹³ Ханджери! К нам! К нам! Посиди хотя бы немного и с нами.

¹⁴ Спасибо! Пусть дни вашей жизни Бог сделает счастливыми. А я сейчас вижу с со своей сестрой и братом – потом домой: Серко очень устал.

– Салам, Галазы фырт! Бабзейы сæрæнгуырд бæппу, дæ райгурæн хъæумæ ацæуæм, æмæ дæ æз бæхыл бадын сахуыр кæнон¹⁵.

Я сразу дал согласие. Не возражали отец и мать, которые обещали на второй день приехать в Хумалаг и привезти мои вещи. У тети Дзыгулла я потом выяснил, почему Ханджери называл моих родителей сестрой и братом.

– Ханджери Улацкæйæн йæ къухылхæцæг уыд æмæ нымад у кæнгæ æфсымæрыл дæ мадæн дæр æмæ дæ фыдæн дæр¹⁶.

Он легко подхватил меня, посадил на мягкие сидения подкатившей к нам брички, и мы поехали, сопровождаемые одобрительными напутствиями расходившихся с праздника людей. Рядом с лошадьми, запряженными в бричку, усталой рысью с накинутой на него тонкой попоной, бежал Серко, уже без седла и красивой уздечки. Меня разморило, и я быстро уснул. Проснулся я уже на второй день утром в родных теплых объятиях дедушки Бабзе и бабушки Готта.

Вот так, дорогой! Интересно тебе было слушать мой рассказ или нет, но мне, честное слово, сегодня было приятно вспомнить этот день и в мыслях вернуться в счастливое и светлое детство, вспомнить хороших людей, многих из которых уже нет в живых, но которые живут в моей благодарной памяти.

Доброй ночи тебе, мой друг.

Твой Ахсар.
3 мая 2010 г.

Продолжение следует.

¹⁵ Привет, сын Галазовых! Славный мальчик Бабзе, поехали в твоё родное село, и я научу тебя там сидеть на коне.

¹⁶ Ханджери был шафером Улацки, и потому почитается названным братом и твоей матери, и твоего отца.

Тенгиз МАРЖОХОВ

НУЛЁВКА

ПОВЕСТЬ

В оформлении использована иллюстрация автора

После случая с Абасовым его оставили в покое, больше не тревожили докладом и подобной ерундой. Махнули на него как на неисправимого уголовника. Правда, это только пока он сидел под крышей, в ПКТ. По выходу в лагерь, приключения продолжились. А вышел он осенью, в такую пору, когда к полудню солнце кусается, как через увеличительное стекло, но по утрам и вечерам уже прохладно, чувствуется студеное дыхание гор. Подкова гор под утренним солнцем золотая, под вечерним – медная.

Утром на разводе, на плацу, Аслан думал: сколько в этом строю проторчишь, одному богу известно, и правильно он сделал, что под робу надел кофту. К смене режима после ПКТ организм должен привыкнуть. Полгода под крышей, в каменном мешке, даром не проходят. Подхватить простуду сейчас проще простого, а вот лечиться... Тут одна таблетка от всего, как в том анекдоте. Так что – береженого бог бережет. В этот момент Аслан заметил на себе взгляд офицера, командовавшего построением.

– Осужденный, выйти из строя! – скомандовал старлей. – Что это? – вцепился он в воротник кофты, выглядывавший из-под робы. – Не по форме... нарушение! – потянул так, будто хочет оторвать воротник.

Продолжение. Начало см. Дарьял 6'2022.

Аслану стало неловко – на глазах у всего лагеря этот бесцеремонный старлей пытается оторвать воротник кофты, которую мать прислала в вещевой посылке. И читалось: делает это намерено – играет на публику, чтобы унижить его перед строем.

– Руки убери! С ума сошел, – уклонился Аслан, не давая старлею оторвать воротник.

За непослушание старлей, как холопу, отвесил Аслану пощечину. Автоматически Аслан выбросил руку: короткий удар. Фуражка слетела с головы. Старлей упал на задницу, словно из-под него выбили стул. Он поплыл, взгляд блуждал, собирая разлетевшиеся по плацу мысли.

Черные легионы отрядов, казалось, готовы были прокричать как на параде: «Ура! Ура! Жизнь ворами!» Кто-то даже сделал заключение: «О-о... этот пацан – карат!» Правда, со стороны вахты уже бежал наряд. Один из наряда подхватил фуражку и помог подняться пострадавшему старлею. Двое покрепче схватили Аслана и поволокли на вахту. В подвале вахты его уже забивали в землю и, похоже, забили бы, если бы не прибежал дежурный помощник начальника колонии и не прекратил избиение. Он охладил пыл разгорячившихся сотрудников. Приказал поднять на ноги осужденного, отряхнуть. Дал отдышаться немного, прийти в себя. После повел к хозяину – начальнику колонии.

Начальник колонии стоял у окна и смотрел на плац, на черные легионы отрядов, на белеющие бараки, на периметр зоны, на поселок за периметром, на бурые холмы предгорий и вдали – белоснежный кряж кавказских гор. Аслан понял, что хозяин видел все своими глазами. Сразу он не мог сообразить – хорошо это или плохо? Смотря, как повернуть. Хозяин показался Аслану полководцем, с высоты наблюдавшим за сражением.

Хозяин отошел от окна, сел в кресло, положил руки на стол.

– Это что же получается, осужденный Тамаев? Недавно вышел из ПКТ и опять нарушаешь? – внимательно посмотрел он на Аслана. – Сам начальник управления Абасов тобой интересовался. Звонил недавно, спрашивал: «Как там осетин поживает?» А ты беспределом занимаешься – руку на офицера поднял. Как это понимать?

Аслан тяжело дышал. Его колотило. Несколько ребер было сломано – ломило в груди. Неизвестно, что было бы, не подоспей дежурный вовремя. Может быть, он и стоять перед хозяином не смог бы. А тут еще и объясняться надо.

– «Руку на офицера поднял... как это понимать... беспределом занимаешься...» Это вы, гражданин начальник, здесь беспределом занимаетесь!

Брови хозяина поползли вверх. Он не ожидал такого оборота. Думал, осужденный будет оправдываться, как и все в этом кабинете. Просить не наказывать строго, не смея поднять глаза. Говорить тихим неуверенным голосом. Обещать, что впредь такое не повторится. А тут контратака!

– Старлей дал мне пощечину, за это и получил. Какое он имеет право поднимать на меня руку?.. Я вам здесь мальчик для битья, что ли? Если я нарушаю, пусть напишет рапорт... поставьте мне взыскание, посадите в изолятор. Сами первые не нарушайте закон. – Аслан перевел дух. – Понимай как хочешь, гражданин начальник, но больше я пинать себя не дам.

Контратака возымела действие, неслыханная дерзость обескуражила хозяина. Ему было не по себе выслушивать такое, но возразить было нечего. Он задумчиво постучал по столу, посмотрел на дежурного, и сказал:

– Пойдешь в изолятор на пятнадцать суток. Инцидент произошел на глазах у всей зоны, не отреагировать мы не можем. Но больше тебя никто не тронет.

Хозяин встал из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

Воспоминание прервал шум с коридора – скрипнула тележка баландера. Кормушка открылась.

– Обед – щи, – сказал баландер и положил на кормушку пайку хлеба.

Аслан подошел, взял пайку. С коридора потянуло запахом капусты и комбижира.

– Щи брать будешь? – спросил баландер, помешивая большим половником в алюминиевой фляге.

Аслан глянул через кормушку. На тележке, вокруг сорокалитровой фляги, стопками стояли шлёмки – келешованные шлёмки. По каплям воды на жирной поверхности было видно, что моют их в столовой спустя рукава. Индивидуальную посуду не позволяют, а с этой питаться запахло.

– Нет, – ответил Аслан.

Кормушка закрылась. Тележка поскрипела дальше, через камеру. Значит, в единичку никого не посадили, понял Аслан.

Хотелось нормально покушать, затем покурить. Потом с кем-нибудь пообщаться. Но рядом никого не сажают, не с кем поговорить. Да и посадили бы, кабуры нет, пришлось бы перестукиваться. Пробить кабуру не дадут, и нечем, даже ложки в камере нет. Есть только тормоза – дверь, решка – зарешеченное окно с ресничками, шконка и деревянный пол. Даже раковины нет, кран и

дыра в полу – параша. Аслан открыл кран, помыл руки. Вода полилась в дыру, где проглатывалась, гулко полоща канализационную глотку. Аслан встряхнул руки, вытер об робу и принялся жевать пайку хлеба. В Каменке под крышей было веселей. Там крыша неплохо грелась. Был и чай, и курево, и харчи перепадали. Вообще, бродяги в лагере не забывали бедолаг. А здесь, похоже, ждать нечего. Приморили, суки, приморили.

В Каменке после пятнадцати суток в изоляторе за инцидент со старлеем Аслан поднялся в лагерь. Больше полугодом прошло как его привезли из Владикавказа в Каменку, а лагеря он толком не нюхал. Говорят, что о положении в лагере судят по крыше. Но крыша крышей, а в лагере жизнь протекает по-своему. И здесь надо понять, что к чему, и приспособиться. Лагерь или, вернее, жилая зона – это плац и бараки, набитые заключенными, как муравейник. На первый взгляд кажется, что здесь черт ногу сломит. Но кто знает принципы деления на масти (касты), все становится понятно.

Аслан занял достойное место в лагере, какое и подобает настоящему бродяге. За время, проведенное под крышей, у него сложился определенный авторитет. Никто не забыл, как на глазах у всей зоны он коротким ударом уронил на жопу офицера. А про кипиш под крышей – случай с Абасовым – вообще ходили легенды. То, что «этот пацан карат!», намотали на ус даже сотрудники администрации.

Первое время Аслан отдыхал, насколько это возможно в местах лишения свободы, и восстанавливался после шести месяцев под крышей. Он перезнакомился с местным населением и стал глубже понимать его состав. Местное население лагеря – зеркальное отображение Республики Кабардино-Балкарии, и делится на группировки как по этническим признакам (на кабардинцев и балкарцев), так и по географическим – по районам (Баксанские, Терские, Нарткалинские). Свои поддерживают своих. Даже сотрудники администрации вовлечены в это и подыгрывают своим. Аслан заметил, что осетин тоже немало. Они, в свою очередь, делятся на местных и тех, кто, как он сам, пришел по этапу из Владикавказа. И этот этнический узор накладывался на общероссийские тюремные традиции и преломлялся в такой карнавал, что попавшие из России каторжане зачастую не поднимались в лагерь, а иные зашивали рот, чтобы не сболтнуть лишнего. Ведь слово здесь – это обоюдоострая бритва без ручки.

Аслан, понимая эту систему, не вовлекался в нее сам, оставаясь, как говорится, над схваткой. Про себя он делил людей только на порядочных и непорядочных. И твердо знал, что свои могут как поддержать, так и подставить. Он не ограничивал себя в общении, по сути, оставаясь волком-одиночкой. И все бы хорошо, но в то же время Аслан почувствовал, как лагерное колесо сансары начало занозить. Занозить кривыми постановлениями. Хочешь не хочешь, а под шкуру попадает. Администрация в лагере контролирует все через своих агентов влияния. А отрицала на то и отрицала, чтобы не только не идти на поводу у администрации, но и по возможности бороться с ее влиянием. У Аслана по этому поводу состоялся разговор со смотрящим за лагерем, который по идее должен быть лидером братвы. А на деле получалось... Тот попытался юлить, но, когда понял, что спрос будет по гамбургскому счету, откровенно сказал:

– Понимаю, что все это неправильно. Но не мной было так поставлено. По-братски прошу, дай чистым освободиться, мне месяц осталось.

Через неделю после освобождения смотрящий подъехал к лагерю, как и обещал. Привез маляву от воров, где говорилось, что за положение в лагере отвечает Аслан-осетин. Это давало карт-бланш – неограниченные полномочия, полное доверие повести корабль под названием лагерь так, как он посчитает нужным. Там это называлось: загрузили за лагерем. Правда Аслан понимал: воровской карт-бланш может обернуться немалыми проблемами. Как в поговорке: «Вход рубль, выход два». Но отказываться было поздно. Как в пословице: «Назвался груздем – полезай в кузов».

Аслан стал положенцем в Каменке. И как положенец начал исправлять кривые постановления – зачищать занозившее колесо сансары. Бывало, попадались гвозди, приходилось вбивать их в полотно. Некоторых лже-бродяг – агентов влияния, подходивших с необоснованными предъявами – пришлось побить. Когда закончились предъявы и предъявляльщики, появились истинные заинтересанты. Пришел кум – начальник оперативного отдела. Причем сам пришел в барак, а не вызвал на вахту, что подразумевало неформальность предстоящей беседы.

– Как жить будем, осетин? – начал кум, как старый знакомый.

– А как хотите? – ответил Аслан вопросом на вопрос.

– Хотим жить дружно, как раньше. Тебе дадим ход – по зоне будешь гулять. Под крышу заходить, когда надо. Ни в чем нуждаться не будешь. Свидания, передачи, посылки без ограничений.

Будут другие пожелания – можем рассмотреть, – заманчиво блеснул глазами кум.

Аслан молчал, не торопился с ответом. Выгодное предложение делал кум.

– Со своей стороны ты должен держать массу под контролем. Чтоб никаких ЧП, суицидов, жмуров не было. Чтоб зэки не жаловались, не писали по инстанциям. Чтоб, кого мы скажем, не трогали. А кого надо – наказывали.

– Как это?

– Ну, например, пришел в лагерь молодой пацан и блатного из себя строит, с сотрудниками огрызается. Если мы начнем его прессовать... пойдут жалобы, родня подключится... много ненужного шума. А так – вы сами, внутри, так сказать, находите за ним косяк и по-своему поступаете. Бьете, ломаете, короче, вам виднее.

Просек Аслан, что пишет на диктофон их разговор кум (за ним такой грех водился), уж больно гладко и сладко он стелил. Аслан подошел к нему вплотную, чтобы лучше слышно было – и послал его!..

Аслан вспоминал это с некоторым сожалением. Можно было, конечно, сыграть тоньше, постараться переиграть кумчасть – один из механизмов системы переработки людей в паштет. Если безопасность – это охрана периметра, предотвращение побега, шмоны, отъем всего запрещенного, то кумчасть – это внутренняя оперативная работа: скандалы, интриги, расследования. Кто с кем враждует, кто с кем дружит. Кого лбами столкнуть. Как фигуры на доске расставить, чтобы процесс контролировать, манипулировать и, когда надо, схлопнуть все к чертовой матери. Сейчас Аслан имел больше опыта, а тогда он бескомпромиссно послал кума по известному адресу.

– Смотри, осетин, пожалеешь, – зловеще бросил кум, выходя из барака.

После такого отворот-поворота администрация решила подкрутить гайки, перекрыть кислород, чтобы недовольная арестантская масса сама смела нового положенца. Участились шмоны. Чаще стали бить и сажать в штрафной изолятор. Максимально осложнили возможность греть крышу, чтобы табаком и чаем не пахло. Урезали передачи, как по количеству, так и по перечню продуктов и вещей. Сигареты стали ломать. Абсурдный принцип «мы не сидим, мы стоим» довели до предела. Одним словом, сделали так, чтобы тяжелая жизнь арестанта стала еще тяжелее. А кто виноват? А виноват положенец. Не хочет жить дружно. Не может найти с начальством общий язык (как это делали до него).

Правда, и Аслан был не так прост. Понимал методы воздействия администрации. Самым рьяным лже-бродягам, агентам влияния, оппозиционерам рты закрыл. И подвигнул арестантскую массу к мысли, что «наш ход» надо заслужить. А это возможно только при отсутствии в массе раскола. В общем, все это вылилось в противостояние – администрация гнула арестантов, но сломать не могла. Как мера противодействия – пошли через спецчасть многочисленные жалобы на прокурора по надзору. Достал произвол администрации. Думали, не будет реакции. А нет. Приехал прокурор. Приехал как полагается – в синем мундире с золотыми пуговицами. Занял служебный кабинет и вызвал нескольких осужденных для объяснений. В их числе оказался и Аслан. Прокурор поинтересовался, почему раньше жалоб годами не было, а теперь пошли сотнями? Аслан объяснил причины жалоб, что недовольство вызвано незаконными, абсурдными требованиями со стороны сотрудников администрации, что это не требования, а произвол.

– Ну надо найти какой-то компромисс, – предложил прокурор.

В том-то и дело, пояснил Аслан, что сотрудники не идут на компромисс. Упрямо гнут свою линию, причем по-тупому.

Прокурор за словом в карман не полез, его ответ убил Аслана.

– А что вы хотели?.. В этом и заключается ваше наказание, что они тупее вас!

Аслан невольно улыбнулся, вспоминая это: такого обескураживающего ответа от прокурора, человека призванного защищать закон, он не ожидал. Прокурор-кабардинец не стал приводить правовые обоснования, ссылаться на нормы закона, а сказал как есть – назвал вещи своими именами, и этим самым выбил почву из-под ног недовольных арестантов. Одним выражением переиграл их, поставил мат. По-кавказски прямо дал понять, что здесь с вами играть в мифическую исправительную систему никто не собирается.

Не проканал, ну и не надо – жалобы оказались пустой затеей. Но арестанты со своей стороны знали, как усложнить жизнь администрации, сделать так, чтобы жизнь малиной не казалась. Сила действия равна силе противодействия. Короче говоря, нашла коса на камень – под стены подвели роту охраны и ОМОН, готовых войти в зону и переломать оборзевших зеков. Пройтись ураганом дубинок по поднявшимся горбам. Выколотить дурь из горячих голов. Показать, кто здесь хозяин.

Камуфлированный «троянский конь» стоял под стенами и бил копытом. В любую минуту могла начаться экзекуция. Зона

притихла, как перед боем. Незвестность томила до тошноты. Но нашелся в окружении Аслана местный паренек, погоняло – Барс. Это тот случай, когда яблоко от яблони падает недалеко, а укатывается далеко. При интеллигентных, обеспеченных родителях, проживающих в Москве, Барс стал преступником и проявлял незаурядные криминальные таланты. Он всецело поддерживал положенца и его политику пойти ва-банк. Мобильная связь в лагере, с которой администрация одной рукой борется, другой – коррумпированной – проносит, сыграла в данном случае решающую роль. Барс дозвонился до родителей – послал сигнал «SOS», сказал, что надо сделать, чтобы их сын не был втопан в плац грубым ботинком омовца.

Полковнику Абасову позвонили из Москвы, из ГУИНа (главного управления исправления наказаний) и предупредили: если хоть одна жалоба придет в управление, генеральских погон ему не видать как собственных ушей. Абасов сломал в руках карандаш. Скрипя от злости зубами, рывкнул на подчиненных: «Пусть делают, что хотят!»

«Троянский конь» так и не был введен в «город». Камуфляжи роты охраны вернулись в казармы, ОМОН погрузился в автобусы и убрался восвояси. Даже в лагере пропали все сотрудники, лишь на вышках просматривались молчаливые силуэты. Зеки праздновали победу. Восторжествовал Черный ход! Гуляй, рванина! На время в Каменке утвердилось положение, о котором мечтают во многих лагерях. Своего рода коммуна, где влияние «красных» сведено к минимуму: утренняя и вечерняя поверка, одно построение в неделю – все. «Мы не сидим, мы стоим» – забыто. Локалки открыты. Если кум обещал одному Аслану дать ход, то теперь каждый гулял по зоне. Расцвел катран. Работал тотализатор – ставка от пачки сигарет на любой вид спорта. Играли во все: карты, нарды, шашки, шахматы, лото и даже в настольный хоккей. Шмоны стали редкостью. Придирик за форму одежды, заправки по белому и прочая режимная повинность пропала, как и не бывало. Бурги, козлы не показывались, забились по углам: бытовкам, каптеркам. А если нужда гнала их в жилзону – мелькали пугливыми тенями. Аслан как положенец поставил запрет на барбитуру, нелегальные психотропные препараты – и провокационных проделок лунатиков и психопатов не стало. Запретил необоснованно, без решения сходяняка, распускать руки – и случавшиеся между группировками побоища сошли на нет. Объявил: «Колхоз – дело добровольное», отменил положняковые проценты с ларька, посылок, передач, бросов, и, как ни странно, общак от этого толь-

ко пополнился. После этого вокруг него окончательно сплотилась мужицкая масса.

Долго так продолжаться не могло. Администрация выпускать из рук процесс исправления осужденных не хотела. Да и осужденные от такой лафы перестают видеть берега. Поэтому провокация не заставила себя долго ждать. Из Советского (еще один лагерь общего режима в Республике Кабардино-Балкария) прибыла пара блатных. Режим в лагерях-побратимах и раньше отличался, а теперь так уж совсем. Эта парочка первое время присматривалась, потом решила громко заявить о себе. Ничего лучше не придумала, чем побить в бараке мужиков за бытовуху: опоздание на поверку, небрежную заправку, висящие носки на шконке. Аслан позвал на разговор недавно прибывших блатных. «Кто дал вам право на мужиков руку поднимать? Если вам что-то не нравится, здесь положенец есть. Мы тут режим шатали не для того, чтоб вы приехали, обратно его навернуть! И что за мусорские подходы? Зачем вы за мусоров работу делаете?» Короче говоря, объяснить свой поступок, кроме «Так было в Советском», блатные не смогли. «Вам тут не Советский, а Каменка!» – Аслан дал обоим по башке: получил с них за поступок.

Позже Аслана вызвали на вахту. В кабинете начальник оперативного отдела – старый знакомый кум недвусмысленно дал понять, что он совершил большую ошибку и должен реабилитировать побитых блатных. Аслан понял, что это не просто какие-то блатные, раз уж за них начальник оперативного отдела ходатайствует, но менять своего решения не стал. «Занимайтесь своими делами, гражданин начальник. В своих мы сами разберемся», – был его ответ.

Битая парочка блатных затаила обиду. Они считали, что неправильно к ним подошел положенец, несправедливо. По их понятиям – мужики им не ровня, а значит, правило (око за око, зуб за зуб) на них не распространяется.

Аслан рассудил по-другому: кем они себя возомнили и кем себя считают, одному богу известно, но положение в лагере одно для всех. И за положение отвечает он. Аслан не учел (теперь он это понимал), что дома и стены помогают. Эти двое заявили, что не согласны с положенцем и поедут искать правду на Соматы (в больницу), куда по традиции свозили терпигорцев. Ночью они заштырились. Наутро их перевели в санчасть с температурой, для дальнейшей отправки на Соматы. Правда, на Соматах этих блатных никто не поддержал, пойти против решения положенца, поставленного ворами, желающих не нашлось. Значит, и штыриться

не следовало, пустой вред здоровью. Ситуация предполагала нагноение.

Теперь Аслан понимал, почему из Каменки его срочно продернули спецэтапом. Понимал брошенные в запале слова: «Если с ним что-то случится, я тебя сгною!» Эти слова, эту угрозу бросил полковник Мамедов, заместитель начальника управления, заместитель Абасова. Оказалось, один из заштырившихся блатных был ни много ни мало родной племянник Мамедова. Аслан ухмыльнулся этому факту – дядя полковник, второе лицо в управлении, а племянник блатной в лагере, блатует под прикрытием. И он его побил и отказался реабилитировать. А учитывая прочность на Кавказе родственных связей, было понятно, почему его вызвали на вахту, без объяснений закинули в железный короб автозака, как был – в тапках, не дали собрать личные вещи, и вывезли. Теперь все стало на свои места. В эту логику укладывался и «горячий» прием в «Белом лебеде» Пятигорска. Да, он не раз попадал под молотки, бывал в жестких передрагах, но так, как попал в Пятигорске... там он впервые почувствовал к р а й. Мамедов – падла! Сукин сын!

Но Пятигорск был транзитом. Хоть там его сильно побили, все же это был транзит. А в Борисоглебске он, похоже, надолго. Сидеть ему еще семь лет из двенадцати по приговору, и внутренний голос подсказывает, что это может даже конечная остановка. Хотя кто знает? Здесь все то тянется годами, как тяготная резина, то быстро меняется, как погода в горах.

В коридоре громыхнула тележка – пришло время ужина. Кормушка открылась. На нее легла пайка серого хлеба. Из коридора послышался голос баландера: «Уха. Брать будем?» Аслан забрал пайку хлеба. Кормушка заскрипела, выдавливая черный солидол из петелек, захлопнулась, стукнула щеколда. Баландер поехал дальше. Аслан подошел к решке, посмотрел через реснички. Вечерняя полоска неба теряла краски, становилась серой. Вдали, черными точками на крыше барака, замерли грачи. Осень. Тишина. Аслан отошел от решки. Тусклая лампочка в нише над тормозами скупо желтила пространство вокруг. Мрачные стены камеры будто покачивались. Аслан держал пайку хлеба, не зная – съесть сразу или оставить? Вечер длинный. Голод придет к полуночи. Будет шарить по углам. Травить желудок. Гудеть в голове. Будоражить мысли... Покурить бы.

Двенадцать лет... двенадцать лет. Как он докатился до такой жизни? Что привело его сюда?

Аслан посмотрел на свои кулаки – да, была сила в руках! Он был воспитан в духе агьдау – кодекс чести осетина. Занятия точными единоборствами закалили характер, выковали крепкое тело – фигура как у богатыря с картин художника Туганова к Нартскому эпосу. Волосы черные, глаза карие, нос с высокой горбинкой. К двадцати трем годам, когда попал в тюрьму, хорошо был знаком с понятиями подворотен и рыцарством улиц. Такой сплав мог привести к успеху, но, как бывает, когда молодая энергия не направляется авторитетом мудрости, это привело к отрицательному результату. Отца рано не стало. Аслан мало помнил его. Помнил лишь, как отец сильными руками подкидывает его, смеется и дает шуточные прозвища. Аслан даже представить не мог, что было бы, если бы отец был жив.

Равнялся он на старших братьев, которым было не до него, они сами были вовлечены в круговорот нового времени. А время наступало веселое, лихое. Казалось бы, живи и радуйся, но насколько стремительно меняется взрослеющая молодежь, настолько менялась жизнь вокруг. Наступало такое время, когда мир людей сошел с ума. Перестройка. Красный запрещающий сигнал светофора, горевший более семидесяти лет, погас. Без промежуточного желтого загорелся разрешающий зеленый. Переобулись Мальчиши-Кибальчиши в плохишей. Побросали красные знамена, галстуки, значки. Забыли свое прошлое комсомольцы, пионеры, октябрята. Быстро исчезли с площадей памятники Ленина. Люди начали молиться доллару. Объявили гласность, свободу слова. В обиход вошли новые понятия, термины: банк, биржа, казино. Каждый мечтал попасть в тему, чтобы стать делом, спешить на стрелку, на точку; заработать «баксы», «зелень», «лаве». Все кинулись что-то продавать, покупать. Большие площади были отданы под рынки. Развернулся челночный бизнес – клетчатые баулы заполонили весь транспорт: автобусы, поезда, самолеты. Бульдозер рыночной экономики, ворвавшийся на неподготовленную почву, сравнял все, что было – и плохое, и хорошее. Людям, всю жизнь идущим к светлому будущему, постучали по спине и сказали, вы не туда идете. Поменялись приоритеты. В чести стали банкиры, цеховики, водочники. Интеллигенция стала торгашами. Спекулянты – коммерсантами. Бывшие военные и спортсмены – бандитами.

Будущее Аслана туманным облаком висело перед глазами, видимости не было даже на год вперед. Внутренний голос говорил, что давно пора стать самостоятельным и начать помогать матери. Но пока Аслан не понимал, чем может заняться. Он по инерции

занимался любимым делом – тренировался. Правда, без связей, финансовых возможностей, или счастливого случая таланту нереально было попасть на серьезный кумите. И запах татами, грубое сукно кимоно, под туго затянутым черным поясом, так и оставались заветной мечтой. Тогда применение талантам Аслана нашла улица. К чему способности, если нигде их применить?

Как-то Аслан возвращался с тренировки, ляжка спортивной сумки тянула плечо. Душу тоже тянуло какое-то тревожное чувство. Но это только подзадоривало. Авантюризм лез из пустых карманов. На районе Аслан повстречал старших пацанов – старшаков. Каждая собака во Владикавказе знала их. И знала, как шпану, как лоботрясов, которыми родители пугают детей. Они предпочитали кабак и хороший табак прочим премудростям. Предпочитали настоящий момент жизни книгам. Каждый был оторви и выбрось. Каждый в свое время подавал большие надежды. Словом, каждый со своей судьбой и биографией. Они были смелые и наглые, как голодные волки. Старшаки казались Аслану такими взрослыми, крутыми. Они-то понимают жизнь, знают, почему фунт лиха. Услышать от них похвалу было достижением. А похвала, признание улицы так важны юноше. Улица ведь тоже не дура, знает – на кого глаз положить. Способную, перспективную молодежь надо брать в оборот. «Все тренируешься, малой? – завели разговор старшаки. – Бросай это дело... и так уже круче Джеки Чана. Давай лучше мы тебя в форточку подсадим».

За стенкой хлопнула входная дверь. В коридор ввалился шум. Скрипнул зубами камерный замок. Бах! – открылись железные тормоза. Стоявшее как вакуум пространство камеры высосало в коридор. Через запирающуюся решетку на Аслана смотрели дежурный принимающей смены, дежурный сдающей смены и контролер.

– Вечерняя проверка! – объявил дежурный принимающей смены. – Вопросы, жалобы есть?

Контролер открыл запирающуюся решетку, вошел в камеру, простучал деревянной киянкой решку. Решка отозвалась звуком глухого металла.

– Порядок, – бросил контролер и вышел из камеры.

Дежурный поводил глазами по камере, остановил взгляд на осужденном.

– Матрас брать будешь?

– Нет, обойдусь, – отказался Аслан, помня, что за вшивой матрасовкой предложат выйти в коридор, а там контролер дубину уже приготовил.

– Спи тогда на голом железе.

Тормоза захлопнулись. Замок проскрежетал два оборота.

Только сейчас Аслан заметил, что продрог. Шутка ли, конец сентября, а он в одной робе, на ногах тапки. Телогрейки нет, верхняя одежда не положена в штрафном изоляторе. Одежда нет, казенное одеяло вместе с вшивым матрасом осталось лежать на продоле. Придется спать, как сказал дежурный, на голом железе. Тупик какой-то... И помощи ждать неоткуда. Братва в лагере его не вспомнит. А если и вспомнит, от этого не легче. Вова Чечен его сбаврил под крышу и рад, небось. Аслан походил по нулевке, подрыгал конечностями, пытаюсь согреться. Решка без рамы, без стекол. Под тормозами большая щель. На этом кладбище ему досталась самая паршивая могила. Он был на грани срыва. Оставалось лишь взяться за голову и забиться в угол. Но злость не давала сдаться и впасть в отчаяние. Злость отличный генератор энергии. Когда ничего не осталось, даже злость можно призвать в союзники. Аслан ходил по нулевке, как волк в клетке, и сжимал кулаки от злости. Он представлял, как выйдет из-под крыши и накажет Вову Чечена. Одним ударом выбьет из него дух, да и дурь заодно. И те, кто станут у него на пути пойдут туда же.

Лампочка-подсветка тонко пела жалобную песню. Где-то гудел распределительный щиток. В далекой камере упала, нарушая звенящую тишину, железная кружка. Временами в коридор прорывались обрывки голосов из тех камер, где сидели по двое, по трое и больше. Аслан прислушивался, пытаюсь понять, кто говорит, о чем говорят. Ему-то поговорить не с кем, изолировали наглухо, даже единичка пустая.

Аслан открыл кран, струя воды полилась черным серебром. Гулко отозвалась глотка канализации, жадно проглатывая воду. Аслан помыл руки, вытер об робу. Взял вечернюю пайку хлеба. Понюхал – пайка серого показалась с голодухи душистее белой булки. Пайка клейстером прилипала к деснам, но Аслан тщательно пережевывал, чтобы комком глины не легла в желудке. Теплый, чуть подслащенный чай будет только утром, надо запить водой.

Куриль охота. Прошарил все места, где могли быть нычки. Голяк. Ни табачинки. Пустая хата в ноль. Нулевка. Спецмогила голимая. Аслан положил на шконку, на железные струны, один тапок под бедро, второй под плечо – и задремал.

*И так за разом раз я взламывал замок,
А пацаны кричали мне – ништяк, браток!*

Начавшаяся с форточек карьера постепенно затянула в воронку преступной деятельности. Профиль расширился на десяток статей уголовного кодекса. Вокруг Аслана собралась лихая молодежь с широким спектром криминальных талантов. В те годы людей мало заботило – откуда прикуп, важен результат. Улица поставила на молодого и не прогадала. Аслан возмужал. Прикинулся по моде. Стал решалой. Перестал лазить по форточкам и взламывать замки. Появились новые перспективы. Теперь ему не надо было ломать голову над тем, где раздобыть лекарство для матери. И хоть по-прежнему будущее висело туманным облаком, от расширяющихся горизонтов кружилась голова.

Под утро в тишине все звуки преувеличены: скрежет замков, тягучий скрип решеток и дверей. Аслан еще не открыл глаза, но сквозь дрему слышал, как кряхтит тележка баландера. Сейчас скрипнет кормушка – с добрым утром. Баландер скажет: «Завтрак». Положит на открытую кормушку пайку хлеба, нальет из бокастого алюминиевого чайника чуть подслащенный чай. Спросит: «Кашу брать будешь?» Он откажется. Жрать эту блевотину. Предъявят еще потом. Заберет чай и пайку хлеба. Поставит кружку на уголок шконки, накроет пайкой. Подумает – не забыть, а то сядешь неаккуратно, шконарь сыграет, пайка на пол упадет. А это вся его еда до обеда. Умоется, чтобы прогнать дрему. Примется за пайку и теплый чай. Живот к позвоночнику прилип, надо хоть малость дать жизни. Позавтракает – и до утренней поверки тапок под бедро, тапок под плечо: пристроится досыпать.

За стенкой хлопнула входная дверь. В коридор ввалился шум. Скрипнул зубами камерный замок. Бах! – открылись железные тормоза. Стоявшее как вакуум пространство камеры высосало в коридор. Через запирающуюся решетку на Аслана смотрели дежурный принимающей смены, дежурный сдающей смены, контролер. Возглавлял эту группу подполковник Власов. Аслан невольно дотронулся до большой переносицы. Не к добру, что сам заместитель по режиму появился.

– Утренняя поверка! – гаркнул дежурный. – Осужденный Тамаев...

Аслан назвал имя, отчество, год рождения.

– Доклад! – продолжил дежурный, косясь в планшет.

Аслан молчал.

– Где доклад?! – ненавистно спросил Власов.

Осужденный будто не понимал, что от него хотят. Его молчание бесило Власова. Осужденный должен молчать, когда надо молчать. Сейчас он должен докладывать, а не стоять истуканом.

– Осужденный, где доклад?! – повторил Власов.

Не дождавшись ответа на свой вопрос, понимая – бесполезно, скомандовал:

– Тащите его на продол!

Аслана выволокли в коридор. Поставили к стене на растяжку. Под крики угроз и оскорблений, пошел гулять дубинал. Каждая камера слышала шум с коридора. И каждая душа в камере понимала, что на себе может испытать силу прессовочного цеха. Со стороны экзекуция выглядела страшно. Аслана накрыла волна аффекта, когда все шумит и бьет по мозгам, пролетая с космической скоростью, вдруг сливается, начинает тянуться как густой кисель. Чтобы выдержать, он подсознательно говорил себе – поймал ритм ударов, проще группироваться. Но когда боль садится на старые дрожжи, подходишь к пределу, терпеть невыносимо. Тогда он материл мусоров, платя им той же монетой. Огрызался из последних сил, как волк в капкане.

Аслана закинули в камеру. Тормоза захлопнулись. Замок проскрежетал два оборота. Поверка пошла дальше – клацать замками, хлопать дверьми. Аслан поднялся с пола. Присел на шконку. Его трясло. Он тяжело дышал, пребывая в возбужденном состоянии, которое не давало понять, насколько сильно пострадал. В исступлении кутался в робу, уставившись в одну точку. Закрыл глаза. Перед ним предстал тренер. Тренер внимательно, как после тяжелой схватки, разглядывал его. «Дыши глубже, – слышал он голос тренера. – Постарайся расслабиться и дышать глубже. Что бы ни видел, ни слышал, ни чувствовал – глубоко дыши и расслабься. Где болит?.. – Каких мест касался тренер, боль пронзала тело. – Попытайся расслабить боль. Представь свое сознание как сгусток энергии, как мини-солнце, похуже на теннисный мячик. Подержи его в руках. Подкинь его, позволь полететь туда, где хорошо, где тепло...» Перед глазами проплыли картинки летних пейзажей. Действительно стало как будто теплее. Боль ушла на задний план, спряталась за картинкой.

Аслан открыл глаза. Встал со шконки. Принялся ходить по камере, представляя, что идет по горному ущелью. Он продолжал диалог с тренером, проходя мимо зеленых деревьев и кустарников, мимо ручейков. Казалось, слышит щебетание птиц. Вдруг с коридора донесся шум. Боль мелькнула тенью и стала приближаться. Аслан зашел в пещеру, по которой шел, шел, шел...

оставаясь на месте. Им овладела злость. Злость пришла с ноющей болью. Но пока он злился, боль не могла доминировать. Злясь, он опускался глубже в пещеру. Темную холодную пещеру. Он представил как отомстит Власову. Подвесит его на запирающуюся решетку и будет молотить как мешок. Ему не нужны испанский сапожок и дыба, он руками – сжал кулаки до хруста – выбьет дух из этого мешка-подполковника, зама по режиму... Чтобы согреться, начинает бить Власова. Бить и приговаривать: «Где доклад, сука?! Будешь докладывать, пиковый?! Я тебя научу благовать! И баланду жрать из келешованных шлемок научу! Сделаю из тебя половую тряпку!»

Зам по режиму, зампорор (как говорили и зеки, и сотрудники) подполковник Власов, каждое свое дежурство приходил под крышу. Приходил на утреннюю поверку, чтобы лично посчитать ребра блатным. В этом плане у него была своя метода. Регулярность побоев, сдобренное психологическим давлением, плюс голод и холод сделают из любого отрицалова отличный паштет. Метод работает. Проверено. Мерило работы по исправлению арестантской массы – это однородный паштет без комков. Правда, раньше можно было лютовать вдоволь, без оглядки. Теперь, вроде как, закон вышел – зеков не бить. Но он этого закона в глаза не видел. Да и пока эта гуманистическая волна до них дойдет... до бога высоко, до царя далеко. Работаем по старинке, как привыкли.

Как-то состоялся у Власова разговор с Мироновым. Подполковник Миронов, зам по безопасности, зампобор (как говорили и зеки, и сотрудники).

– Что, не ломается пиковый? – поинтересовался Миронов.

– Сломаем. И не таких ломали. Будет и докладывать, как положено, и сто шестую выполнять. Того и гляди, первым среди козлов станет, – засмеялся Власов. – Дай срок.

– Ну-ну... Ты дело его читал?

– А что там?

– Отрицательный, склонен, склонен, склонен. Три полосы – Адидас!

– Адидас не Адидас, а будет ходить строем, как все!

– Там не сломали – думаешь, у тебя получится?

– Конечно! Там курорт.

– Я бы так не сказал. Помню, на этот курорт этапировали человек двадцать строгачей из Семилук. Так их даже из карантина не выпустили. Вернули обратно.

- Ну, помню что-то. Почему вернули?
- Массовой резни побоялись.
- Так это между собой... Ты вот что, не мешай мне. Твое дело – шмон. А режим – моя забота.

В середине октября, вечером ближе к отбою вдруг зашипела, будто проснулась, труба-батарея – начала издавать характерные звуки. Аслан тронул трубу, которая понемногу стала теплеть. Кровь побежала по венам. Затеплилась надежда – может, к полуночи раскочегарится. Раньше он не замечал трубу-батарею, сейчас она подала признаки жизни. На ночь будут включать отопление, днем выключать – известная практика, во многих штрафных изоляторах такой сервис.

Днем Аслан ходил по камере, от холода дрыгал конечностями, похлопывал себя, кутался в воображаемое одеяло. Энергичные движения согревали ненадолго. Потом холод опять сковывал тело. Чтобы не мерзнуть, нужно постоянно находиться в движении. Но движение забирает много сил, а пополнять нечем. На одной хлебной пайке и воде долго не протянешь. Был бы кипяток и заварка чая... а потом покурить... было бы повеселей. При такой роскоши можно не одну пятнашку взять. Аслан вспомнил «родную» владикавказскую тюрьму.

Тюрьма нас мало интересует, пока мы в нее не попали. Геометрия железа и бетона, кирпича и арматуры. Казенный дом. Острог. Зиндан. Дно. Яма. Проклятое место. Такие эпитеты приходят в голову обывателю. Все это так, да не совсем. Каждая тюрьма имеет свои традиции. Владикавказская тюрьма, относительно молодая по сравнению с Владимирским централом или Бутыркой, тоже имела свои традиции. Вернее, традициями это можно назвать с натяжкой, скорее это характер. Некогда поставленная на окраине, нынче оказалась почти в центре города, как брошенный сундук посреди базара – и мешает всем, и переставить некому. Протекает мимо тюремных стен магистральная улица Владикавказа – проспект Коста. Протянулись по нему, как два дола по лезвию кинжала, трамвайные пути. Под перестук трамвайных колес играли в нарды арестанты. Бывало, бросали «коня» на проспект и затягивали сигареты от сердобольных прохожих.

Сейчас Аслан не мог поверить, что это правда было. Такому положению могли позавидовать во всех тюрьмах России. Да что говорить? Слухи по всей стране и ходили. А про лагерь строгого

режима и говорить нечего. Попасть в Осетию на Лесозавод, как на курорт, считалось большой удачей, туда стремились урки со всего бывшего Союза. Еще через тюрьму Владикавказа проходил транзит в Закавказье. Аслан достаточно повидал грузинских и армянских бродяг, которых провозили в Россию, как на фронт, и обратно, как с фронта. Для тех, кто шел в Россию, тюрьма Владикавказа была последней отдушиной перед тяжелым испытанием. А для тех, кто возвращался – местом, где можно уже вздохнуть с облегчением и расправить крылья.

Смотрящий мог свободно передвигаться по тюрьме, мог зайти в любую камеру. Такое положение дел устраивало и администрацию. Их дело посадить арестанта под замок. А что там, внутри, творится – какая им забота? Смотрящий, как дежурный врач, делает обход, решает уйму разных вопросов. Чай с общака разнести, чтобы головы не болели. Курево раздать, чтобы уши не пухли. Этап встретить, проводить. Хоть тюрьма нас мало интересует, пока мы в нее не попали, все же представьте себя в замкнутом пространстве в незнакомом коллективе. Пространство поделено на камеры, камеры, камеры. Куда попадешь – лотерея. У кого-то ломка, у кого-то белка. У кого-то эпилепсия, у кого-то астма. У кого-то клаустрофобия, у кого-то kleптомания. Кто-то тихий маляк, кто-то буйный шизофреник. Игровые споры до драки. Отчаяние до петли.

Аслан просидел в тюрьме два года. Как когда-то применение его талантам нашла улица, теперь – тюрьма. Тюрьма ведь тоже не дура, знает на кого глаз положить. Человеком, который решал уйму вопросов и мог свободно передвигаться по тюрьме, стал Аслан. Только сначала не заладилось у него, чуть не выронил руль, чуть не упал с головы лавровый венок. Ведь все налажено было до него, а как к нему в руки пришло, так и посыпалось. Держать надо на своем авторитете. Администрация положение в тюрьме не подарит. Придется самому наладить. Полежал Аслан на шконке при запертых тормозах. Подумал хорошенько. Нашел выход. Придумал на чем сыграть – где интерес, там и компромисс. В те годы простая схема работала – палочная. Работать менты не хотели, занимались приписками. Среди арестантской массы всегда много наркоманов-кайфариков. Они за уколы на себя чужие дела брали по профилю. Какая разница один грабеж или три? Одна кража или пять? За чистосердечное – скачуха. И менты довольны – раскрываемость высокая. И полтюрьмы кайфует – носы почухивает.

Пошел по тюрьме, по камерам, карцерам, сборкам прогон. Прогон – малява серьезного содержания, своего рода указ. Смотрящий ставит запрет на то, чтобы грузили на себя чужие дела. Касается всех без исключения. Нечего ментам подыгрывать! Кто ослушается запрет, пусть пеняет на себя. Погоняли новость по сарафанному радио. Помусолили и так и сяк, но пришлось подчиниться. Идти против смотрящего и тюремных традиций себе дороже. Перестал работать конвейер приписок, закончилась халява. А с халявой красивые отчеты, премии, награждения. Скучно стало в тюремном королевстве. Блестящая статистика поблекла, перестала радовать глаз, и, естественно, дошла до министерства. В министерстве недовольно почесали затылки. Почему раскрываемость преступлений в республике упала? Работать разучились? Разобраться и доложить! – ударил волосатый кулак по министерскому столу.

Хозяин тюрьмы был мужик неплохой, человечный. Как разобрался Аслан, замы за его спиной усердствовали, портфель делили. А хозяин мог у ворот тюрьмы мимо старушки-матери не пройти, помочь, сам лично сумки сыну в камеру занести. Аслан помнил, как хозяин принес ему передачу от тетки. Да что там передачу!.. Как-то пришел после дежурства с початой бутылкой коньяка... предложил выпить, за разговорами уснул на шконке. Сейчас Аслан не верил себе – где это видано, чтобы хозяин мог спокойно уснуть в котловой хате?! Вот это положение! Такое только у нас было возможно.

Еще Аслан помнил, как хозяин своему сыну, который работал у него водителем, сказал: «Общаешься непонятно с кем – общайся с достойными пацанами». И сын привез утром отца на работу и сидит в котловой хате среди братвы, чай пьет, телевизор смотрит. Так привык, что стал таскать в тюрьму что попросят. Братва даже стеснялась называть его «ногами». Не за деньги, не за выгоду приносит, так, между прочим – достойные пацаны же попросили. Кумовья просекли, подстерegli и однажды пресекли попытку сына хозяина пронести в тюрьму наркотики. Взяли прямо на территории тюрьмы с фактом на кармане. Но получилось, что общение сына хозяина с достойными пацанами плохо кончилось для кумовьев. «Ничто так не развращает, как служение закону», – сказал хозяин и посадил кумовьев в спецкамеру. Слышанное ли дело?! Устроили провокацию. Хотели запятнать через сына честное имя начальника тюрьмы.

В общем, хороший был мужик, человечный.

Аслан лежал на шконке с закрытыми глазами. Нежные женские руки делали ему массаж. Разминали, растирали так, что мурашки бежали по спине. Руки царапались, щипались, кусались... Кожа то леденела ментолом, то горела огнем. Женский запах пьянил. Аслан то проваливался в бездну, то взлетал ввысь. Расслабляющий массаж, который делала ему Фатька, возвращал к жизни, помогал забыть обо всем на свете. Возможность посещать женский корпус была сродни романтическому приключению, какого на свободе нельзя и представить. Фатька завешивала свое спальное место как шатер, а присутствие женских взглядов, голосов, запахов переносило Аслана в какой-то тайный гарем султана. Свободно передвигаться по тюрьме, заходить в любую камеру стало возможно после того, как они с хозяином пошли на компромисс, нашли общий язык. Смотрящий снял запрет, и хозяин вернул прежнее положение.

Отдыхая в тайном гареме султана, перед Асланом проплывали картинки. Они возникали, подсвечивались, наслаивались и меркли, потонув в океане памяти. Картинки из детства. Лица матери и теток. Лица братьев, кентов, соседей. Проспекты и улочки родного Владикавказа. Знакомые, которых было полгорода, а сейчас полтюрьмы. Здесь, в тюрьме, у него было все. Все, кроме свободы. Он ловил себя на мысли, что свобода – понятие относительное. Закрытый в четырех стенах, на территории тюрьмы, он может позволить себе больше, чем там, на территории города. Кажется, здесь он может быть самим собой. Там нельзя жить без маски. Здесь маску лучше не носить. И это ему по душе. Означало ли это, что он – тюремный обитатель, его дом – тюрьма? Этот вопрос стал перед ним сам собой. Он пытался посмотреть на себя со стороны и понимал, что варится в самом центре котла, название которому преступный мир.

Во второй половине девяностых страна похожа на холодную кашу, поставленную на большой огонь. Каша начинает пыхтеть, неравномерно закипать, плеваться как просыпающийся вулкан. Плеваться горячими новостями. Радио рассказывает про выборы и операцию на сердце, про строительство Храма Христа Спасителя, про Патриарха Алексея, про Лужкова, про ураганы, пожары, наводнения, Грозный, Гудермес, Аргун, теракты, теракты, теракты. Телевизор показывает калейдоскоп событий, где чаще всех мелькают Ельцин, Немцов, Лебедь, Масхадов, Чубайс, Березовский. В Осетии, после событий 1989–1992 годов, относительно спокойно.

Государство отменило монополию на алкоголь. Производство водки в Осетии приобрело масштаб народного промысла. Каждый хотел заработать – кто на бутылке, кто на пробке. В обиход вошло понятие «акцизная марка», приклеив которую, узаконивалась и бутылка, и пробка, и содержимое. В республику потекли водочные деньги. Уровень жизни поднялся. Правда, поднявшийся как на дрожжах уровень жизни имел две стороны. Титульную сторону – привлекательную: развивался спорт; борцы Осетии блистали на коврах всего мира; владикавказский футбольный клуб «Алания» стал чемпионом и вице-чемпионом России; появились большие частные дома, крутые иномарки, дорогие рестораны. И обратную сторону – темную: всплеск организованной преступности.

Когда происходит всплеск преступности, для многих тюрьма становится местом не столь отдаленным. Такая игра – одни сидят, другие охраняют. Бывает, кто охраняли, потом тоже садились. В эту ловушку попадают как мелкие грызуны, так и хищники. Непреложность народной мудрости – «от сумы и от тюрьмы не зарекайся» и «сидят не те, кто украл, а кто попался» – проверяется на себе, начинает играть живыми красками. В этом водвороте, который затягивает всех, кто сбился с пути, кормчий тот, кто нащупал твердую почву. Здесь, как и везде, в почете лидерские качества и светлая голова, каким бы зазеркальем это ни казалось. Тюрьма ведь тоже не дура, знает на кого глаз положить.

Аслан понимал, что этот курорт может закончиться в один прекрасный день. Свободное передвижение по тюрьме. Братья и кенты, которые могут зайти к нему со свободы. Котловая хата, где водка, пиво стоят ящиками, не переводятся марихуана и опиум, а про чай, сигареты и говорить нечего. Домашняя кухня: осетинские пироги в масле, горячий суп «лывжа» в горшочке и прочее. Не тюрьма – малина!

Окончание следует.

Татьяна ПАРСАНОВА

ПРЕДТЕЧА ВОЗРОЖДЕНИЯ

СТИХИ

Л. Симонова, 2007г.

В оформлении использована картина Любови Симоновой «Плюс-минус»

* * *

Небес бескрайних серый воск
В серебряной постели.
У февраля особый лоск –
Безудержность метели.

Ночной мороз еще свиреп.
Рябин черны залысины.
У февраля особый темп –
Буранное престиссимо.

Но все слышнее перестук
Капельного движения.
У февраля особый звук –
Предтеча возрождения.

ФЕВРАЛЬ ДЛЯ МАРТА **ПРОТОРИЛ ДОРОГУ**

Вприпрыжку день по солнечной аллее
Сбежал куда-то – в прошлое спеша.
Дыханье ветра с каждым днем теплее
И вновь полна надеждою душа...

Сугробы кособочит понемногу.
Смывает дождь с рябин остатки сна.
Февраль для марта проторил дорогу,
А значит снова к нам придет весна!

* * *

Тепло ворюя из щелей окна
Всю ночь метель скулила еле слышно.
Декабрь, вспомнив вдруг, что он - зима,
К утру сугробы навалил. До крыши.

С реальностью теряя напрочь связь,
Под ветром дуб скрипел мотивчик старый.
И про себя, тихонько матерясь,
Искал в сугробах дворник тротуары.

Очнувшись вдруг от тягостного сна,
Увидев елку, защемило сердце...
И потекла на плечи тишина...
И пахло мандаринами... Как в детстве...

* * *

Корчилась ночь под пятою мороза,
Тьмой непроглядной текла по стеклу.
Зябко трещала корою береза,
Кутаясь в мягкую, снежную мглу.

Ветер по крышам скакал озоруя,
Дерзкую румбу плясать начинал...
Старый фонарь от его поцелуя
Щуря свой глаз, головою качал.

Время сгребало секундные крошки,
Сыпало в прошлого быстрый потоп.
С дворником в прятки играли дорожки,
Дружную стайкой ныряя в сугроб.

Раненой птицей метель голосила,
Падая прямо в январский рассвет.

Я ничего у тебя не просила.
Но... У тебя даже этого нет...

* * *

Посланником свыше
(Так юн и так тонок)
Снег ластился к крыше,
Как глупый котенок...

И радость даря,
И стирая невзгоды,
Вокруг фонаря
Он водил хороводы.

С бульваров стирал
Неуют и пожесть,
И сладко дремал
На ушанках прохожих.

Он мог веселиться,
Разгульно, без цели...
И хмурые лица
Прохожих добрели...

* * *

На деревья невесомой ватой
Высыпалась с высоты Зима...
В облаках, как в варежках мохнатых,
Грела свои лучики Луна...

Второпях, по ночи пробегая,
Ветер прятал проторенный путь...
Щурясь слеповато и моргая
Снег, хоть раз, мечтал Фонарь лизнуть.

Клену снилась белая Береза...
Ручейки дремали подо льдом...
И кряхтя от крепкого Мороза
Шляпку меховую мерил Дом...

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ В ХУТОРЕ РЯБОВСКОМ

Из разнотравий собранным нектаром
Дурманит хутор ветерков каскад.
Июльский вечер, разморенный жаром,
В Едовле гасит розовый закат...

Разнежившись на бархатном просторе,
Дугою выгнул спину млечный мост.
За косогор, на вспаханное поле,
Кидает небо горсти спелых звезд.

Ковыль степной под ноги лег попоной,
Маня привалом мягким с темноты.
И ангелы с улыбкой отрешенной,
Раскрашивают нежностью мечты...

ЧТО-ТО СО МНОЙ СЛУЧИЛОСЬ

Что-то со мной случилось. Видно случилась - осень.
Больше не вижу в небе птичьих, галдливых стай.
Шепот дождей холодных сердцу еще несносен,
Но на коре небесной - серый цветет лишай...

Время течет неспешно. Грустью моей ведома,
Муза, вплетает в мысли туч снеговых узор.
Ветер могучей грудью бьется о стены дома.
Солнце пугливым зайцем прячется за бугор.

Дворник в мешки сгребает бывшую гордость клена.
В поисках света вечер бьется о лед окна.
Голуби жмутся к крышам... В лужах вода студена...
Что-то со мной случилось. В осень иду одна...

АХ, КАК СЕГОДНЯ СОЛНЦЕ ЖЕЛТОБОКО

Ах, как сегодня солнце желтобоко.
Как теплый ветер сладко голосист.
И синевы лазурна поволока,
И легких облаков задорен твист.

Предтеча возрожденья краснотала...
И воздуха – весенний, легкий хмель.
Ах, как синичка нынче щебетала.
Как звонко барабанила капель.

* * *

Ветров холодных, еле слышен,
Сердца тревожащий мотив.
Апрель! Танцует дождь по крышам,
На землю благодать спустив.

Звон колокольный тихо тает,
Оставив теплый след во мне...
И верба снова надевает
Сережки, радуясь весне.

* * *

Мне сегодня вдруг приснилось лето...
Где роятся солнечные блики.
Где пропахло зарево рассвета
Ароматом спелой земляники.

Снилось мне, как в бок железной крыши,
Барабанят озорные тучи.
Как орел, седьмого неба выше,
Режет синеву крылом могучим.

Как луна на бархатистость сосен
Высыпает арабески света...

За моим окном рыдает осень,
Только мне опять приснилось лето...

* * *

В небесной ступе облака толочь,
Чтоб брызнул сок, ноябрь взялся рьяно.
Куда-то дождик шел и шел всю ночь,
В пути теряя лоскуты тумана.

Прилежно долго – морзе пел карниз.
И ветра голос был, как смех паяца.
И то ли тюль на окна кинув, то ли фриз¹
Пыталась осень сквозь слезу смеяться...

МАЛЫЙ МАЯК

*Карпович Паелу и Светлане
с благодарностью*

Новогодних салютов огни
Отцвели, как-то враз, отзвенели.
Скукой будней раскрашены дни.
Но... в разгаре московской метели,

С грустной нежностью вспомнилось, как
Вдалеке от тревог и событий
Теплый дождик на Малый Маяк
Опускает хрустальные нити.

Как волшебною кистью заря
Красит мир серебристым и синим.
Как Нептун косяки луфаря
Подает рыбакам и дельфинам.

* * *

Тумана шлейф морозом вспорот.
В глазницах окон – сирый дым...
Вновь запечатывает город
Ноябрь сумраком ночным.

¹ Фриз – грубая толстая шерстяная ткань с ворсом, применявшаяся для пошива фризových шинелей и другой верхней одежды.

И бьется в лужи месяц рогом,
 Как ослепленный «гоном» лось.
 А память вновь, в порядке строгом,
 Листает то, что не сбылось...

И ОПЯТЬ МОЙ СЕНТЯБРЬ...

И опять мой сентябрь с твоим – не совпал,
 Опровергнув закон притяженья.
 На весах мироздания – улиц вокал
 И дождя монотонное пенье.

Ветер властной рукой тучи выстроил в ряд.
 На душе – по-осеннему стыло.
 Но под серым сатином рассветы горят,
 Даже если я это забыла.

И цветут украшением бульварных холстов
 Фонарей ярко-желтые пятна...

И опять ночь длиною в семь тысяч шагов –
 От окна до стены и обратно...

НЕ ИЩУ ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЫ

Не ищу золотой середины.
 Не надеюсь в тени прикорнуть.
 Я себя на закляние кину,
 В горизонт упирая свой путь.

Пусть распашет надежда тугая
 Между снами и явью между.
 От осенних ночей убегая,
 В майских звонах себя нахожу.

И мешаю коктейлем бодрящим
 Страх возмездья и радость греха...

Ты, как сокол, над степью парящий.
 Я, как мышь под листком лопуха.

НЕДОСКАЗАННОСТЬ...

Ветром в клочья изодрана снега вуаль.
 Ночь в объятьях мороза сутулится.
 Торопливые тени уносятся вдаль
 По залапанным фарами улицам.

Вновь февраль озирает в немом торжестве,
 Как бульвары сугробами горбятся.
 Недосказанность бьется в моей голове,
 Как в силки угодившая горчица.

**НЕ НАМИ НАПИСАНА НЕЖНАЯ
МУЗЫКА ТРУБ**

*А вы
 ноктюрн сыграть
 могли бы
 на флейте водосточных труб?*
 В. Маяковский

Не нами написана нежная музыка труб...

Учились читать по глазам, по молчанию губ,
 Сплетать наши «Я» в бесконечно-влюбленное «МЫ».
 Я пепел от розы... Ты снег прошлогодней зимы.

Зовущий мотив. Но понять не дано нам – какой.
 Прорезано небо насквозь семицветной сохой.
 И солнечный зайчик застенчиво греет окно.
 Друг друга услышать, увы... Нам уже не дано.

Забывтая песня тоскует ночами... О ком?
 По небу плывет серебристо-сияющий ком.
 Но холоден светоч. А август расчетливо груб.

Не нами услышано нежное пение труб...

ЗИМЫ КАРАЮЩАЯ ДЛАНЬ

Зимы карающая длань,
Тройною силой.
В пути щитом надежным стань,
Мой Ангел милый,
Поговори со мной чуть-чуть...
Начнем сначала.
Как трудно мне постигнуть суть.
Я зря молчала?
Тебе легко... Ты можешь ждать
Сквозь мрак столетий.
А я, за целый мир опять –
Одна в ответе.
Пылают избы на пути,
И скачут кони...
Снежинку можно ли спасти
Теплом ладони?

Георгий ГОБАЕВ

БЕГЛЕЦ

РОМАН

Глава 17

Вадим собирался подвезти Алану, потом купить новый телефон. Планировал управиться за час. Но время под большим орехом движется по своим законам.

- Мне надо ехать.
- Не надо.
- Надо телефон купить.
- Уже все закрыто.
- Я поищу.
- Я вынесу свой старый телефон.

А он только и ждал повода остаться.

В горах рано темнеет, даже летом. Фонарь рядом со старым орехом заморгал и погас. Ночь расплела косы. Сквозь карамельный аромат парфюма чувствуется ее естественный запах. Тонкая нить, но узлы невозможно разорвать. У нее отличное чувство юмора и тонкие лодыжки. Она хорошо воспитана и умеет одеваться. Но именно ее запах шепчет на самом древнем языке. *Это твоя женщина, она родит тебе сильных сыновей и счастливых дочерей.*

Алана уже без рубашки. Чуть слышно рычит, пытается стянуть с Вадима майку.

- Подожди, – попросил он и сам себе не поверил.
- Не подожду.

Она оставила майку и занялась брючным ремнем. Вадим сжал обе ее кисти в ладони.

– В машине? – спросил он. – Первый раз должен быть особенным. Ты ж моя принцесса!

* Окончание. Начало см. «Дарьял» 4'2021, 5-6'2022.

Алана тихо рассмеялась, потом освободила руки и сказала:

– Будет.

Через несколько мгновений ее лицо оказалось напротив его лица.

– Привет, – выдохнула она.

Наверное, надо было ответить, но Вадим забыл, как складывать буквы в слова. Забыл, кто он и где. Мир покачивался, как лодка на большой реке. Волны бьют в борта с тихим шелестом: «Привет, привет, привет».

Внезапно все стало очень просто. Все страхи, вся боль, все, от чего бежал каждое утро, оказались не грузом, а ступенями к этому дню. «Нужно срочно вспомнить, как складывать буквы в слова, и сказать ей», – подумал Вадим. А потом все исчезло: машина, старый орех, улица, город, снежные вершины гор далеко внизу. Демоверсия смерти.

Когда вернулся, он вспомнил, как складывать буквы в слова, но теперь это было лишним умением. Они долго сидели в тишине. Вадим приоткрыл окно, и сквозь запотевшие стекла стал проступать внешний мир.

– Все было прежним. Лужа на крыльце. Привычный контур мусорного бака. И у забора писала собака, – с застенчивой улыбкой на лице сказала Алана, поймав его взгляд.

– Я знаю этот стих, – Вадим щелкал пальцами, пытаюсь высечь искру памяти. – Это Филатов! Чего-то там «продуктый на ветру».

– Вадим Борисович, я в тебе не ошиблась.

Она потянулась к нему, и в это время зазвонил его телефон.

– Да, мама... Уже скоро... Нет, не со мной... Днем разговаривали... Ладно, не волнуйся, ма, скоро буду.

Примерно на час все, что находилось за пределами автомобиля, потеряло контуры и значимость – бессмысленная суета на заднем плане. Такие моменты по определению не могут быть долгими, и он это понимал, но все равно расстроился, когда телефонный звонок прорвал оборону их небольшой крепости.

– Где этот Дуремар ходит? – возмутилась Алана.

– Что?

– Мама не может до Тимура дозвониться весь вечер: сначала сбрасывал, теперь не берет трубку.

– Да мало ли где он может быть? Не маленький мальчик, и время не такое позднее. Что за паника?

– Ты его не знаешь, этот парень – генератор проблем.

– Каких проблем?

– Не хочу тебя грузить.

– Ты ждешь формального подтверждения, что мы семья? Разговора на лестницах и вот этого всего, – он обвел рукой салон, – недостаточно?

Алана тяжело вздохнула.

– С самого детства у него будто шило в заднице, до всего ему есть дело. В школе директора отчитывал за ошибки в воспитании детей, у соседей собаку украл – ему, видите ли, показалось, что они с ней плохо обращались. У отца юбилей был, мама пирогов напекла, а этот тип их вынес бездомным к метро.

– Робин Гуд, – сказал Вадим.

– Только Москва – не Шервудский лес. На втором курсе он вступился за одноклассника, у которого отнимали телефон, подрался с парнем-чеченцем. Тот как-то неудачно упал и несколько дней лежал в коме. Тимура потом чуть не убили: во дворе у нас стрельба, крики, полиция – полный набор. Пришлось отцу в землячество обращаться. Кое-как утрясли вопрос, но нам посоветовали переехать из Москвы. Представляешь? У меня стажировка намечается, мечта всей жизни, я пять лет впахивала ради этого шанса – а тут у отца предынфарктное состояние, у мамы нервный срыв, и я не смогла их оставить. Но и простить долго не могла.

– Но он же был прав, это главное. Все остальное – просто неудачное стечение обстоятельств.

– Понимаю, но мне от этого не легче. Не просто стажировка отменяется, но и Москва отменяется. А я люблю Москву! Я там выросла, там все мои друзья, вся моя жизнь. Так что, может, я просто устала понимать.

Она увидела, что Вадим хмурится, и добавила:

– Но все это уже неактуально. Последнее время я очень благодарна своему брату за его рыцарскую тупость. Вот только бы найти его... Сначала врежу, а потом обниму.

– Тимур у меня дома, – сказал Вадим.

– Что?

– Он автор того канала.

– Что?!

– Я несколько часов назад узнал.

Вадим рассказал про фальшивую легенду и драку на митинге. Алана побледнела.

– Он хочет его посадить, – тихо сказала она.

– Обещаю, все будет хорошо.

– Или вообще убить, – Алана будто его не слышала.

– Эй! – он взял ее лицо в руку. – Смотри на меня.

Она с трудом, но сфокусировала взгляд.

– С ним все будет хорошо, понятно? Я знаю, что делать. А ты сейчас вытрешь слезы, пойдешь домой и скажешь родителям, что трубку у него увели на митинге, а сам он за городом с друзьями, останется с ночевкой. И не забудь вынести мне телефон. Все, – он легонько стукнул ее пальцем по щеке. – Иди.

Когда Алана вернулась, он спросил:

– Я уже говорил, что люблю тебя?

– Нет.

– Странно, я был уверен, что говорил, ну ладно, увидимся.

Вадим улыбнулся, когда увидел, что бледность на ее лице уступает место возмущенному румянцу.

– Эй!

И он сказал.

Аккуратный кирпичик розового цвета. Четвертый или пятый айфон, Вадим в них путался. Вставил симку, включил телефон. На дисплее высветилось время. 22:30. Он вскинул руку, не может быть. Верная «Омега» подтверждала показания телефона. Еще минута на авторизацию во всех приложениях – и мобильник завибрировал. Он жужжал без остановки несколько минут. Десятки сообщений во всех мессенджерах. Родственники, знакомые с работы, с тренировок, куча незнакомых номеров. Его сегодняшнее выступление произвело фурор. Герман говорил, что средняя шутка, сказанная вовремя, лучше, чем хорошая шутка, сказанная невпопад. Так и здесь: ничего особенного он людям не сказал, но был уважителен и честен, а это уже немало. От шефа – ни сообщений, ни звонков. Может, и к лучшему.

В юности Вадим любил пересматривать записи своих боев. Старые кассеты до сих пор валялись дома где-то на антресолях. И сейчас поддался гордыне, захотелось глянуть на свой успех со стороны. Вспомнил, где видел запись. Зашел в телеграм, на канале – новый пост: фотография с митинга, размытые фигуры омоновцев, закованных в броню, и на заднем плане, в фокусе – девушка прижимает к ногам маленького мальчика. У девушки испуганный вид, а паренек хмурит брови, глядя на полицейских. И подпись: *«В душах людей наливаются и зреют гроздь гнева – тяжелые гроздь, и дозреть им теперь уже недолго...»*

Телефон обиженно хрустнул. Усилием воли он разжал пальцы и заставил себя отложить мобильник. Потом завел машину и, не торопясь, длинным путем поехал к дому. Припарковался. Когда выключал зажигание, понял, что рука дрожит. Еще полчаса сидел в машине. Верхнее, среднее и нижнее дыхание. Руки перестали

дрожать. Решил, что может себя контролировать и не убьет этого уroda, как только увидит, после чего поднялся.

Отец с Тимуром играли в шахматы.

Ни с кем не разговаривая, прошел в душ. Смыть ее запах с себя не хотелось, но холодный душ мог кое-кого спасти от тяжких увечий. Минут пятнадцать стоял под ледяными струями, обсушился, потом надел джинсы и майку с длинными рукавами. Зашел на кухню.

Отец поднял голову от доски.

– Почему ты его раньше не привел? Хотя кто-то умеет играть в шахматы.

– Мы отойдем на минуту.

Вышли на балкон.

– Если тебе на себя по хрену, это ладно. Но ты не понимаешь, что своими действиями подставляешь других?

Вадим говорил спокойно. Чтобы занять руки, сжимал подоконник. Свободные руки тянулись бы к шее Тимура.

– Ты о чем?

– Что непонятного в словах «сиди и не высовывайся»?

– Я не врубаюсь, Сплинтер.

Парень был напряжен, рядом с таким Вадимом ему бывать не доводилось.

– Я про пост в телеге.

Тимур облегченно рассмеялся.

– Ты реально думаешь, что я один все тащил?

– Не понял.

– Время Зорро закончилось, старик. Слаженная команда – вот путь к успеху.

– Что еще за команда?

– «Горец», «Лисичка 97», «Дзауг», «Ра'с аль Гул» – еще много кто.

– Что ты несешь?

– Отвечаю на вопрос.

– Имена и фамилии есть у этих людей?

– Скорее всего, есть, но я их не знаю, как и они не знают моего, я – «Легче Легкого». Мы никогда не виделись и не сможем слить друг друга, если вдруг одного поймают или другой окажется крысой.

Сквозь облака выглядывала мутная луна, стражниками застыли темные сосны во дворе. Мелькнула мысль пустить все на самотек. Позволить себе немного слабости и подлости. Типа как проснуться утром и увидеть, что за окном льет, как из ведра. И тонкий голосок где-то внутри тебя произносит: «Ну какая пробежка в такую погоду? Ложись спать, тебе никому ничего доказывать»

не надо». Раньше Вадим думал, что сможет от него избавиться, но со временем понял, что этот голос никогда не замолчит. Он стал тонким, еле слышным, но он всегда рядом.

– Делали вместе, а отвечать будешь ты один. Нормальное братство.

– Сплинтер, если прешь против государства, надо понимать возможные последствия. Я понимаю.

– Сколько тебе лет? – спросил Вадим.

– Двадцать один будет в декабре. Сейчас начнешь рассказывать про юношеский максимализм и балаболов, что с жиру бесятся?

– Нет, – соврал Вадим. – Ну а конечная цель? Всеобщее благоденствие?

– В идеале. А в реальности – сделать хоть что-то. Изменить мир.

– Я тебе, не глядя, накидаю десять вопросов, которые вы можете в реальности решить и действительно изменить мир. А завтра – еще десять, и послезавтра, и каждый день.

– От презервативов и шприцев использованных водную станцию чистить?

– А тебе этого мало? Масштаб не тот? Тебе революцию подавай? Даже этот детский дом, за который вы так горлуете. В прошлом году мы там крышу ремонтировали, скинулись деньгами и своими силами перестелили. Что-то я тебя на той крыше не видел.

– Это бюджетное учреждение, и ремонтировать его должны из бюджетных средств. А тут получается: сами украли, сами скинулись, сами починили, сами себя похвалили.

Тимур ошетинился. В любом другом случае за такое с него бы жестоко спросили, но он был так похож на сестру, когда злился, что Вадим только хмыкнул.

– Следи за речью.

– Я не говорю конкретно про тебя, но ты в системе, и эта система ворует у детей и стариков.

– Проще всего кого-нибудь обвинить, без разницы кого: родителей, улицу, школу или систему. И с чистой совестью бобров пасти.

– Ты думаешь, что если почистить набережную, то и власть станет лучше, а я думаю, что надо сменить власть, и на набережной не будет использованных шприцев.

– Много пафоса, Тимур, ищешь славы, так и скажи.

– Я бы тогда вайны в инстаграме снимал, я знаю про пятнадцать минут. Сегодня вон какой-то тип в покер миллион поднял, обещал весь выигрыш отдать в детский дом. Кто-то выкинул видео, и все обсуждают этого типа. Про митинг забыли. Канал мне

нужен, чтобы разбудить людей. И они просыпаются, ты сам сегодня видел.

– Когда тебя закроют, эти же люди будут поливать тебя грязью.

– Перестань запугивать меня тюрьмой, мне нестрашно, – сказал Тимур.

Он стоял как живое воплощение цинизма молодости. Но Вадим умел пробивать любую защиту.

– Отец твой тоже так думает?

Попал. Парень покраснел от злости.

– Нет! Отец так не думает. У нас как? Главное – «что скажут люди?». Что скажут наши уважаемые старшие? Которым неважно, что республикой рулят воры и убийцы, им важно, что молодежь плохо воспитана и смеет критиковать власть. Пусть их схоронит обвал под собой.

– Это все общие темы, Тимур. Просто болтовня.

– Чем ты лучше нас?

– Я не прячу лица, – сказал Вадим.

– Но меня прячешь.

– А я забочусь не о тебе.

– Ну так и мы заботимся не о себе, когда прячем лица, не думал об этом?

– Опять система не дает говорить прямо?

– Она и тебя достанет.

– Пока не достала.

– Без обид, Сплинтер, но пока ты городской депутат в глухой провинции, субботники в парке и новые спортивные площадки – это твой потолок?

– Это только начало.

– Вот и я об этом. Ответ честно: если бы не Алана, ты бы меня к ним в багажнике отвез? На берег Черной речки?

– Последний раз предупреждаю, следи за речью.

– Ты злишься, потому что я прав.

– В чем ты прав, каланча? Ты кайфуешь с образа мученика и думаешь, что, если сядешь в тюрьму, это будет жертва, которую все оценят. Только всем будет похрен, и мир останется таким же, каким был. Хотя нет, не всем. Своей семье ты мир изменишь капитально. Если ты этого добивался, тогда ты прав, без базара. Я не знаю, что было бы, «если бы не Алана», но это неважно. Важно то, что на самом деле происходит здесь и сейчас, – вот что я пытаюсь тебе втолковать.

– Каждый с чего-то кайфует, я – с образа мученика, а ты – с образа святого.

Хамский выпад на секунду лишил Вадима дыхания, будто пропустил в корпус. Родственник рисковал получить по заслугам. Но в этот момент сверху раздался знакомый смех, и Тимур в очередной раз избежал физической расправы.

Отсмеявшись, низкий голос прогудел:

– Здравсте, а Вадим выйдет?

Вадим улыбнулся, поднял голову к потолку и сказал:

– Только из себя. Байрай, брат.

Герман приехал.

Глава 18

Сначала все шло хорошо. У меня всегда так. С окончаниями, правда, беда.

Я поискал выпивку. Крепких напитков у мамы не было, зато нашлась трехлитровая банка с красным вином. Включил музыку. Мы пили вино, девушки смеялись каждой моей шутке. Потом мы с Ритой немного потанцевали, а с ее подружкой закурили. Вино было молодое, кислое, холодное и коварное. На середине «Письма к женщине» я прервал декламацию и всплакнул, чем вызвал легкий переполох. Карусель раскручивалась все сильнее, но пока не мутило, было весело. Когда мы пересекли экватор трехлитровой банки, стали хвастаться татуировками. Я показал руку, Рита задрала юбку. Там и без татуировки было на что посмотреть, но тату было особенным. На ягодице был набит небольшой, размером с пятирублевую монету, краб Себастьян из диснеевского мультика про Русалочку. Губошлеп, не умеющий держать язык за зубами. Мое старое прозвище.

– Нет! – я задохнулся от восторга.

– Я знала, что ты заценишь.

Масляный взгляд Риты словно оставлял следы на моем лице. Давно забытое чувство. Будто мне снова двадцать лет, и молчаливое согласие девушки, с которой ты познакомился час назад, наполняет тебя гордостью и счастьем. Я не отводил взгляд.

Но двадцать лет мне было только в мечтах, в реальности – тридцать три, и за последние двенадцать часов я выпил кучу разного алкоголя. Стал путать девушек. Рита – блондинка, ее подруга – брюнетка. Как ее зовут? Зайка? Мадя? Ляна? Или наоборот, Рита – брюнетка, а подруга – блондинка. Так как ее зовут? Лена? Лана? Маря?

От табачного дыма меня замутило. Не помню, на каком этапе вечера я принял решение не ходить на балкон, а курить прямо на

кухне, но сейчас очень жалел о своем решении – хорошо знакомое чувство. Единственное, что могло соперничать с моей уверенностью, когда я решаюсь на очередную глупость, – это раскаяние, с которым я впоследствии об этой глупости жалею.

С карусели пересел на вертолет. Скорость вращения увеличилась в несколько раз. Я собрал организм в кучу, встал, сделал музыку громче и направился в туалет.

День сурка. Напиваюсь, блюю и снова напиваюсь. Минут двадцать я приводил себя в порядок. Усталость сменила опьянение. Я хотел есть и спать. Почистил зубы, умылся и вышел. Ряды гостей поредели. Подруга ушла, унеся с собою тайну имени. Рита за время моего отсутствия проветрила кухню, вымыла бокалы, протерла стол и теперь валялась на диване.

- Ну как ты, дружок? – спросила она.
- Немного устал, а в остальном нормально.
- Падай.

Она похлопала по дивану рядом с собой. Девушка положила голову мне на плечо. Указательным и средним пальцами левой руки потопталась по моей груди, спустилась на живот, помешкав, двинулась ниже. Тело откликнулось на ее поход, но я поймал ее руку.

- Я женат, Рита.
- Поздравляю.

Она лизнула меня в шею. Сохранять здравый смысл в таких условиях очень трудно, но я старался.

- Я не могу, Рита, правда.
- Правда?

Она прикусила мне мочку уха. От нее пахло вином. Незаметно она высвободила руку и запустила мне в штаны. Я отпрянул, словно от края пропасти.

- Я не кусаюсь, Гера. Если не попросишь.

По-моему, она принимала мои метания за кокетство. На диване было мягко, удобно, на нем лежала красивая девушка, но я встал.

- Seriously, дело не в тебе.
- Гера, я не собираюсь за тебя замуж.
- Я не могу.

Она посмотрела на мою ширинку.

– А я вижу, что можешь.

– Слушай, у меня сейчас такой период, что мне жизненно необходимо хоть немного самоуважения.

- В смысле?
- В смысле все плохо.
- Иди сюда – и будет хорошо.

Она медленно расстегнула пуговицы на блузке. Еще немного – и управление захватит спинной мозг, не обремененный вопросами морали.

– Я хочу, чтобы ты ушла, – сказал я максимально неестественным голосом.

Рита рассмеялась.

– Не хочешь!

Ее, похоже, захватила моя игра в недотрогу. Она сняла блузку.

– Ты зря раздеваешься. Я вызываю такси.

– Вызывай.

Изящно выгнувшись, она стянула с себя юбку и осталась в одном нижнем белье.

Город у нас маленький, номера телефонов шестизначные, а у служб такси всегда простые для запоминания комбинации, однако я несколько минут не мог вспомнить ни одного номера. Наконец, на удачу набрал шесть семерок. Не зря Кеша говорил, что я фартовый.

– Такси, доброй ночи.

Закусив губу, Рита расстегнула пояс бюстгалтера.

– Доброй, – просипел я. – На Монтану, дом 19, второй подъезд, поедем в центр.

– Семь минут, белая «Хонда», 673 номера.

– Семь минут, белая «Хонда», 673 номера, – повторил я как заклинание от злой ведьмы.

– Ты серьезно?

Наконец до нее стало доходить.

– Серьезно, Рита, я не могу по-другому.

– А на хрена ты меня позвал?

Произнесенное ею резануло слух. Если в воде ногу свело судорогой, то лучший способ справиться с ней – порезать или уколоть ногу. Наваждение отпустило.

– Юная леди, не всегда, когда тебя приглашают в гости, тебя собираются трахнуть.

Пока Рита одевалась, она крыла меня отборным матом. Некоторые обороты я даже взял на карандаш. Я не обижался, стоял с самой доброй своей улыбкой и вспоминал дворового алкоголика дядю Робку. Опустившийся тип, потерявший достоинство, семью, здоровье и даже имя. Никто не называл его Робертом. Как-то холодной зимой мы с пацанами нашли его за домом вдрызг пьяного, избитого, почти голого. Ошметками губ дядя Робка улыбался и сквозь неровный частокор зубов радостно шипел: «Зато не обоссался, зато не обоссался!»

Я проводил гостью. Напоследок она еще и больно стукнула меня в ухо. Заслужил, чего уж там.

Обычно перед нашим приездом мама готовит целую гору съестного, но в этот раз я приехал без предупреждения, поэтому обходился чем бог послал. В холодильнике обнаружилось немного холодной курицы, твердый соленый сыр, пара огурцов и один помидор. Взбудрил несвежий хлеб тостером. Вкусно поел, заварил себе чая с мятой и вышел на балкон покурить перед сном. Этажом ниже мой друг кого-то отчитывал.

С хорошими и правильными людьми на самом деле трудно жить, я, как никто, это знаю. Одна из них меня воспитывала, с другим я дружу, сколько себя помню. Жизнь в правильном направлении – это восхождение на крутую гору. Постоянное напряжение, ветер в лицо и одиночество. Помимо очевидных неудобств, эти альпинисты духа сталкиваются с непониманием и недоверием людишек вроде меня. Если мама с годами приучила к особенностям своей природы всех, то Вадима нередко упрекали в неестественности порывов. По мне, если это и маска, то намертво приросшая к лицу, а даже если оторвать, то под ней не будет зла. Может быть, страх, но точно не зло.

Я обрадовался, когда услышал его отповедь. Слоны, держащие мир на своих спинах, все так же сильны. Одиночество стало тяготить. Общие разговоры и ничего не значащие слова, старые знакомые, чьих имен я не помню, картонные декорации плохого фильма. Я горю и тону, друг.

Спустился на второй этаж, поздоровался с его отцом. Борис тоже постарел. Я помню: будто вчера, я бежал наперегонки с мамой, бежал изо всех сил, и все равно она меня обогнала. Помню, как дядя Борис крутил «солнышко» без ремней на турнике во дворе. А сегодня их глаза выцветают.

Познакомился с Тимуром, приятным молодым парнем, слегка испуганным. Смотрел так, будто меня знает. Наконец, добрался до Вадима.

Мы пожалы друг другу руки. Мне нравится, что мы не любим объятия до хруста. Полгода мы не виделись или год – при встрече мы ведем себя так, как будто расстались час назад.

Я собирался съязвить насчет его счастливого вида только что потрававшегося человека, но в это время в комнату зашел Тимур, и я сдержался.

– Вадим, это тот тип, про которого я тебе рассказывал, ну который миллион выиграл.

– Восемьсот тысяч, – поправил я.

– Ты многое успел, Гера.

– А у меня мало времени. Пошли на улицу, не хочу курить при Борике.

– Так он тебя когда еще спалил.

– Хорошая мина при плохой игре – мой конек.

Ночами уже холодно, а я приехал без вещей. «И без жены, и без надежды», – добавил внутренний голос. Я поморщился, как от зубной боли. Откопал в шкафу старую толстовку, не ношенную лет десять, она оказалась великовата в плечах, и вышел на улицу.

Двор задрапирован темнотой. Пряный аромат земли, перекопанной под палисадник, а гарниром – резкий, свежий запах хвои от елей, растущих неподалеку. Шум редких машин вдалеке, сверчки что-то пилят в траве. Ветер качает верхушки деревьев. Звуки складывались в дыхание города. Спокойное и доверчивое, как у женщины, спящей на твоём плече.

На этой скамейке мы сидели двадцать пять лет назад и обсуждали карьеру Джеки Чана. На спинке этой скамейки двадцать лет назад Вадим ножом вырезал сердце. С именем внутри. «Милана». А я приписал: «+ Герман».

– Что читаешь?

Это очень интимный для меня вопрос. Вопрос-маркер. Кого угодно я об этом не спрошу. А Вадима на книги «подсадил» я. Раньше я «подсаживал» на хорошие вещи. Сначала ничего не получалось, ему не «зашли» миры Роджера Желязны, не впечатлила «Стальная крыса», не понравился даже Том Сойер. Чуть позже у меня так было с травой. Я покурил пять-шесть раз и ничего не почувствовал, было собрался разочароваться в пастафарианстве, но покурил еще разок и улетел.

В школьной библиотеке, куда нас завела кривая безделья, наткнулся на «Тихий Дон». Старое издание, на обложке Гришка на лошади теснит Аксиною, несущую коромысло. Я вынес книгу под рубашкой и подарил ее Вадиму. Он открыл и улетел. Я служил для него своеобразным литературным фильтром. Читал запоем классику и боевики в мягких обложках, без разбора, но Вадиму советовал только действительно хорошие книги. В свою очередь, как в детской песне, он вернул мне улыбку, познакомив со Стейнбеком. Вадим всегда отдает долги.

– «Праздник...» Хэма, – сказал он.

Одно время мы просто бредили Хемингуэем. Началось все с романа «По ком звонит колокол». Откуда-то узнали, что прототипом главного героя был наш земляк, и гордость малых народов бросила нас в крепкие объятия Папы. Я даже пытался меньше

болтать, чтобы быть похожим на его героев, но крабу Себастьяну не место в прозе Хемингуэя. А Вадим был будто оттуда: друг Роберта Джордана, сосед старого Сантьяго. Прочитав все, что написал Хемингуэй, даже письма, мы перешли к изучению самого писателя. Тут Папа и потерял Вадима. Он открестился от Эрнеста, узнав, что сильный, немногословный мужчина, на которого всегда можно положиться, – это всего лишь образ. Маска, за которой скрывался испуганный и вредный неврастеник. Мне крушение идолов принесло только радость. Хэм стал ближе, я разглядел в нем себя.

– Стареешь, Вадоха, становишься мягким, как молодой сыр. Мало того, что молодежь тебе безнаказанно хамит, так ты еще и Хэма простил за то, что он обычный человек.

– Я старею, но память у меня все еще твердая. Помнится, кто-то обещал написать такую же книгу о Москве. И я с огромным удовольствием читал бы ее, но...

Он развел руками.

– Блин, – усмехнулся я. – Ладно, а парняга этот кто?

– Брат одной девушки.

– Вот я осколок.

– Почему?

– Собирался при нем посмеяться насчет тебя и девушки, но в последний момент передумал.

– Тебе это несвойственно.

– Я тоже старею.

– По мне прям видно? – спросил Вадим и немного смутился.

– Только таблички на лбу не хватает. И что, роковуха? Сквозняк чувствуешь?

– Я ей сказал, Герман.

– Ого.

В этом мы тоже сильно отличались. Я всегда с легкостью признавался девушкам в любви. Это вносило некоторую сумятицу в настоящем и бросало тень на мою репутацию в будущем, но я ничего не мог с собой поделать. Я не врал, любил и говорил правду, но так же взаправду через три четыре месяца остывал. Потом встретил жену и не остыл до сих пор, но забыл, что остыть могут ко мне. Вадим же относился к важным словам бережно.

– Такие дела.

– И когда свадьба?

– В воскресенье решат.

– Это хорошие новости. Надо успеть с ней познакомиться, – сказал я

– Ну не такие мы и старые, успеешь.
 – Все равно лучше не затягивать.
 – Ты опять играешь?
 – Если бы я опять играл, я бы не выиграл, я просто немного повеселился.

– Помнишь, как в «Привидении» Вупи Голдберг отдавала чек монашкам? – спросил Вадим

– Смутно, а что?

– Представил, как ты будешь отдавать свой выигрыш.

Честно говоря, я уже жалел о своем громком заявлении, и если бы не зеваки со смартфонами, распространившие документальные подтверждения моего обещания, обязательно придумал бы, как договориться с совестью и оставить деньги себе. Но одно дело – знать самому, а другое – когда тебя в это тыкают.

– Прости нас, смертных, за мысли наши мирские.

– Сукин сын, – улыбнулся он.

– Кешу видел.

– И как он тебе?

– Похудел на двести тысяч, ему очень идет.

– Я так и знал, – кивнул Вадим. – Обуть Кешу – хорошее дело, но вряд ли ты прилетел ради этого.

– Кое-какие дела образовались, а обувь Кешу – это факультатив.

– Один прилетел?

– Да.

– Все нормально с ней?

Я произвел возвратно-вращательное движение кистью руки с разведенными пальцами, обозначающее жест неопределенности.

– Говорю тебе, вам надо повенчаться. Без этого Бог не видит вас семьей. Только скажи, я все организую.

– Тебе не кажется, что со стороны Бога это бюрократизм – требовать исполнения формальной процедуры, для того чтобы признать нас семьей?

– Не шути с ним.

– Если его задевают мои шутки, не так он и силен.

После похорон Вадим основательно, как он умел, начал поиски выхода из мрака. Курил со мной траву, изнурял себя тренировками, читал запоем – но ничего не помогало. Он усох и потемнел, как забытый фикус, шатался по городу, словно привидение. Почти всегда рядом шел я, но в тот день он был один. С его слов, когда он спускался с горки старого города к центру нового, из-за ворот церкви его окликнул мужской голос. Вадим зашел внутрь, и стало немного светлее.

А я крестился с ним за компанию.

– Тогда не шути о нем со мной, я точно силен, – сказал Вадим.

– Жирные попы на двухсотых «крузерах» тебя тоже не веселят?

– Ты не понимаешь, – покачал головой он. – Если взять всех этих жирных проходимцев и поместить на одну чашу весов, а на другую взойдет отец Игорь, это нашего храма настоятель, то Игоря будет больше. Да везде так: на тысячу генералов, мерзких боровов, только и умеющих воровать, нужен всего один парняга Сиротин – и его будет больше. Чтобы быть сильнее, свету не надо быть физически больше тьмы. Ну или, как ты сам говоришь, если все будут добрыми и сильными, как я буду выделяться?

– Умными и красивыми, – сказал я.

– Что?

– Я говорил, что если все будут умными и красивыми, как я буду выделяться?

– А я как сказал?

– Добрыми и сильными.

– Оговорка по Фрейду. В итоге расскажешь, что случилось или продолжишь Клинта Иствуда лепить?

И я рассказал.

Глава 19

А он реально будто состарился. Герман никогда не уделял много внимания внешнему виду, но сейчас это было слишком даже по его облегченным стандартам. Неопрятная щетина с вкраплениями седины придавала ему бомжеватый вид. Выглядит, словно спал одетым. В дополнение образа вокруг витает облако винных паров. Этой толстовке тысяча лет, и девятьсот девяносто девять из них она никуда не годится, но если раньше она хотя бы приходилась в пору, то сейчас висит, как на швабре. Уставшие джинсы, растянутые на коленях, и кеды когда-то белого цвета. Вадим перевел взгляд на белоснежные подошвы своих кроссовок.

Герман курит одну за другой, кашляет, сплевывает мокроту и все равно курит. Таким худым он не был с тех пор, как торчал. Под левым рукавом толстовки видны татуировки. Еще одна блажь: как можно забить себе всю руку от плеча до кисти? Ты кто, рок-звезда?

Когда Герман закончил рассказ, первой мыслью, вспыхнувшей и погасшей, как молния, была: «Еще один головняк». И сразу стало стыдно за слабость и радостно, что молния погасла. Но в воздухе чувствовался озон.

– Ты оказался прав, – сказал Герман.
 – Когда это происходит регулярно, перестаешь придавать этому значение.

– Не выеживайся.

– Я абсолютно серьезно должен тебе сказать, не потому что я тебе помогу, а потому что ты мой друг.

– Интересно.

– Не буду начинать «я же говорил», но если ты сам себя слушаешь, то у тебя возникнет то же ощущение, что и у меня. Эти истории не про Германа. Это какой-то левый тип, запутавшийся в своих левых движениях.

– погоди, – Герман поднял руку. – Сразу давай уясним: мне не нужна твоя помощь, ты попросил рассказать, я рассказал. Левые движения – это моя жизнь, а в остальном я с кайфом послушаю твою проповедь, они у тебя забористые.

И на уставшем чужом лице блеснул глазами прежний Герман, злой и веселый, как Сырдон. Тот Герман, что на дискотеке второго курса университета пьяным докопался до двух парней с физвоса. Когда конфликт выплеснулся на улицу и до драки оставались считанные мгновения, появился Вадим. Расклад сил резко изменился. После истории с Кешей Шрам приблизил Вадима к себе, и помимо физической силы на его стороне теперь был и административный ресурс. Агрессоры резко стухли. Сначала Герман подумал, что испугались его, но потом понял, что именно стало причиной столь резкой смены настроений, и громко возмутился.

– Вы че, думаете: я выкаблучиваюсь, потому что он мой кент? – он ткнул пальцем в Вадима. – Я че, Табаки, по-вашему?!

Противники молчали, а Герман распался:

– Так вы ошибаетесь. За свое отвечаю сам. Где эти физруки?

Из толпы выдвинулись две крепкие фигуры.

– Вы меня хотели поколотить, пока не появился мой друг, представьте себе, что его здесь нет.

Две крепкие фигуры мялись в нерешительности.

– Вадим, пообещай им, что не вмешайся.

– Обещаю, – усмехнулся Вадим.

– Кто-то сомневается в словах Сплинтера? – спросил Герман.

Позже, когда сломанный нос поставили на место, порванную губу зашили, а на три пальца левой руки наложили гипс, Вадим спросил:

– Стоило оно того?

– Безусловно, – промышчал Герман. – Я проиграл битву, но выиграл нечто гораздо более ценное – самоуважение.

– Тормози, воин, здесь, кроме меня, зрителей нет.
 – Настоящий артист выкладывается и перед пустым залом.
 – Ладно, – сказал Вадим. – Принципы достойны уважения, но не кажется ли тебе, что в твоём случае роскошь иметь такие принципы?
 – А что это у меня за особый случай?
 – Семья, например.
 – Будто в тюрьмах сидят только холостые сироты.
 – Пойми, я тебя не оправдываю, ты накосячил и заслуживаешь наказания, но я знаю минимум двух человек, которым твоя отсидка дастся тяжелее, чем тебе. Есть очень мало вещей, ради которых стоит перешагнуть через себя, и семья в этом коротком списке на первом месте.

Герман задумался, будто подбирал слова, потом тряхнул головой, и сказал:

– Я задолбался, Вадоха. Помню, как мы смотрели на типов нашего возраста. Как на взрослых дядек. Я думал, что у меня к этому возрасту будет все. А я даже шаблонного мужского хет-трика не сделал: посадил когда-то куст травы и квартиру на деньги от паленой водки купил – и все, ни дома, ни сына, ни хрена. Иногда думаю: это все реально? Может, меня Кеша убил тогда? Или позже, я же несколько раз под машину чуть не попал. А может, попал? И все это мне видится, пока я умираю? И, знаешь, в последнее время я думаю, что это был бы лучший исход. Все, к чему я прикасаюсь, приходит в негодность, такой никудышный царь Мидас. Жену прогулял, мама плачет, прикинь! Я думал, у нее вообще такой опции в организме нет. И трезвым не уснешь, а нетрезвым начинаются экскурсии по личному кладбищу талантов. Хожу среди могилок. Мог стать и не стал. Волейболистом, актером, юристом, писателем, ветеринаром. Все это тянется, одно за другим. И если сейчас отмажусь, я снова вернусь в это вонючее беличье колесо, и снова все завертится. Это как в покере: я не умею уходить в плюсе, чтобы завязать, мне надо все оставить в казино.

– Но сегодня ты ушел в плюсе.

– Потому что не играл, говорил же. Кстати, я не успею отвезти деньги, придется это сделать тебе.

– Без проблем. Это красивый ход, друг мой. А у тебя самого как с деньгами?

– Пока хватает, позже, если надо будет, продадим квартиру. – Герман потянулся. – Вот от этого всего задолбался.

– Ты хочешь отдохнуть в тюрьме?

– Я хочу поступить правильно. Не по отношению к маме, жене или тебе. По отношению к себе. Я всю жизнь только и делал, что

прощал и жалел себя. И к чему меня это привело? Нет, дружище, я прошу тебя не вмешиваться. За маму даже говорить не буду, знаю, что присмотришь.

– А что с женой?

– Она тоже задолбалась. По-моему, завела себе кого-то на стороне. И если вчера меня это ужасало, то сегодня я нахожу ее действия, как минимум, логичными.

– Нет, – сказал Вадим.

– Что нет?

– Она не такая. Даже если она собирается тебя бросить, она не будет подличать.

– Я чувствую.

– В этот раз ты ошибся.

– Ты будто что-то знаешь.

– Я знаю, что эта девушка не предала тебя в моменты, когда предательство выглядело самым разумным решением.

Герман знал, что не заслуживал такой жены, а девушки его, в общем, переоценивали. Вадим не раз ему об этом говорил. Герман всегда отвечал, что корни зависти уходят в ночь выпускного бала, когда после нескольких лет метаний синеглазая Милана выбрала для первого поцелуя его, а не Вадима.

Позже она еще несколько раз меняла решение, но в итоге вышла замуж за какого-то военного и уехала с ним в Мурманск. Трое детей, дружит с Вадимом в Фейсбуке. С Германом не дружит, потому что для любителя театральных эффектов не может быть обычных расставаний, они сжигают мосты без оглядки.

– Я не смогу объяснить, что происходит между мной и моей женой. Это не мы такие сложные натуры, просто семья – такое дело. Сам, короче, поймешь. Как ее зовут?

– Алана.

– Чем занимается?

– Пресс-секретарь главы.

– Товарищ Новосельцев, – протянул Герман.

Вадим засмеялся.

– Формально мы не коллеги.

– Но по факту пишут, что Шрам без тебя ни одного решения не принимает.

– Чего только не напишут! Шеф слушает всех, но поступает всегда по-своему, – сказал Вадим.

– Про будущего мэра тоже придумывают?

– В этом есть доля правды, но это еще неокончательное решение.

– Круто, – сказал Герман.

– С ним можно работать, чуйка тебя подвела.

Герман поморщился. Своё отношения к работодателям Вадима он не скрывал. После лечения Вадим последний раз предлагал ему вернуться на родину. Обещал через шефа организовать хорошую должность.

Они приехали на новогодние праздники. Герман и тогда был худым, как скелет, но глаза были ясные и чистые.

Под бой курантов Вадим опрокинул бокал шампанского, потом еще один и с непривычки окосел. Герман, напротив, был странно трезв для человека с минимальными требованиями к поводам.

По старой памяти после двенадцати спустились во двор. Небо взрывалось салютами, расцветали и гасли огненные цветы, пахло порохом.

– С Новым годом, брат.

– Я рад, что ты живой, – сказал Вадим.

– Да ты под градусом, Вадоха, – Герман искренне улыбнулся.

– Обнимемся?

– Не вопрос.

– Что будешь делать?

– Когда вырасту? – спросил Герман.

– В новом году.

– Да есть там одна тема: водку предлагают разливать.

– Зачем?

– Денег много будет.

– Ну что это за мечта, Базин?

– А что плохого в деньгах?

– Деньги – неглавное. Надо оставить след.

– Есть предложения?

– В администрации сейчас место начальника юротдела освободилось.

– Я очень далек от юриспруденции, кто меня возьмет начальником отдела?

– Ты нетупой – это самое главное. Если я поручусь за тебя перед шефом, то работа хоть завтра твоя. Вдвоем мы перевернем игру. Я и один ее переверну, но вдвоем будет чуть быстрее.

– Знаешь, братец, быть обязанным тебе – тяжелая, но выносимая доля для меня, но быть обязанным Шраму я не хочу, – сказал Герман.

– Да какой Шрам еще, алло, он без пяти минут глава республики.

– От этого он перестает быть Шрамом?

– Перестает, прикинь. Как ты перестал быть Себой, а я перестал быть Сплинтером. Люди меняются.

– Меня перестали называть Себой, но следить за языком я так и не научился.

– Знаешь, у меня такое ощущение, будто я о чем-то для себя прошу, – Вадим начал злиться. – Это тот самый шанс, за который надо хвататься.

– Я не тебе отказываю, Вадим, а Шраму.

– Типа мараться не хочешь?

– Типа того.

– А водку паленую лить – благое дело, да?

– Нет, но там границы дозволенного выставляю я сам. Ты же не думаешь, что я собираюсь кого-то травить? Единственным пострадавшим будет государство.

– Очень удобная логика. А те, кто твоей качественной водкой будут убиваться, не в счет.

– А твоя мораль упирается в акцизную марку. У тебя нет похожих претензий к официальным производителям алкоголя? Это то самое государство, на чью службу ты меня зовешь. Я никому ничего не навязываю, но самое главное – мне никто ничего не навяжет.

– Ты думаешь, мне навяжут?

– Помнишь, что случается с победителем дракона?

– Он становится драконом.

– А дракон из тебя выйдет препротивный. Я еще ничего, а ты точно будешь деревни жечь и девственницами питаться.

– Над собой смеешься.

– Может быть, зато я не буду работать на человека с глазами, как у варана. Ничего не выражают, просто ждут, когда ты упадешь.

– Очень веский довод.

– Мне не нужны веские доводы, чтобы отказаться, мне достаточно интуиции.

– Ты переоцениваешь свою интуицию, – сказал Вадим.

– Чуйка подсказывает мне, что этот парень не просто так в час ночи на кухне в шахматы с твоим отцом играет.

Ладно, иногда у него действительно получается. Шаманские замашки за Германом замечали с раннего детства. В абсолютно чистом летнем небе он видел дождь – и через пару минут начиналась гроза. В прятках его не ставили водящим, потому что игра теряла смысл. Сопоставив несколько эпизодов, Вадим как-то понял, что и про его маму Герман чувствовал. Но то были редкие вспышки; в обычном состоянии Герман спотыкался на ровном месте, из двух зол всегда выбирал большее, из всех дорог шел по самой скользкой.

Вадим улыбнулся. Дело даже не в том, получается у Германа или нет. В конце концов, к вопросу о Тимуре можно прийти и логическим путем. Да и просто так спросить. Дело в том, кто спрашивает.

Сказано: кто молчит – собирает, кто говорит – раздает. Вадим жил так задолго до того, как это услышал. Плюс работа, на которой каждое слово могут обернуть против тебя. Аланы еще не было, Германа уже не было. И он перестал разговаривать. Комментарии в соцсетях, приветствия утром, прощания вечером. Как дома? Как родители? На работе нормально все? Жениться еще не надумал? И привык к пустым словам, и даже сам с собой все больше молчал, и, наконец, словно энт из «Властелина колец», замолк, как дерево. А на самом деле это большая радость – говорить по-настоящему. Не подбирать слов, не искать двойных смыслов, не ждать подвоха.

И Вадим рассказал, почему в час ночи Тимур играет в шахматы у него на кухне.

- И чего ты лыбу тянешь? – спросил Герман.
- Рад тому, что есть с кем поговорить. Я начал этот день с хорошего разговора и заканчиваю его так же.
- Разговор хороший, но вот тема не самая веселая.
- Всегда разбирался и сейчас разберусь.
- И до каких пор ты его прятать будешь?
- Пару дней максимум. Лучше, конечно, прятать его не в городе, но работаем с тем, что есть.
- А дальше?
- А дальше я все урегулирую, – сказал Вадим.
- Есть хитрый план?
- Зачем мне хитрый план? Я все сделаю в цвет.
- Просто поговоришь со Шрамом?
- Да.

Он не будет ничего придумывать. Почти десять лет безупречной службы дают определенные привилегии. Он ни разу не ошибся и не подвел. Говорил, только если спрашивали, но если спрашивали, говорил по делу. С самых первых дней – а начинал Вадим тренером для охранников шефа – он старался изо всех сил. Как иначе пробиться из провонявших потом спортивных залов в прохладные кабинеты на седьмом этаже Дома правительства? Кого-то на спине тащат родители, кто-то продает совесть или тело, но это не его путь, ему оставался тяжкий труд. На кикбоксинге он первое время тоже не считался особо талантливым. Но талант – это только приправа, основное блюдо – работа. Вместе

с ним в зале тренировалось много способных ребят, но чемпион мира оттуда вышел только один.

Это везде так, что на ринге, что в кабинетах. Если ты выкладываешься каждую секунду – тебе воздастся. Поэтому он не удивлялся взлету, а воспринимал его как должное. Не терял головы, не разменивался по мелочам – бремя успеха оказалось посильной ношей. Это честолюбие другого порядка. Если иному самого факта назначения бывало достаточно, то Вадим за каждой покоренной вершиной видел следующую – непокоренную. Он не расслабился, а только удвоил усилия. И готов был утроить и удесятерить. Это его призвание. Герман точно попал со Сплинтером. Он учитель, наставник, но кто сказал, что учеников должно быть только четверо? Почему не город или республика, а то и вся страна?

Фигура шефа оказалась обязательным элементом карьерных планов. Вадим много раз уже доказал свою ценность, видел, что его выделяют среди лизоблюдов и тупиц в окружении и принимал это с достоинством. Так и должно быть. Но это не высшая награда, как было бы с каждым из лизоблюдов и тупиц, это только начало. Сначала шеф был недосыгаем, сейчас стал ближе, еще немного и станет равным, а дальше...

И пусть с каждым днем не превратиться в дракона все труднее, но Вадим верил, что у него получится. Давление растет, и это похоже на упоение бурей. Он может говорить прямо. Он может все.

– Это плохая мысль, – сказал Герман.

– Это отличная мысль, друг мой, пусть все в свой час считают-ся со мной.

– А ему ты что скажешь? Мы с тобой одной крови?

– Не парься, Гера. Тебе во сколько завтра в отделе надо быть?

– По идее, в девять.

– Ну отмазывать я тебя не буду, но хотя бы выспаться дам. Часам к десяти будь готов, я побегаю, пару дел с утра порешаю и заеду за тобой.

– Поспать было бы неплохо, – согласился Герман.

Когда они подходили к подъезду, у Вадима зазвонил телефон. Он достал его из кармана, взглянул на дисплей и повернул к Герману. Тот нахмурился, потом сказал, будто оправдываясь:

– Она меня заблокировала, а я телефон дома оставил.

Потом взял телефон из рук Вадима, еще секунду постоял, потом быстрым шагом стал удаляться в тень двора. И оттуда что-то неразборчиво загудел басом.

Вернулся через две минуты. Бледный, будто мертвеца встретил, руки трясутся, глаз подергивается в нервном тике.

– Что случилось?

Герман будто не слышал. Протянул телефон и стоял, уставившись в дверь подъезда. «Ее недавно сменили», – подумал Вадим. Потом встряхнул Германа за плечо.

– Оу.

Герман повернулся.

– Что случилось?

Неожиданно спокойно Герман ответил:

– Домой с обыском пришли, в одиннадцать вечера. Квартиру перевернули вверх дном, кто-то из них пнул Рауля, а она это увидела и пнула мента в ответ. Ее забрали в отдел.

Герман засмеялся. В обычном уханье филина слышались тонкие ноты истерики. Легкий ветерок безумия остужал разгоряченные лица. Откуда-то появился рыжий кот и потерял об ногу Германа.

– Байрай, Константин, – поздоровался Герман и присел к коту.

– Эй, – сказал Вадим, потом огляделся, нет ли зрителей, и тоже опустился на корточки. – Ты не спросил номер отдела или фамилию следователя?

Рыжий кот завалился на спину и подставил Герману живот.

– Так ты не Константин, ты Котофея.

– Как слышно?

– Это из-за меня, опять осталась одна, права оказалась и одна, права и одна, – деловито бубнил себе под нос Герман, будто перечислял список покупок.

Рука у Вадима тяжелая, даже легкая пощечина чуть не уронила Германа на землю, но взгляд сфокусировался.

– Извини.

– Нормально, взбодрило зато. Мне надо ехать.

– Куда?

– К ней, – сказал Герман.

– Послушай, черт с ним, с отделом и фамилией следователя, и так найдем, обещаю. Тебе там что делать?

– Ты не понимаешь.

– Понимаю, братец, но это только все усложнит.

– Парень у тебя на кухне не все усложнил?

Вадим промолчал.

– Вызови такси.

– На такси поедешь?

– На лисапедe долго получится.

– Давай сделаем по-другому. Иди, собирайся, через пятнадцать минут встречаемся здесь. Паспорт не забудь, насчет ареста твоего попробую что-нибудь придумать.

Когда Герман ушел, Вадим позвонил водителю шефа. Тот при-
вык к ненормированному рабочему дню и самой разнообразной
географии поездок, поэтому через пятнадцать минут во двор за-
вернул «Мерседес» представительского класса.

– А где шеф?

– Спит, – сказал Вадим. – Слушай внимательно. Людей нужно
быстро и красиво отвезти в Москву.

Вадим протянул ему свою пластиковую карту.

– На бензин и перекусить. Как отвезешь, поспи пару часов и
пулей обратно.

– А шеф в курсе?

– Ты попутал, Анзор? Не узнаешь меня что ли?

– Просто спросил, – буркнул водитель.

– Просто рули, хорошо?

– Да.

– Вот и договорились.

Вадим поднялся домой. Отец уже спал. Тимур на кухне читал
книгу.

– Тима, нужна твоя помощь.

Парень просиял.

– Что надо сделать?

– Надо в Москву на пару дней смотаться с Германом.

– Легко. Когда?

– Сейчас.

– Э-э-э... Ладно, а что делать надо?

– Надо за ним присмотреть, у него проблемы.

– Он выглядит дееспособным.

– Это обманчивое впечатление. Подожди.

Вадим на минуту вышел из кухни, а когда вернулся, положил на
стол несколько пятидесятирублевых купюр.

– Я не ребенок, не надо мне на «морохо» давать.

– Сколько у тебя с собой денег?

– Рублей восемьсот, но я сам разберусь.

– Так бы сразу и сказал.

Вадим убрал деньги в карман. Можно и на карточку кинуть.

Спустился Герман, отдал паспорт, и они вышли на улицу.

– Это что, Шрама машина?

– А ты думаешь: на такси надежней?

– Разве нет? – спросил Герман.

– Без паспорта на нашем регионе ты до первого поста доедешь – и
закончится твое приключение. Еще Тимур с вами поедет, а он во-
обще уже в федеральном розыске, может быть. А эту машину

никто не остановит, а даже если и остановят, у Анзора корочка вездеходная.

– А Тимур мне зачем?

– Не тебе, ему в Москве надежнее будет отсидеться. Мне спокойнее.

– А если Шраму машина понадобится?

– Не понадобится, он на даче отдыхает. Если что, я его отвезу. В любом случае сутки форы у вас будут, отвечаю.

Они обнялись.

– Ладно, брат, спасибо за все.

– Все, парни, левым крылом вам указывают дорогу. Счастливого пути.

Когда машина уехала, Вадим еще немного постоял во дворе. Потом достал из кармана телефон и позвонил шефу. Тот ответил после первого гудка.

– Не разбудил?

– Ты же знаешь: я никогда не сплю.

– Нужно поговорить.

– Я на даче, приезжай.

Город уснул, убаюканный гулом реки. Где-то во дворах залаяла собака, но никто не поддержал, и пес больше не запевал. В доме напротив из всех девяти этажей всех пяти подъездов горело два окна. В течение минуты погасли оба. В пластиковый фонарь над дверью подъезда бился мотылек, безуспешно пытаюсь сгореть. «Неудачник», – подумал Вадим.

За городом ночь властвует безраздельно. За границами света фар она дышит и ждет. Асфальт заканчивается, и под колесами хрустит гравий. Одинокая корова стоит на обочине. В искусственном свете ее глаза кажутся еще больше, еще красивее, еще глупее. Вадим коротко гуднул клаксоном в качестве приветствия. Этикет горных дорог не регламентирует встречи с домашней скотиной, но темной ночью ты рад и буренке.

Незаметный съезд с основной дороги – и снова начинается асфальт. Километр идеального полотна упирается в КПП с шлагбаумом. Раньше здесь была база отдыха одного из университетов, но во времена приватизации шеф отхватил ее себе, а как стал главой республики, перенес туда свою загородную резиденцию.

Огромный дом в стиле водочного ампира. Такие строили в девяностые внезапно разбогатевшие дальнбойщики. Мешанина архитектурных стилей, направлений и красного кирпича.

С одной стороны дома – обрыв с горной рекой глубоко внизу. С другой стороны – скала, образующая естественный забор.

Рукотворный забор полукругом смыкается между обрывом и скалой. Два поста охраны. Стационарный на КПП и мобильный, патрулирующий окрестности. Это крепость, здесь можно держать осаду, шкафы набиты оружием, а в подвалах есть все – от консервированных овощей до аппарата ИВЛ.

Вадим входил в круг людей, которых можно не досматривать перед визитом к шефу, но молодой парень на КПП, видимо, об этом не знал. Вадим не стал спорить, открыл багажник, сам вышел из машины и развел руки в стороны. Охранник заглянул в багажник, посветил фонарем в салон, металлоискателем поискал на Вадиме оружие и, наконец, пропустил.

Вымощенный камнем двор ярко освещен. Навстречу Вадиму вышли три черных пса. Аланские доги. Большие и чрезвычайно злые собаки. Они не лают, когдаходишь в дом, но выйти из дома без хозяина не позволят. Архаичная порода из времен, когда в собаке ценились навыки убийцы. В их присутствии воздух будто становится холоднее. Стараясь выглядеть максимально равнодушным, Вадим прошел мимо под внимательным взором трех пар глаз.

В большом зале на первом этаже все было стилизовано под охотничью хижину. Деревянные балки под потолком. На стенах головы оленя, кабана, тура и лося. Шеф не был охотником, но антураж любил. Перед камином лежала огромная шкура белого медведя.

Шеф, одетый в пестрый спортивный костюм сборной России, сидит за столом, колдуя над чайником.

– Заходи, чай пить будем.

Вадим зашел, сел напротив и принялся молча ждать, пока шеф нарежет лимон, кинет в чайник щепотку тимьяна и несколько листьев мяты, заварит кипятком, разольет чай по чашкам и сделает первый глоток. Дождался и сказал:

– У меня есть просьба.

– Я догадываюсь, – сказал шеф. – Излагай.

Как можно короче Вадим рассказал историю Германа.

– Это который друг?

– Герман.

– Хипарь?

– Ходил когда-то с длинными волосами, – сказал Вадим.

Он читал, что Суворов знал по именам всех солдат своей армии, но шеф, похоже, знал всех в городе.

– Интересный он типсон, – сказал шеф.

– Знаете его?

– А ты не в курсе?

– Чего?

Шеф рассмеялся скрипучим злым смехом.

– Короче, эти псы, которые во дворе, это прапраправнуки моих первых двух собак. Слай и Венера. Мне их знакомые подарили. Я таких злых собак никогда не видел, но знаешь, проникся ими, есть в них благородство. Они даже меня не любили, а только терпели. Но работу свою знали. Когда они находились рядом, я охрану отпускал и даже двери не закрывал. И как-то вечером спускаюсь во двор, а Слай и Венера на спинах лежат, а какой-то хипарь им животы чешет. Они на мать мою кидались и детей не признавали, только меня уважали. На секунду я даже измену поймал, как муж, вернувшийся из командировки. Заревновал, представь. А хипарь этот как будто понял, что меня качнуло внутри. И молчит, собак тискает. Подождал, пока я остыну, и рассказал, что у друга его непонятка вышла с Арканом и друга куда-то увезли. Мало, думаешь, я таких историй слышал? Совершенно не трогают меня проблемы правильных и дерзких пацанов, но я и сам не понял, как набрал Аркану. Хипарь спасибо сказал и ушел. Когда он уходил, собаки скулили, как кутята двухнедельные.

Вадим молчал. Тогда ему казалось, что это такой реалистичный розыгрыш: увезли за город, фары в лицо, оружие и лопаты, чтобы припугнуть наглого юнца. И свое спасение он воспринимал как должное. В конце концов, кто в семнадцать лет верит, что может так глупо умереть? Чуть позже это стало казаться Божьим промыслом, значит, есть какое-то высшее предназначение: билет на берег Черной речки бывал в один конец, а он вернулся. А потом в круговороте дней и дел совсем перестал об этом думать. Недавно только вспомнил после потасовки на футболе. И тут такое.

– У него со всей живностью так. Собаки после него добрее не стали?

– Не знаю, я их застрелил.

Вадим и глазом не моргнул.

– Надеюсь, не пожалели, что послушали хипаря.

– Не пожалел ни разу.

– Я никогда ни о чем не просил, но надо вытащить эту девушку из отдела и по варианту сделать так, чтобы ее больше не трогали.

– Вообще не вопрос, Вадим.

– Спасибо, – сказал Вадим.

– Теперь я тебя спрошу. Ты знаешь, кто автор канала?

– Да.

– Как давно?

– Как митинг закончился.

- И где он?
- Его нет в городе.
- Ты его увез?
- Да.
- Почему?
- Чтобы его сгоряча не убили.
- Ты думаешь: я действую сгоряча?
- Он не политик и не журналист, он просто пацан, который не понял, куда ввязался.
- Он брат твоей невесты.
- Быстро слухи расходятся, – сказал Вадим.
- Маленький город, – пожал плечами шеф.
- Там много авторов, кроме него.
- Это я тоже знаю.
- Откуда?
- Сергей этот – фейс-айтишник, я за ним специально в Москву летал, на него очередь на три месяца вперед. Денег отвалил чемодан. Он мне в общих чертах объяснил, что там и как, но имен пока не назвал. Две недели еще просил, а это еще чемодан денег, но мне повезло.
- Он сам себя назвал, – сказал Вадим.
- Знаешь, как Чикатило поймали?
- В общих чертах.
- Мне один из бывших следаков рассказывал. Там, в общем, не было дедукции и всякой шерлокхолмсовской ерунды, просто привезли легавых со всего Союза, и на каждом углу Ростовской области стоял мент. Самый простой способ – самый надежный.
- Проверяли телефоны.
- Не только у задержанных на митинге, у меня все стояли на прослушке, и ты в том числе. Здесь нельзя ошибаться и проявлять слабость. Ты должен привезти этого парня ко мне.
- От него ничего не зависит, канал продолжит работу.
- Он назовет имена остальных.
- Он их не знает.
- Это я у него еще не спрашивал. А даже если он не знает, они увидят, что бывает с тем, кто прет против меня. Надо будет – опять привлечем Сергея, никаких денег на это не жалко.
- Это стрельба из пушки по воробьям.
- Ты же знаешь, как я к тебе отношусь?
- Знаю.
- Вот только из-за особого отношения к тебе мы сидим и пьем чай. Но всему есть предел, и ты близко к нему подошел.

– Вместо того чтобы его наказывать, возьмите его на стажировку в правительство, осветим это правильно, будете, как Соломон, выглядеть, – сказал Вадим.

– Ты думаешь: я его казню или что? Не волнуйся, про кровника я действительно сгоряча сказал. Сейчас время другое, по законам живем, и по закону он и ответит. Возьму небольшое интервью у него на камеру, это же щас модно, а дальше пусть органы разбираются.

– Его закроют лет на семь.

– Может быть, – сказал шеф.

– Это считай казнь.

– Ты сидел в тюрьме?

– Нет, – сказал Вадим.

– А я сидел, поэтому не рассказывай мне про тюрьму.

– Даже год в тюрьме – чрезмерное наказание за то, что он сделал.

– Не торгуйся, Вадим. У тебя двенадцать часов. К четырем дня он должен быть здесь.

– Если мы хотим опровергнуть то, что он написал, его нельзя жестко наказывать. Штраф, обязательные работы, хоть условка, но не тюрьма.

– Ты продолжаешь торговаться, тебе не к лицу.

Вадим кивнул и замолчал. Шеф продолжил:

– Его найдут по-любому, с тобой или без тебя, но найдут. Я понимаю твоё положение, но таково бремя преданности.

Вадим кивнул.

– Я понял.

На КПП столкнулся с приехавшим Арканом.

– Доброе утро, Аркадий Маратович, тоже не спится? – весело спросил Вадим.

Аркан смерил его тяжелым взглядом, но не ответил.

К шести утра он вернулся в город. Уже рассвело, морок ночи отступил, но город все еще спал. В открытое окно принесло запах свежего горячего хлеба. В детстве этот город казался таким огромным, путешествие из одного района в другой было целым приключением. А на самом деле его можно из конца в конец за два часа пересечь прогулочным шагом. На родном языке его все еще называют селом. Пусть ты не велик, это плюс тебе. Смешливый и гостеприимный, буйный, но отходчивый. Лондон, Париж, Мадрид, Ватикан спокойно умещаются на твоих узких улицах. Попробуй из-под крана воды, отвечаю, ты попутаешь! Здесь любят жизнь и уважают смерть. Здесь не может быть сюжета из

новостей, когда одинокого старика нашли мертвым в квартире, нашли только по запаху. Он внимательный, иногда чересчур, но всегда только из добрых побуждений. Он мужчина, безусловно. Уже в летах, но все еще в силах. С осанкой танцора и сломанными ушами борца. «Спи, мой город, отдыхай, во сне о радости мечтай, наступит время, час пробьет, и счастье снова к нам придет».

В голове – приятная пустота. Как будто за день сделал все дела на месяц. Заехал домой, переоделся и направился в дендрарий. На стоянке – одна машина. Старая «девяносто девятая» без номеров. Вадим припарковался рядом. Потянулся и побежал.

Как будто не было бессонной ночи, он все так же силен и быстр. Под ногами мягко пружинил ковер из опавшей хвои. С гор тянуло прохладой, и он полными легкими черпал из этого бездонного колодца. Вдалеке на тропу вышло две мужские фигуры. Вадим бежал и улыбался.

Глава 20

Из ступора меня вывела музыка. Уже рассвело, и гор на горизонте было почти не видно. Тимур спал, смешно открыв рот, словно ребенок. Это конец. Слова и музыка Джима Моррисона, исполняет вокально-инструментальный ансамбль «Двери».

Мелодия – как ключ к старым чуланам памяти. Это был последний звонок. Я пронес на плече первоклашку и был разогрет вниманием. Возбуждение вперемешку с грустью. Кто-то из парней принес араку, многие уже забродили, как солод, а мне, кроме музыки, никакие стимуляторы были не нужны. Из динамиков, развешанных в школьном дворе, играло что-то сопливое и ненастоящее про новую жизнь и старых друзей. Так прощаться с юностью я не хотел. Школа была совсем рядом с домом, я метнулся за кассетой и через десять минут вернулся. Заглянул в кабинет музыки – пусто. Из шкафа захватил бубен и поднялся на третий этаж школы, в кабинет к учителю истории, который отвечал у нас за культурно-массовые мероприятия. Музыку крутили оттуда.

– Олег Сардионович, добрый день, вас директор спрашивал.

Учитель – молодой парень с полоской нелепых усов, в очках с металлической оправой – заволновался. Сейчас он замминистра образования, а тогда был просто молодым педагогом.

– Что-то случилось, Герман?

– Да вроде все норм, но лучше сходите.

– А бубен тебе зачем?

– Дождь вызывать буду.

– В смысле? – он нахмурился.
– Да не знаю, сказали принести, я принес. Что директору сказать?

– Иду.

Олег Сардионович ушел. Оставшись один, я подпер дверь стулом. Поковырялся с аппаратурой, подключил микрофон на длинном шнуре. Остановил сопливую музыку, поставил свою кассету, открыл окно и встал на подоконник.

Моррисоном я болел на тот момент больше года. Я и волосы отпускал по его примеру. Шевелюра еще недостаточно отросла, чтобы походить на рок-звезду, но достаточно, чтобы раздражать взрослых. Ветер пузырил рубашку на спине и трепал прическу. Пахло летом и надвигающимся дождем.

– Эй, сорок четвертая!

Голос, усиленный колонками, облетел школьный двор. Люди оборачивались, не понимая, что происходит. Потом кто-то из девочек увидел меня и запищал:

– Герман!

Вот он, наркотик сцены, множество глаз следят за тобой. Гитарный перебор, и побежали мурашки. Вступил бубен, а я объявил:

– Это конец. Слова и музыка Джима Моррисона, исполняет вокально-инструментальный ансамбль «Двери».

Одиннадцать с половиной минут длится эта песня. Сначала надо мной смеялись, репутация школьного клоуна давала о себе знать, но потом музыка взяла свое. Подняв голову к небу, сотня молодых людей молчала и слушала. В дверь за спиной ломились, но я не обращал внимания, только в такт с музыкой встряхивал бубном. Я встретился глазами с Вадимом и поднял руку в приветствии. Для него это было трудное время. У матери – очередной кризис, он ходил темнее тучи. Но тогда он улыбнулся и показал большой палец. Пошел дождь. Запах мокрого асфальта пьянил лучше всякого вина. Молодость была константой. Дождь усиливался, загремел гром, но никто не расходился. Следующая композиция – «Оседлавшие бурю», и она была бы как нельзя кстати, но тут физрук высадил дверь, и мой небольшой концерт окончился так же внезапно, как и жизнь Джима.

Хочется пить. От мерзкого винного похмелья голова раскалывается.

– Есть вода?

– Нет, – сказал водитель. – Щас купим.

– Спасибо.

– Да не за что, – улыбнулся он.

В этот момент зазвонил телефон. На фоне музыки The Doors его рингтон был как оскорбление творчества. Саундтрек из фильма «Бумер». Пошлая и давно вышедшая из моды мелодия. Он резко убавил звук магнитолы.

– Шеф.

Я даже испугаться не успел. Рука скользнула в карман, я вытащил ключи. На связке у меня есть один длинный и тонкий ключ. От склада в Сходне. Все собирался выбросить его, да не довелось.левой рукой я схватил водителя за волосы, а правой с силой вдавил острие ключа в шею. Он дернулся, и огромную машину повело. Тимур проснулся и ошарашенным взглядом наблюдал за происходящим.

– Держи руль, – сказал я ему, а потом обратился к водителю. – Как, говоришь, тебя зовут?

– Анзор, – просипел он.

– А меня Герман, будем знакомы, – на шее водителя выступила капля крови. – Анзор, отдай свой телефон Тимуру.

Водитель дрожащей рукой передал телефон. Гармошка заходила в тревожных всхлипах.

– Теперь обеими руками возьми за руль и сосредоточься на дороге. Тимур, выбрось телефон Анзора в окно.

– Что?

– Телефон в окно выбрось и пошарь в бардачке.

– Ты че, с ума сошел?

– Выброси этот паршивый телефон в окно и пошарь в бардачке!

Я вложил в крик всю прошедшую неделю. Тимур побледнел, открыл окно, и ветер ворвался в салон, как подвыпивший ковбой в салон. Телефон улетел, Тимур закрыл окно и открыл бардачок.

Нашел еще один телефон, охотничий нож и травматический пистолет. Пистолет я взял в левую руку, все остальное отправилось вслед за телефоном.

– Мы щас где? – спросил я.

– Под Невинномысском.

– Далек до него?

Анзор скосил взгляд на навигатор.

– Двадцать семь километров.

– Нормально, там мы тебя и покинем.

– Что происходит? – спросил Тимур.

– Хочу до Москвы доехать, – сказал я. – Есть телефон Вадима?

– Да.

– Набери ему.

– Что сказать?

– Громкую связь включи, я сам скажу.

Мы послушали долгие гудки, Вадим не ответил.

– Бегаёт, наверное.

– Он говорил, что ты неадекватный, но я ему не поверил, – сказал Тимур.

– Людям надо верить.

– Объяснишь в итоге, что происходит?

Я не ответил. Пальцы сводило судорогой, но я не ослаблял хватки. Задумался: я и правда готов вспороть шею этому бедолаге? Да нет, конечно. Потом взглянул на себя в зеркало заднего вида и не узнал. Тот, в зеркале, был готов. Разве мама любила такого? Желто-серого, полуседого. Я понял, товарищ опер.

На въезде в город мы остановились у магазина. Я послал Тимура за бумажным скотчем.

– У меня устала рука, поэтому я уберу ключ, но ты же помнишь, что у меня пистолет?

– Помню, – сказал Анзор.

Первый страх прошел, и теперь водитель был угрюм и зол.

– Веришь, что я в тебя выстрелю, если что?

– Верю.

– Отлично.

– Тебе триндец, – сказал Анзор.

– Уже давно, – ответил я.

Когда Тимур вернулся, мы замотали водителю руки и ноги скотчем, плюс примотали его к спинке кресла. Потом я опустил спинку, чтобы ему было удобнее, и перед уходом спросил:

– Как у человека с такой музыкой в машине может быть такой рингтон?

– Это Борисовича флешка, – сказал Анзор.

– Я так и думал.

Невинномысск – маленький сонный город, похожий на большое сонное село. Фабричные трубы с одной стороны и река с другой. В центре – парк, фонтаны, кабаки и барбершопы. А свернешь – начинается проселочная дорога, старые одноэтажные дома, и куры бегают.

– Что происходит?!

Тимур смотрел на меня, как на сумасшедшего, со смесью страха и жалости. Страх было больше. Меня и самого слегка мутило, как будто провалился в воздушную яму. Пересек черту так сильно, что черты уже не видно ни черта. Это совсем другой раздел «Уголовного кодекса». Пекло степное солнце, и в мареве, поднимавшемся от асфальта, прошлое казалось галлюцинацией.

Где-то там лежит водитель главы республики, привязанный скотчем к сиденью служебного автомобиля? Да перестаньте.

– Надо избавиться от телефонов, – сказал я.

– Меня уже от одного избавили.

– Кто?

– Менты на митинге забрали.

– Тем более. Эй! – неподалеку два молодых человека гоняли гуся. – Идите сюда.

Все трое подошли. Гусь был явно недоволен, что им помешали. Тянул шею и шипел.

– Чего? – тот, что посмуглее и понаглее, смотрел с вызовом снизу вверх.

– На, – я протянул ему свой телефон. – Тимур, отдай свой телефон товарищу.

– Зачем? – спросил Тимур.

– Вы педофилы? – спросил смуглый.

– Не такой уж ты и симпатичный. И вообще заткнись. Если кто спросит – телефоны нашли, понятно?

– Да.

– Я не отдам телефон. Почему просто не дождаться звонка Вадима? – спросил Тимур.

– Мы звонили ему час назад, если он не поднял и до сих пор не перезвонил, значит, прикрыть нас у него не вышло. Не будем подставлять ни его, ни себя.

– Ладно, дай хотя бы аккаунты отвязать и симку достать.

– Не надо ничего доставать, отвязывай и отдай телефон.

Пока Тимур возился с телефоном, мы с местными продолжили дразнить гуся. В лучших традициях испанской корриды, когда гусь устремлялся за одним, двое других улюлюканьем и гиканьем отвлекали его от жертвы. В какой-то момент у меня задралась майка, и пацаны увидели рукоять пистолета. По уважению в их глазах я понял, что с потенциального педофила меня повысили до бандита. Гуся мои приبلуды совершенно не впечатлили, он все пытался меня цапнуть.

– Сейчас он будет на меня шипеть. Эти птицы думают, что они сильнее всех, и в этом их слабая сторона, Бендер, – сказал я смуглому.

Он, конечно, ничего не понял.

Мы обменялись рукопожатиями и расстались, крайне довольные друг другом.

– Ладно, телефоны мы слили, чтобы нас по ним не нашли. Что дальше?

- Найдем такси.
- На такси в Москву поедем?
- Нет, просто уедем из города.
- А дальше?
- Как пойдет, – сказал я.
- То есть у тебя нет плана?
- Чем тебя не устраивает план найти такси и уехать из города?
- Слишком краткосрочный.
- Мы не в том положении, чтобы строить далеко идущие планы.

– Без обид, но я тебя вообще не знаю. Ты кент Сплинтера, это серьезные рекомендации, но ты втираешь мне какую-то дичь. Давай ты сам в Москву поедешь, а я домой вернусь?

– Без проблем, – сказал я. – Только перекусим перед дорогой.

Последние сутки я прожил, как топ-модель с булимией. Тошнота на голодный желудок – не лучшее подспорье для путешествий. Ноги подкашивались, голова набита стекловатой. Больно даже от движения мыслей.

Кафешка на берегу реки, можно курить, и ветерок приятно обдувает лицо. Я выпил пива, состояние выровнялось до приемлемых показателей. Теперь можно и поесть. Меня всегда удивляло, как в голливудских фильмах осужденные на казнь заказывали себе изысканный последний ужин. «Как можно в такой ситуации есть?» – думал я, чувствуя, как сжимается желудок. Но жизнь внесла свои коррективы. Я был голоден, несмотря ни на что. В это время года в Невинномысске стейками из мраморной говядины и лобстерами не разживешься, но и мы, в конце концов, не на электрический стул идем. Надеюсь. Три порции салата, шашлык из осетрины, свежий хлеб. Тимур попросил сока.

– Как ты можешь есть?

Я был глух и нем, пока не стало трудно дышать. Съел почти все, закурил, откинулся на спинку пластикового стула.

– Ну ты едешь домой, маминими пирогами побалуешься, пока не арестуют, а когда я поем в следующий раз, неизвестно.

– Ну арестуют. И что?

– Ничего, повесишься в тюрьме через пару месяцев.

– Ты плохо меня знаешь, – Тимур усмехнулся.

– При чем здесь ты? Помнишь парня, который из-за сестры расстрелял Кешу?

– Помню.

– В тюрьме он вскрыл вены через полгода.

– Что-то слышал, но я тут при чем?

Я пожал плечами и продолжил курить. Любое его решение я принял бы без возражений. Уедет он или останется – без разницы. Он почувствовал, и от чужого равнодушия поверил и побледнел.

– Да ты жути нагоняешь.

Вместо ответа я позвал официантку, попросил счет и узнал, где ближайший книжный магазин. Расплатился и встал.

– Ладно, Тимур, рад был знакомству, береги себя.

– Ты серьезно говоришь?

Я рассовал в карманы сигареты, зажигалку и сдачу.

– Ладно, а зачем нам книжный?

– Карту куплю.

– Какую карту?

– Области или края.

– Зачем?

– Ты знаешь, в какой стороне Москва?

Тимур полез в карман. Понял, что телефона нет, и рассмеялся.

– Ну ты и тип! Девушка, – он поднял руку, – можно нам остатки с собой завернуть?

С пересадками, меняя машины в каждом более или менее крупном городе, к вечеру мы доехали до Ростова. Дважды нас останавливали на постах ГИБДД. В одном случае просто проверили документы у водителя, а у хутора Веселая Жизнь попался дотошный полицейский стоимостью десять тысяч рублей.

В Ростове стало спокойнее. В огромном городе легче затеряться. Я выбросил пистолет в мусорный бак, потом снял с карты всю наличность. Пришлось снимать в четыре захода, я понимал, что наследил, но выбора не было: карту могли заблокировать, а бесплатно я мог только утопиться в Доне. Мы еще раз поели и прогулялись до вокзала. До нужного поезда оставалось сорок минут. В торговом центре у вокзала я купил два рюкзака и разного барахла.

– Зачем нам столько маек и трусов? – спросил Тимур.

– Без багажа мы будем привлекать внимание.

– Вот ты Джеймс Бонд, я его всё.

– Кстати, надо водки купить.

– Я не пью.

– Красава, водка до добра не доведет.

Когда подходили к вокзалу, Тимур разволновался.

– Герман, а если здешние менты уже в курсе и нас примут?

– Если будешь мандражить, точно примут, они это чувствуют, как собаки.

– И что делать?

– Иди спокойно, как мимо большой дворняги.

- Чем ты в обычной жизни занимаешься?
- Моя обычная жизнь привела меня сюда.
- В смысле?
- Соberись, – сказал я.

Мы на месте. В толчее и сутолоке на нас никто не обратил внимания. Мы спокойно прошли рамку металлоискателя и оказались внутри. В одном из продуктовых магазинчиков на территории мне из-под полы продали бутылку водки. Я затащил Тимура в туалет.

- Говорю же, я не пью.
- Да заткнись.

Я открыл крышку и понюхал содержимое. В нос шибанул неприятный резкий запах. Страшная сивуха, то, что надо. Я прополоскал рот, и словно туалетной водой смазал шею водкой и запястья. Потом заставил сделать то же самое Тимура.

– Теперь улыбайся и говори, без разницы что, главное, с улыбкой и настойчиво.

- Зачем все это?
- Веселые пьяные парни вызывают доверие.
- Не у меня, – сказал Тимур.
- Так ты и не проводница.

– Ты знаешь, им даже посылки запретили передавать, не то что людей без документов брать. Мы в прошлом году в Анапе были, и друг мой паспорт потерял. Мы и просили, и денег предлагали – без вариантов, уехали без него.

- Знаю.

Мы дважды прошли туда и обратно вдоль нашего поезда. Тимур старался выглядеть естественно, но актерская игра в перерыв его талантов точно не входила.

- Слышь, ты будто обнюханный, расслабься и не ори так.

Я взял его за шею и смачно поцеловал в щеку. Система Станиславского.

- Чего мы ждем? – он вытер рукавом щеку.
- Сигнала.
- Какого сигнала? Что ты творишь?
- Ты не поймешь все равно, просто поверь.

На третьем заходе я увидел ее. Лет шестьдесят. Форма РЖД чудом не расходится по швам на могучем торсе, голова горделиво откинута назад, как у Наполеона на портретах. Уверен, под ее взглядом пьяные дембеля превращались в законопослушных студентов. Никогда бы не подумал, что это она, но сигнал я ни с чем не спутаю: покалывание в затылке, и волосы на руках поднимаются, как под воздействием статического электричества.

Я дождался, когда она проверила билеты очередных пассажиров, и подошел. Коронная мальчишеская улыбка. Секунда, чтобы увидеть имя на бейдже.

– Алевтина Андреевна, вас-то я и ищу.

– Билеты, документы.

Без бумаг меня для нее будто не существовало.

– Тут такое дело. Дружище мой, – я махнул рукой в сторону Тимура, – сумку нашу с документами профукал, пока отмечали.

Я хорошо выдохнул, чтобы она почувствовала запах.

– Дурень малолетний, а нам позарез в Москву надо, жинка рождает, представляете? А из документов у меня только билеты банка России.

Я встал так, чтобы видела только она, и показал ей веер из пятидесяти тысяч купюр. Торговаться было нельзя. Попытка всего одна. Очень долгое мгновение она продолжала смотреть на меня так, словно я украл все простыни в вагоне, а потом улыбнулась.

– СВ свободный есть.

Веер перекинул ей в карман.

– Ты ж моя золотая!

Я полез обниматься, она хохотнула и оттолкнула меня.

– Давайте по-быстрому, не толпитесь тут.

Мы разложились, я сходил умыться и покурить в тамбуре, а когда вернулся, проводница принесла белье и чай в железных подстаканниках.

– Я не верил, что у тебя получится.

– Знаешь, почему заяц бежит быстрее лисы?

– Почему?

– Потому что у нее на кону ужин, а у него жизнь.

– Извини, что сомневался в тебе, – улыбнулся Тимур.

– Все ровно, Тима. Теперь надо поспать.

– Слушай, ты так ей заливал, что я реально подумал, что у тебя жена рождает.

Напряжение этого дня было даже во благо. Я сосредоточился на простой цели, и мысли о жене не переворачивали мир вверх дном. Но стоило немного расслабиться, еще и юнец этот про нее вспомнил, и на меня накатило. Тимур считал реакцию, но понял по-своему. У него округлились глаза, и он спросил:

– Так она реально рождает?

– Нет, Тимур, моя жена в тюрьме.

Моя половина сатаны сидит где-то в темной вонючей камере. Она может перебежать дорогу на красный свет, это ее единственное правонарушение за всю жизнь. И тут – сидит в тюрьме. Как

простить себе такое? Мое раздолбайство, граничащее с фатализмом, позволяло с изрядной долей легкости относиться к любым собственным промашкам, но этого я себе спустить не смогу.

Я лежал без сна, слушал, как сопит Тимур, и вспоминал. Память, как нарочно, подсовывала только хорошее. Чтобы было больнее или потому что хорошего было больше?

В Амстердаме она попросила у меня косячок. Я удивился; уже и не предлагал ей никогда, потому что она всегда отказывалась. Амазонки не прячутся от жизни на дне стакана или в дыму растамана.

– Ты думаешь, что московская трава отличается от местной?

– В Москве трава запрещена.

Мы накурились и решали, куда пойти. Я хотел посмотреть на проституток, на что она предложила мне заглянуть на страницы моих бывших девушек и потянула в музей. Я никогда не понимал живописи, а она увлекается голландскими мастерами. Амстердам стал компромиссом между моим и ее увлечениями. Она привела меня к небольшому холсту.

– Это «Маленькая улица».

– О! – я обрадовался знакомой картине. – У тебя на заставке это стоит.

– Молчи и смотри, ты поймешь, я уверена.

Не знаю, сколько мы простояли. Кирпичная кладка казалась почти осязаемой. Фигуры людей, сначала неразличимые, стали четкими и ясными. Две женщины заняты работой: одна стирает, другая шьет. Дети играют на мостовой, стоит немного напрячь слух, и можно услышать их смех. По спине побежали мурашки.

– Понял? – спросила она.

Я завис, непонятно от травы или от картины. Она стукнула меня в плечо. Я обернулся. Она улыбалась.

– Вижу, что понял.

И мы пошли смотреть на проституток.

Нет, это невозможно. Надо выбросить все из головы, иначе до Москвы я просто не доеду. Есть у меня старый способ. Я представил себе, что мозг – это комната, а мысли – мебель. Надо освободить комнату. Вынес огромный сундук совместных путешествий. Чуть не надорвал спину, пока выталкивал диван. В какой-то момент весь мир был нашим диваном. Наш стол, за которым мы преломляли хлеб. Она ест, как лиса: аккуратно, но хищно. Скалит белые зубы, если лезешь к ней в тарелку, но сама всегда с радостью стащит что-нибудь из моей порции. Прочь этот стол. Умаялся, как настоящий грузчик. Вроде сработало. Я начал проваливаться в

сон, но тут поезд стал тормозить. Толчок, запах тормозов, лязг металла – и комната вновь наполнилась мебелью.

Мы собирались на Байкал. Я предлагал самолет, она хотела ехать на поезде. Всего две недели отпуска – и целых четыре дня только в одну сторону. Я ругался и приводил логичные доводы, она ничего не желала слушать.

– Камень, ножницы, бумага?

– Девушка, азартные игры – мой конек.

Я выкинул ножницы, она – камень. Я потребовал повторить. Я – камень, она – бумагу. В общем, мы сыграли семь раз, и я ни разу не победил.

СВ был дико дорогой. Мы взяли купе, я уже воображал попутчиков один другого толще и говорливее, но всю дорогу ехали вдвоем. Я продолжал ворчать. Из походной сумки она достала свежий лаваш, розовые помидоры с тонкой шкуркой, копченую телятину и сыр, который прислала мама. Твердый, как гранит, и соленый, как Мертвое море. В самолете так не поешь, а я продолжал ворчать. Потом чай с «Золотым суфле». Она хорошо подготовилась, это мои любимые конфеты, а я как бухтел про самолет, так и бухчу. Она усмехалась и молчала. Потом убрала со стола, вынесла мусор, вернулась и закрыла дверь на ключ. Обернулась и медленно разделась. Я забыл, что меня так возмущало.

Ночью на секунду проснулся, когда поезд остановился где-то на маленькой станции. Эти короткие остановки, когда даже не открывают двери вагона. Она сидела у меня в ногах, голая, залитая лунным светом. И на ее коже этот холодный свет становился теплым, как парное молоко.

Иногда проигрыш дает тебе больше, чем победа.

Слышишь? Я, честно говоря, не очень в тебя верю, а торговаться не люблю даже с людьми. Думаю, тебя самого достали эти сделки с нами: типа буду вести себя хорошо, а ты мне по своей линии помоги. Вадим говорит, что ты не Дед Мороз, единственное, что у тебя надо просить, – это сил, но я очень устал и все-таки попрошу. Клянусь, я стану другим: спокойным, честным, трезвым, только сбереги ее, пока я еду. Когда доеду – сам не оплошаю. Слышишь?

Я открыл глаза. Было светло, пахло лапшой быстрого приготовления. Мой юный друг, умытый и отдохнувший, со свистом засасывал макаронины. Увидев, что я проснулся, он отложил пластиковый контейнер и сказал:

– Я не стал тебе заваривать, чтобы не остыло. Пока умоешься, я все организую.

«Доширак», печенье «Юбилейное», чай. Удивительным образом в поезде вся эта гадость становится вкусной. Солнечный свет, завтрак, первая сигарета. Иногда воображаешь себя удивительно сложной личностью с тонкой душой поэта, а всего-то надо поспать и поесть, и чтобы солнце нахально лезло в глаза. Я перекусил, еще немного вздремнул. Когда проснулся, до конца путешествия оставалось чуть больше часа.

– Есть где в Москве остановиться?

– Тетка живет в Лобне.

– К родственникам лучше не соваться, там будут искать в первую очередь.

– Он же не станет мстить через семью?

Я молчал. Что я мог ему сказать? Правду? А он ведь совсем еще пацан. Здоровый, как конь, и щетина на лице, а все равно ребенок. И ему страшно. Не за себя, и это хуже всего. На себе почувствовал.

– Вадим выровняет все, а пока у меня перекантуешься.

– Как только найдут Анзора, будут знать, что мы вместе.

– Пока найдут, пока расспросят, пока поймут и начнут шевелиться – время у нас есть. Тем более я тебя не в квартире под кроватью буду прятать – склад в Сходне арендован до конца года. Там есть тайная дверца, за которой я оборудовал комнату отдыха для рабочих. Не бог весть что, но точно уютнее тюремной камеры или подвала загородного дома Шрама.

– Я не хочу, чтобы из-за меня у тебя были неприятности

– Неприятностью больше, неприятностью меньше, – сказал я.

– Ты так и не сказал, от кого прячешься.

– У меня не такая благородная причина, как у тебя.

– Прикальываешься?

– По факту говорю. Ты страдаешь за убеждения, а я по глупости.

– Твой кент предположил, что я все делал ради славы.

– В двадцать лет все хотят прославиться, это нормально.

– Я хочу изменить мир, – сказал Тимур.

– Кровать заправь для начала.

Он усмехнулся.

– Вадим рассказал мне эту историю; теория малых дел, все такое, но мне этого мало.

– В двадцать лет всего мало, и это нормально.

– Все у тебя нормально.

– Это взрослая тема, ты не поймешь.

– Беспонтово так взрослеть.

– Знаешь, что самое смешное?

– А ну?

– Я живу, стараясь не замечать государства, а ты на полном серьезе собираешься его изменить, но в итоге мы едем в одном купе.

– Приехали, – сказал Тимур.

Москва. Равнодушная и внимательная, яркая и грязная, злая, но любимая. Я всегда с удовольствием уезжаю и с восторгом к ней возвращаюсь. Выйдя на Площади трех вокзалов, я с трудом удержался, чтобы не припасть к заплывшему асфальту. Добрался. Полицейские и бездомные, праведники и отчаянные мерзавцы, нищие и миллиардеры – здесь всем есть место, даже мне.

Первый, кто встретился, – это сумасшедший в странном наряде: рваный плащ, юбка, на голове шляпа с пером, в одном ботинке, с огромной сумкой на колесиках, которую толкает перед собой. Я проводил его взглядом, пока он не исчез в толпе.

Там, откуда я приехал, все городские сумасшедшие знакомые. У рынка стоит мужик, в детстве переболевший менингитом: он смешно танцует и невнятно разговаривает. В центре живет женщина, вожак стаи собак. Они не дают друг друга в обиду. В районе новостроек – одноногий ветеран Афганистана, сошедший с ума от пьянства. По вечерам на него накатывает, и он кричит и расстреливает из костыля небо. Все они вплетены в ткань города. А Москва тасует своих юродивых, как шулер колоду.

Здесь я понял, что все зависит только от меня. Нет родителей, которые накормят и дадут денег, нет крыши над головой, если ты на нее не заработал, есть только ты и она. И ей все равно, получится у тебя или нет. Не получится – езжай, откуда приехал, на твое место миллион кандидатов. Но может тебе и улыбнуться.

У меня есть личный топ достижений. Пробежал марафонскую дистанцию, хотя был уверен, что сдохну. Рассказ напечатали в литературном журнале. Девушка, которую люблю, согласилась стать моей женой. И Москва, которую люблю, согласилась стать моим городом

Солнце, отражаясь от окон вокзала, слепит глаза; на родине в это время оно уже уходит ночевать за горные хребты, а здесь все еще светло. Запахи уличной еды и табака мешаются с выхлопными газами и резкой вонью от группы отдыхающих у подземного перехода бомжей. Вокзальные домовые. Грязные и смердящие, они что-то отмечали. Хототали и веселились.

Я раскинул руки: идите все сюда, я вас обниму.

– Ты чего? – спросил Тимур.

– Рад вернуться.

- Давно не был?
- Два дня.
- Я здесь родился, но не люблю Москву.
- Ей все равно, – сказал я.
- Поэтому и не люблю.
- Моей огромной любви хватит нам двоим с головою.

Я снабдил Тимура деньгами, отдал ключ, испачканный кровью водителя, и отправил в Сходню.

Таксист-азиат плохо говорит на русском, мне пришлось самому назвать адрес в навигатор – и это тоже Москва. По Садовому кольцу до Курской, через Высокояузский мост, сворачиваем на Николоямскую. На Андроньевской площади всегда пробка, а я вдыхаю выхлопные газы и не могу надышаться. Еще немного – и вот он. Дом.

Я помню, как пришел на съемную квартиру с очередным конвертом денег от продажи водки. Заначку мы хранили в шкафу, в отделе для нижнего белья. И поняли, что места уже нет.

Все остальное было просто и весело. Ушлый риелтор, недоверчивые продавцы, равнодушные клерки в регпалате и в банке. И вот мы стоим. Смотрим вверх. Вон там, на восьмом этаже. Она держала кота на руках. Все остальное перевезем потом.

Рука немного дрожала, когда я вставлял ключ в замочную скважину. Дверь открылась, она запустила в темноту кота. Рауль обернулся, глаза горят желтым, заходите. И мы зашли.

Рука дрожит, когда я вставляю ключ в замочную скважину. Дверь не заперта. Я замер. Забыла запереть? Менты ждут? Все равно. Я вошел.

Она выглянула из кухни. Уставшая, помятая, немного испуганная. Увидев меня, улыбнулась. Я закусил губу, чтобы не разреветься.

– Вечер в хату или как там говорят. Рауль, посмотри, кто пришел.

Кот выглянул, презрительно фыркнул на меня и потерся о ее ногу. Смешно, меня любят кошки и собаки, змеи и попугаи, лошади и коровы. Дикая и домашние звери. А Рауль любит ее. Я его понимаю.

И тут бы мне пошутить в ответ или сказать что-нибудь многозначительное, а вместо этого я кусал губы и молчал. Она подошла ко мне и взяла меня за руки.

– Привет.

Я кивнул.

– Может быть, время горьких обид не пролетит для нас с тобой бесследно, – сказала она.

– Я совсем забыл эту песню, – наконец сказал я.

– Если бы Шахрин тебе ее пел, ты бы не забыл.

– Сколько лет прошло?

– Семь будет этой зимой.

После реабилитации мы были очень близки к разводу. Мое равнодушие сменялось злостью, а она уже не скрывала разочарования. В один из дней я собрал вещи и ушел. Снял номер в гостинице, разложил пожитки, принял душ. В гостиничном халате вышел из ванной. Вот она, свобода. Никаких тебе больше оков, сдерживающих обстоятельств, молчаливых обвинений. Ты же этого хотел? Найдешь себе сейчас квартиру в интернете, снимешь и начнешь новую жизнь. А где легкость? Стало только хуже. Чувство непоправимой ошибки холодило грудь. Я старался вспомнить все доводы, приведшие меня в этот номер. Мы устали друг от друга и только мучаемся. Мы оба молоды, сможем построить новые отношения и завести новые семьи. У нас нет детей, в конце концов, не перед кем чувствовать себя виноватыми или обязанными. В жизни так бывает. Я взял телефон.

В сети нашел контакты концертного директора группы «Чайф», потом обзвонил друзей и набрал долгов. Петь одну песню, тем более срочно, они не хотели, но я набрал долгов с запасом и убедил их. Через четыре часа я, солист группы и гитарист встретились во дворе бывшего купеческого особняка на Таганке. Половину особняка занимает рекламное агентство. Здесь она работает. Мне вручили бубен, на котором я настаивал. Шахрин стоял, надвинув на глаза кепку, гитарист подключил инструмент и микрофон к колонке. Стояла сухая морозная зима. Честный московский холод бодрил.

– Идет, – сказал я и потряс бубном.

Она вышла с двумя коллегами. Гитарист ударил по струнам, Шахрин запел. Она сначала удивилась, потом нахмурилась, потом огляделась: а вокруг уже танцевальный партер. За минуту собралась толпа. Люди выходили из офисов, заходили с улицы. «Чайф» даже в усеченном составе укороченного концерта разрывал публику. Последний припев пели все вместе:

– Может быть, время горьких обид не пролетит для нас с тобою бесследно, я привыкаю, и все меньше болит, но я без тебя не могу совершенно!

Мы не бросились в объятия друг друга. Не было слез счастья, и люди не хлопали романтичному поступку, как в финалах глупых фильмов. Люди выстроились в очередь к Шахрину за автографом или фотографией, а мы пошли домой. Все наладилось гораздо

позже, но тогда мы шли рядом, не держались за руки, не разговаривали, но шли вместе.

– Как ты тут?

– Меня два часа назад отпустили. Один раз ко мне зашел какой-то полицейский, ухоженный такой, тебе бы понравился, а так со мной никто даже не говорил, просто забрали, сутки продержали и отпустили. А ты?

– Я приехал на поезде.

– А я на метро. Что с домашним арестом?

– Здесь мой дом.

– Красиво, – кивнула она. – А с арестом что?

– Не знаю, честно говоря, я без телефона со вчерашнего дня.

– А где он?

– Отдал в Невинномысске одному парню.

– Какому парню? В каком Невинномысске?

– Это долгая история.

Она устало улыбнулась, потом опустила голову и сказала:

– Я хочу уйти от тебя.

– В смысле?

Она подняла глаза.

– В прямом смысле, Герман. Я сутки сидела черт знает где, в одной камере с женщиной, которая пырнула мужа пилкой для ногтей, а ты в это время мотаешься по стране, как фальшивый «Ласковый май», и отовсюду вместо магнитиков привозишь проблемы. Я не могу так больше, – она зло смахнула слезы. – Раньше думала, что ты без меня пропадешь, такую, знаешь, миссию себе вообразила. А это глупо и самонадеянно. Тебе никто не нужен, и ты точно не пропадешь в отличие от меня. Может, лучше было перенести все объяснения на потом, но я не думала, что ты вернешься.

– О чем ты говоришь?

– Я сделаю все, чтобы помочь тебе сейчас. Спрячу, накормлю, напою и баньку затоплю. Но когда это все закончится, я съеду.

Я услышал, но не понял. Взрослые дела насчет развода, при чем здесь я? У меня вон приставка есть и самокат электрический. Со мной о разводе говорить не надо. Потом смысл ее слов стал доходить. Во рту – знакомый с детства вкус спичечной серы. Будто сгорело что-то внутри.

– Послушай...

Я хотел ей что-то сказать, пока не придумал что, но надо было срочно заполнять эфир, тишина бетонировала ее решение. Но она не послушала.

– Не надо сейчас ничего говорить, Гера. Прости, что меня понесло, это и правда подождет. Давай решать проблемы по мере поступления.

– Давай собаку заведем?

– Что?

– Ты говорила мне когда-то, что собака и кошка в одном доме помогают понять суть буддийской философии. Собака всем своим видом и поведением показывает тебе, что ты центр вселенной, а кошка смотрит на тебя, как на пустое место. И каждый из них прав.

– Я говорила это, когда ты собирался съесть марку ЛСД, чтобы на пару часов понять суть буддийской философии.

– Это очень правильные слова.

– Тебя они тогда не убедили.

– Любую, хочешь немца?

– Хочу, но мне сейчас немного не до собаки.

И только тогда я понял. А когда понял, все стало настолько очевидным, что я даже подивился, как не замечал этого раньше. Стало страшно и весело, словно стоишь перед открытой дверью кукурузника, а внизу зеленеют квадратики полей. Всего один шаг отделяет тебя от пропасти, и это страшно, но за спиной парашют, и это весело. Я искал бессмертие везде, куда доставал, как старушка ищет очки, которые подняла на лоб. Сдайте бубен и удостоверение, гражданин шаман, вы не справляетесь со своими обязанностями. Она стояла все такая же красивая, напуганная и уставшая. Она стояла не одна.

– Давно? – спросил я с идиотской улыбкой.

– Пять недель. Что это меняет?

Это меняет все.

– А где твой телефон? – спросил я.

– Где-то там валяется, – она махнула рукой в сторону беспорядка в гостиной. – Меня без него забрали.

– Найди, пожалуйста, мне надо срочно позвонить.

Как будет «мне нужна помощь»? «Ай нид хэлп», «бен, бен, это Данила, бен, ай нид хэлп». Вадим поймет.

Минут десять она искала телефон, нашла, он оказался разряжен. Еще минут пять он стоял на зарядке. Мысли с такой скоростью носились в голове, что закладывало уши. Москва за окном звучала, как из-под толщи воды. Надо умыться, кстати.

Сесть в тюрьму? Сейчас? Еще двадцать минут назад это казалось единственным возможным окончанием этой истории, но финальный твист перевернул все с ног на голову. К черту принципиальность и на хрен гордость. Кому там поклониться или

в ноги упасть, чтобы остаться на свободе? Заберите все, что есть, я еще заработаю, не забирайте только меня.

Я понял, что телефон включился по звуку уведомлений. Сообщений было так много, что колокольчик звучал, как набат.

– Эй, что там у тебя?

Тишина в ответ потянула меня к себе. Я с мокрым лицом зашел в комнату. Ничего себе, как они все здесь перевернули. На полу – книги, мои вещи, подушки, какие-то документы, дверцы шкафа – нараспашку. Она сидит на стуле у розетки и смотрит в телефон.

– Слышишь?

Она посмотрела на меня, очень растерянная. Губы дрожат, будто я сделал ей очередную гадость.

– Что?

Она протянула мне телефон. От воды изображение размывалось, я разглядел голубую плашку республиканского новостного паблика, потом увидел имя. Последнее время его часто упоминают в новостях. Даже по Первому каналу как-то показывали. Дальше ерунда какая-то, буквы плывут. Я вытер майкой лицо и перечитал. Найден мертвым.

Примерно через час я обнаружил себя во дворе, на детской площадке.

Цвет мира изменился, ярко-красные лучи заката на синим фоне неба красили облака в фиолетовый, а воздух будто наполнился золотой пылью. Во двор завернул мальчишка на велосипеде. Подъехал к моему подъезду.

– Вадим! – тонкий голос отскакивал от стены дома, как теннисный мячик.

Вадим! Вадим! Вадим!

На втором этаже открылось окно.

– Здорово, выйдешь?

– Че ты орешь, позвонить нельзя?

– Можно, – мальчишка вытащил телефон. – Звоню.

Тот, сверху, рассмеялся.

– Иду.

Наверное, и мне надо пойти. Встал, почти не шатаюсь, прошел детскую площадку. Во дворе остановился, решая, куда пойти.

Даже не увидел, а почувствовал движение справа. И я побежал.

Татьяна КОСТАНДОГЛО

ЖИТЬ. ПРОСТО ЖИТЬ

СТИХИ

В оформлении использовано фото из сети интернет

* * *

Любимый мой, печаль теряет слух –
Уплыл наш час... Кладбищенские метры
Разъединили нас. Костер потух.
Мы в разных снах, но мы с тобой бессмертны.

Душа моя твою любовь хранит,
Но долететь к тебе мой плач не в силах,
Закон небесный строг: могильных плит
Не счесть уже... А сколько голосила

Я, чтобы жил! Со мной! И... без меня!
Чтоб счастлив был всегда любимый мною!
Увы, увы, воздушная земля
В который раз разводит нас с тобою...

Эдем разграблен. Трещины зеркал
Рай ввергли в Ад. Утех любовных ложе
Давно остыло. Новый век настал.
Но память день и ночь меня тревожит.

* * *

Жить. Просто жить. Бесцельно и бездумно
Встречать рассветы. В солнечных лучах,
Как в гамаке, качаться беспробудно.
Страдать. Любить. Лелеять свой очаг.
Растить детей и хлеб. Дождя молитвы
И снега речь безропотно встречать.
Земли и Неба огненные битвы,
Не понимая, все ж благословлять.
Достоинство старость встретить и отважно
Вручить Творцу остывший пыл души.
Ход мысли прост. И белый лист бумажный
Вслед за тобой в жизнь новую спешит.

* * *

Ты с ключами идешь по душам.
(О, простите ей эту блажь!)
Память рвется... Зверья, душит.
Откровенность превыше краж.

Двери все для нее открыты,
Всех важнее одна лишь дверь.
Входит... Помнятся, не забыты
Твои лапы, клыки, мой зверь.

Твои ласки, печаль и нежность
Не забыты, мой зверь! Рычи...
Вспоминая твою мятежность,
Все прощаю. Но вой волчиц,

Как наркотик, терзает душу!
В чистом поле, как прежде, мы
Скачем в смерть, но она не рушит
Тьму дневную и зов тюрьмы.

Эй, родимые! Ветер гривы
Треплет яростно – в рай иль в ад?
Мысли жгучие, вы игривы...
Леди Джейн не твоя, Роланд.

* * *

Дай мне тебя обнять, родимая душа!
С тобой мне не страшна спокойная тревога:
Глаз видит след письма, но нет карандаша...
Пристаннице не здесь, но стелется дорога.

Я солнца луч поймать, конечно, не смогу...
Но в ткань его слова земные разодену.
В моря вросли века. А я еще бегу,
Сдувая на лету неискренности пену.

* * *

Конечно, та не я. Не я, любимый.
Меня здесь нет. Еще не родилась.
Простой вопрос я не задам, помилуй!
И сложный не задам. К чему мне власть?

Я появлюсь знакомой незнакомкой
В печальных строках – им ты будешь рад.
И стану нужной в яростных потемках.
Все будет так, как сотни лет назад.

* * *

Старушка-мать еще жива,
Желает детям сил, здоровья!
В деревне кончились дрова;
Но новогодний хлеб с любовью
Старушка все же испекла,
Картошку отварила в печке,
И ветку елки на крылечке
Она от ветра сберегла.
Гляди: в избушку мать несет
Замерзший вестник перемены!
Ель украшая, Новый Год
Одна встречает в старых стенах.
А сердце плачет и болит,
Лаская старые игрушки:

Вот из картона Айболит,
Вот рыбка, зайчик, вот хлопушки...
Спеши, покуда мать жива!
Спеши с последнею попуткой!
Мороз на окнах кружева
Не в радость вяжет ночью жуткой.

* * *

Бегом – в стихи! Куда еще?
За окнами дождится лето.
Безвкусен спелый плод запрета;
Да бог с ним! Горевать о чем?

Напев любимый за стеной
Не радует, не тешит душу;
Ему, как будущему мужу
Иль бывшему, не слышен мой,

Мой голос, утоливший жажду
И вслух молящий об огне...
Как слиться с музыкой извне?
Когда к ней в гости я отважусь?

Войдя, скажу: «Устала ждать,
Ну, здравствуй! Здравствуй,
Гость крылатый!
Пожар души рас-пе-ле-на'-той,
Вот мы и встретились опять...»

Века промчатся чередой
Снегов, ветров. В объятьях света
Мы вновь увидимся с тобой,
Душа моя! Когда-то... Где-то...

* * *

Буйство чувства, буйство цвета –
Сумасшедшая сирень!

Шестьдесят второе лето
Светит Солнце, сея тень.

Опьяняют воздух грозди
Сверхсиреневых планет...
Воскресайте, люди! Бросьте
Детский лепет «tet a tet».

Буйство звуков, буйство света,
Смеха, детских голосов...
Шестьдесят второе лето
Лепит Солнце жизни кров!

* * *

Играла девочка с огнем,
В его природу не вникая.
И он ее спалил страдая...
Она же, растворившись в нем,
Среди людей не знает места:
Христа распятого невеста
Все ищет суженного Лик
Среди покойников живых.

* * *

Севастополь. Июнь. Розы сводят с ума:
Так цветут, словно ждет их сумá и тюрьма.
Так цветут, словно вырваны с корнем кусты!
Нежный запах пьянит, воскресая мечты.
Так цветут эти розы, будто завтра – мороз.
Так цветут, словно слезы хлынут градом из роз!

* * *

Ты не ты? Ужели тебе страшен
Прошлого и будущего зов?
Мерзлота? Да в ней все жизни наши,
Как в утробе. Что? Ты не готов

На земле небесной самоцветы
Рассыпать божественной рукой?
По следам иди – они приметы...
Жить не бойся. Всюду Бог с тобой.

* * *

Мысли – птицы! Вы летите,
Обгоняя ход планет,
Сквозь незримые границы
С Тех на Этот божий свет?
Господи, какая роскошь,
Сознавая, осязая
Связь как дарственную ношу...
Принимая, обретая
Содержание сквозь мясо
Слов, диктуемых Творцом!
Ненаглядно опоясал
Бог твое родство с Дворцом,
Со Небесным, со Блаженным,
Со Любовным, со... Союз!
Многотомный, совершенный,
Доверительнейший груз?
Мысли – птицы... Вы летите
Напролом и напрямик!
Как Бог даст, ведет наитье,
До чего же скуп язык...

* * *

*Ты, срывающая покров
С катафалков и колыбелей...*

Марина Цветаева

Моя родная, кланяюсь тебе...
Ты ведаешь, о чем я горько плачу.
Наперекор злой мачехе-судьбе,
Свой час творя, судьбу твою иначе.

Ток листьев тот же, что и дрожь ствола,
Кору светлейших тополей целую.
Какая мощь! Как ты была права!
Не стану петь просяще «Аллилуйя»,

А буду сметь безжалостных зеркал
Читать свои и чьи-то отраженья.
Моя рука тому, кто удержал
Свободу чувств в святых оковах пенья.

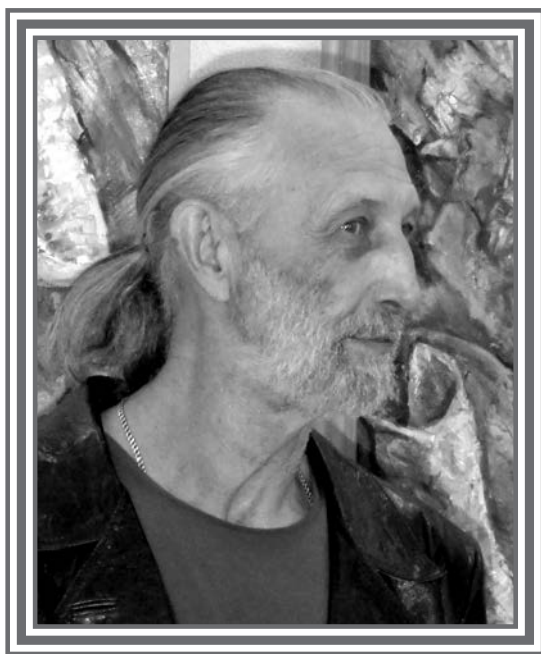
Открыты двери – всякий вхож сюда.
Над таинством незримых наковален
Царят помарки... Экая беда!
Молитесь, чтобы желтыми опали

Трепещущие листья новизны
К ногам всесокрушающей надежды...
Богаче нет у Родины казны,
Чем плач детей. Сегодня, как и прежде,

Страдает Русь. Гудит ее набат.
Колокола раскачивают ветры.
Поэт, ты Воин. Воин – не солдат.
Стихи пускают корни в кровь и нервы.

Ольга РЕЗНИК

ШАХ И МАТ ЖИВОПИСЦА СЕРГЕЯ ФИЛАТОВА

Можно ли изобразить музыку? Оказывается, можно. А время? И время тоже можно. Можно даже, прибегнув к наглядности, представить жизнь как игру. Ведь неслучайно мы так любим произносить фразу «Что наша жизнь? Игра!», авторство которой приписыва-

ют то Шекспиру, то Пушкину, хотя на самом деле она звучит в опере «Пиковая дама», либретто к которой написал младший брат выдающегося композитора Петра Чайковского Модест Чайковский – драматург, переводчик и театральный критик.

Однако, коли уж играть, то по-крупному, сделав ставку, скажем, на старую, как мир, логическую игру – в шахматы. Ведь люди, что ни говори, сродни фигурам на шахматной доске. Кто-то совершает ход конем, кто-то чувствует себя совершеннейшей пешкой, но не оставляет надежды пробиться в ферзи, кто-то ведет партию шута, кто-то взвешенную игру, а кто-то, делая карьеру, совершает восхождение к власти, ощущая себя не иначе, как королем или королевой. Это в зависимости от обстоятельств.

Если вы согласны со всем вышесказанным, то вам легко будет воспринять творчество, а следовательно, и мироощущение адыгейского художника из Майкопа Сергея Филатова, чей выставочный проект «Территория - 64» был представлен в экспозиционном зале Национальной научной библиотеки Республики Северная Осетия-Алания.

«Территория-64» – это сама жизнь, изображенная живописцем и показанная как игра в шахматы. А жизненное пространство – некое подобие шахматной доски, состоящей из чередующихся 64 белых и черных клеток (да, да, именно клеток, хотя наша жизненная философия, скорее, вмещает такие понятия, как черная и белая полосы). Шахматные фигуры-символы – это люди, мужчины и женщины, существующие по своим законам бытия. Их судьбы складываются из белых и черных клеток – мира и войны, любви и ненависти, жизни и смерти. Все как в реальной действительности. Потому и великий Омар Хайям в одном из своих рубаи написал: «Мир я сравнил бы с шахматной доской: то день, то ночь...». Кстати, эти строки стали эпиграфом к выставочному проекту Сергея Филатова.

«Шахматы являются отдельно моделью и метафорой нашего порядка вещей, они выражают противоборство

двух начал мира, иерархичность. Таким инструментом можно выстроить разные логики взаимодействия (на удачу, на расчет) и соревноваться не только с противниками, но и с самой судьбой», – считает куратор проекта «Территория-64», заслуженный работник культуры Республики Адыгея Фатима Сулейманова. Окном в другую вселенную со своим временем, своими особыми законами и собственной загадкой бытия назвала она каждую из работ художника Сергея Филатова, который в проекте «Территория-64» предстал перед зрителями как «концептуальный художник с элементами постмодернизма, поскольку он обращается к различным стилям и цитатам из старых мастеров».

Североосетинские зрители, которых, по правде говоря, трудно чем-то удивить, с интересом познакомились с необычным художественным проектом из Адыгеи и по достоинству оценили и философичность таинственной живописи Сергея Филатова, и ироничность художника, и его мастерство, и умелое и уместное использование в творчестве таких приемов, как аллегория, метафора, замещение... И ведь при этом, по сути, в каждой из работ Филатова кроется какая-то непостижимая загадка, которую непременно хочется разгадать, постичь, дабы предвидеть последующий ход событий и что-то еще, одному творцу только ведомое.

Вот и народный поэт РСО-Алания Ирина Гуржибекова попыталась угадать это таинственное что-то. Ирина Георгиевна подарила Сергею Филатову искрометный поэтический экспромт:

*Художник может видеть свет впотьмах
И то, что не постичь обычным взором.
Сергей увидел шахматы в горах,
А в шахматах, наверно, видит горы.*

ТВОРЧЕСТВО

МИР ИСКУССТВА

«ДАРЬЯЛ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

СЕРГЕЙ
ФИЛАТОВ
ЖИВОПИСЬ
Стр. 126-128

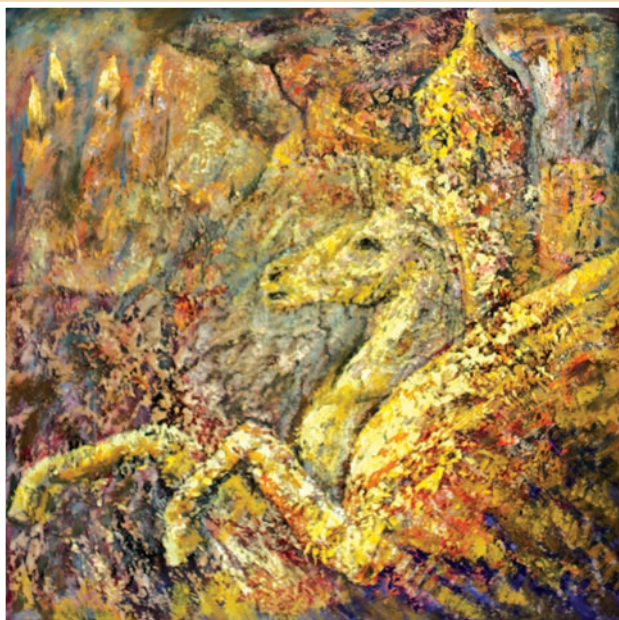

Автопортрет (фрагмент)

СЕРГЕЙ ФИЛАТОВ ЖИВОПИСЬ

Мой рабочий стол

Геральдика

Сокровища
кургана

Монета

Слон

Корона и колпак

Раковина

Бабочка

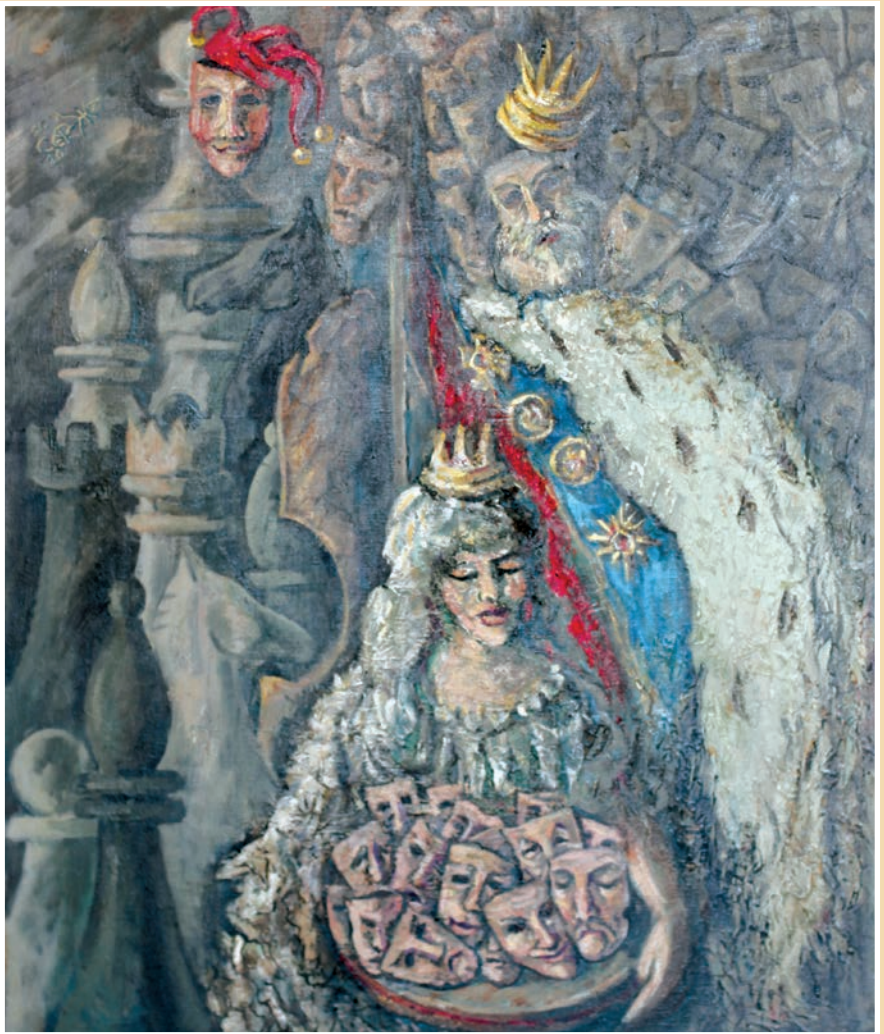
Пауза в игре

Партия

Реликты

Маски белой королевы

Партия шута

Песочные часы

Час пик

Часы

Перцы

Чеснок

Подсолнухи

Рука зовущего

АРИСТОТЕЛЬ

(384–322 г. до н. э.)

великий древнегреческий философ, мыслитель;
воспитатель Александра Македонского

***Ты никогда ничего не сделаешь в этом мире
без мужества. Это величайшее качество
разума наравне с честью***

Хаджи-Мурат ТОРЧИНОВ

**БЛОКАДНЫЕ ДНИ
АДЫ ЧЕСНОКОВОЙ-ТОРЧИНОВОЙ**

Мемориал «Разорванное кольцо блокады»

Посвящается моей матери –
Ариадне Васильевне Торчиновой

ОТ АВТОРА

В основу документального повествования легли сохранившиеся записи, документы, фотографии и устные воспоминания моих родителей – Заурбека-Жараби Инарикоевича Торчинова, уроженца села Гизель, 1910 года рождения, и Ариадны-Ады Васильевны Чесноковой-Торчиновой, родившейся в Петрограде в 1917 году, а также других участников событий.

Познакомились мои будущие родители в городе на Неве. В начале 1932 года отец «с багажом» образования в полтора класса гизельской церковно-приходской школы приехал на учебу в Ленинград. Там он остановился у своего старшего брата Александра Торчинова, женатого на Варваре Кирилловне Слановой (дочери гизельца Хъырыма Левановича Сланова), в коммунальной квартире на четыре семьи, полученной от Балтийского завода, где Александр Инарикоевич работал бригадиром и парторгом цеха.

В 1934 году Замира Сланова, родная сестра Варвары, учившаяся Ленинградском финансово-экономическом институте (ЛФЭИ), познакомила Заурбека Торчинова с одногруппницей Ариадной Чесноковой.

В 1935 году по окончании рабфака Заурбек поступил в Ленинградский сельскохозяйственный институт (ЛСХИ), а в 1937 году женился на Ариадне Чесноковой, взявшей фамилию мужа. В 1941-м он окончил с отличием ЛСХИ и, несмотря на имевшуюся бронь, 2 июля 1941 года ушел добровольцем в Ленинградскую армию народного ополчения (ЛАНО). Командовал взводом разведчиков, был дважды ранен...

После войны, с 1946 по 1951 год, работал директором Кадгаронской МТС, с 1951 по 1954 – директор Гизельдонской МТС. С 1954 по 1957 год исполнял должность первого директора зерносовхоза «Тракторист» Осакаровского района Карагандинской области Казахской ССР. С 1957 по 1966 год работал директором совхоза № 1 «Курортторга» в г. Орджоникидзе, с 1966 по 1970 – первым директором Северо-Осетинского государственного лесохозяйственного хозяйства, с 1970 по 1978 – директором совхоза им. Кирова в с. Гизель Пригородного района. С 1980 по 1984 год в ту пору уже персональный пенсионер Заурбек Инарикович Торчинов был назначен начальником строительного участка РСУ-МБО в с. Гизель. С 1984 по 1988 год он являлся активным участником заслуженного ветеранского фольклорного ансамбля «АРТ» Гизельского ДК.

Ниже приводится описание событий блокадной жизни жены Заурбека Торчинова Ады Васильевны Торчиновой.

НАЧАЛО БЛОКАДЫ. ДЕЖУРСТВО НА КРЫШАХ

Уже 8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда. Работала Ада тогда в райфинотделе полный рабочий день, как и в мирное время. Она вместе с матерью проживала на третьем этаже дома № 3 по Константиновскому проспекту на Крестовском острове. Отец ее ушел на фронт в начале войны (он погиб в 1945 году в одном из последних боев под Берлином).

С начала блокады фашисты постоянно бомбили город. При авианалетах в районе Крестовского чаще всего сбрасывали «зажигалки» – бомбы со специальной горючей смесью. Во время бомбежки Ада (ей было 24 года) с девятнадцатилетним соседом Иваном Горбачевым, который жил вместе с матерью Марией в том же доме на первом этаже, вдвоем бежали на крышу и дежурили там. Когда «зажигалка» падала на крышу, то один из них,

находившийся к ней ближе, хватал ее железными щипцами и сбрасывал во двор, а внизу пожилые люди засыпали зажигательные бомбы песком. Уничтожение «зажигалок» требовало быстроты и сноровки, в противном случае вражеская бомба быстро воспламенялась и начинала легко расплавлять и прожигать перекрытия, создавая на этажах пламя, не тушившееся водой. Иногда на крышу падали несколько «зажигалок», тогда, бывало, они с Иваном не успевали все вовремя сбросить, и крыша под какой-то из них прогорала, и «зажигалка» проваливалась на чердак. Один из них тут же бежал на чердак, где были насыпаны три кучи песка, который Ада с Иваном заранее потихоньку натаскали. «Зажигалка» щипцами закидывалась в ближнюю кучу, а сверху обкладывалась заранее припасенными мешочками с песком. Потом утихшую «зажигалку» скидывали вниз, а прогоревшее место крыши латали, как могли.

Дом, в котором жили Иван и Ада, не прогорел, удалось спасти все квартиры, он остался целым до конца войны. К сожалению, не везде удавалось вовремя погасить «зажигалки», особенно пострадали деревянные дома. Их спасти было невозможно. Если возгорание случалось ночью, гибли люди, особенно старики и дети.

НЕОБЪЯСНИМОЕ

Ада во время блокады работала в Петроградском райфинотделе и курировала промышленность района и банно-прачечные комбинаты. Приходилось для проверки балансовых отчетов бывать на этих предприятиях с ревизией, а также проводить другие отдельные проверки. А блокада – это не только изоляция города, но и почти постоянные артобстрелы, авианалеты, бомбежки мощными фугасами, зажигательными бомбами и просто обломками рельсов и кусками острого железа.

И вот как-то Аду отправили на ревизию одного предприятия. Придя туда, она взяла в бухгалтерии нужные документы, расположилась в отведенном ей месте и начала проверку. Через некоторое время почувствовала, что находится в помещении больше не может, что она должна немедленно выйти... Причин такого состояния не было никаких, но Ада больше сидеть в конторе просто не могла, хотя до окончания проверки было еще далеко. Попросив девочек из бухгалтерии не убирать со стола документы, она сказала им, что сейчас вернется. Спустилась со второго этажа,

вышла наружу и, перейдя на другую сторону улицы, бесцельно пошла по ней. Пройдя не более ста метров, услышала, что объявили воздушную тревогу, и сразу же в небе увидела двуххвостый немецкий самолет-разведчик «Фокке-Вульф» Fw 189, который ленинградцы называли «рама». В уши ударил рокот бомбардировщиков. Ада сдвинуться с места не успела, как на ее глазах бомба угодила в то помещение, где она только что находилась. В одно мгновение большое четырехэтажное здание сложилось, как картонка, будто его и не было, осталась только гора щебня и пыль над ним. Все погибли. Когда, несмотря на ужас, к ней вернулась способность воспринимать окружающее, одна лишь мысль заслонила все: «Что это было? Что не давало мне дышать и буквально силой вытолкнуло на улицу. Чему я обязана? Что меня спасло и почему?»

К сожалению, под руинами того предприятия пропали некоторые личные документы Ады, среди которых была ее первая трудовая книжка со стажем к этому моменту в семь лет (она работала, учась на рабфаке и в институте). Восстановить книжку не удалось, здание архива, где хранились копии документов, сгорело еще раньше от попадания «зажигалки». При выходе на пенсию Аде не хватало этих семи лет, чтобы получить хотя бы среднюю пенсию.

ГОЛОД. СМЕРТЬ МАТЕРИ

В самом начале блокады 8 и 10 сентября 1941 года в результате массированных бомбардировок Ленинграда германской авиацией сгорели Бадаевские продовольственные склады. В результате город лишился части запасов хлеба, сахара и растительного масла. В том же сентябре фашистская авиация потопила около порта Осиновец несколько барж с зерном, которые пришли с Большой земли в помощь осажденному городу. Вскоре в Ленинграде прекратилась государственная торговля продуктами. Начался голод. Некоторые люди ходили к тому месту, где были Бадаевские склады, набирали промасленную землю с крупицами муки, сахара.

Ада работала, не пропуская ни одного дня. Письма с фронта от Заурбека приходили первое время нечасто и очень короткие – страничка-треугольничек, там же адрес и текст. Он был, слава богу, пока жив, их единственная надежда с матерью. Ада считалась служащей, мама, Анна Ивановна, – иждивенкой. В ту зиму

Надпись, наносившаяся в период блокады Ленинграда на стены многих зданий города

Вот так же, как и эта девушка, Ада отвезла свою мать на временное военное Каменноостровское кладбище

рабочие получали по карточкам 250 граммов хлеба, а служащие и иждивенцы по 125 граммов. Когда еще не лег снег, они пытались найти хоть какую-нибудь траву и ели ее, как козы, только чуть подсолив. Когда выпал снег, стало еще труднее. В тот год рано наступили холода.

В большинстве ленинградских квартир температура была такая же, как на улице, стекла в окнах были, скорее, редкостью из-за постоянных обстрелов и бомбардировок города. Поэтому они были либо заставлены чем-нибудь, либо заткнуты мягкими вещами, если таковые имелись. От холода это не спасало. Водопровод не работал, воду нужно было носить с Невы, набирая в прорубях.

Ада купила в шорной лавке две уздечки, распоролла, вытащила нитки, разрежала на кусочки, вымачивала несколько суток, потом варила до потери сознания и, наконец, пропустила через мясорубку. При варке 5-6 раз меняла воду и разливала по пластмассовым коробочкам по пол-литра. Такую коробочку она брала с собой в качестве завтрака, хотя проглотить это даже голодному человеку было очень трудно: пахло дубильными веществами, а также то ли мазутом, то ли керосином...

Мама Ады есть это не могла и совершенно ослабела. Однажды Аде приснился странный сон, который она рассказала матери. Видит Ада, будто стоит она во дворе их дома на светлой половине, а другая половина двора в тени. Во двор входит ее отец Василий, останавливается на половине двора в тени и, улыбаясь, подзывает рукой. Ада собирается побежать к нему, но он останавливает ее запрещающим жестом. Вдруг из-за спины Ады выходит мать и идет к отцу. Они обнялись и, улыбаясь друг другу, ушли. Услышав рассказанный дочерью сон, мать Ады, Анна Ивановна, помолчав, спокойно сказала: «Значит, дочка, ты переживешь войну, а я пойду к папе».

Так и случилось. В феврале 1942 года Анна Ивановна, показывая на край стены у потолка, к вечеру спросила Аду: «Кто это там?». «Ну что ты, мама, никого здесь нет», — как можно спокойнее ответила сжавшаяся от страха Ада. Позже мать, как будто немного приободрившись, попросила горячего чая (так ленинградцы называли кипяченую воду). Ада пошла за водой к Неве, а когда вернулась, застала мать уже мертвой. Анна Ивановна специально отослала дочь, чтобы та не видела, как ее мать умирает.

Ада была тогда беременна первенцем. Она вспоминала, что не плакала, делала все механически в каком-то отупелом, отстраненном состоянии. Голод отнимал все силы, их не хватало на эмоции, он иссушал душу.

Сняв мать с кровати, Ада, награв воду на железной печурке, обмыла ее, одела в чистое платье, зашила в шерстяное одеяло. Во дворе она нашла кусок доски, привязала покойницу к ней, вытащила на лестничную площадку и с третьего этажа их дома (ступенька за ступенькой) спустила ее вниз. Потом связала двое детских саночек, положила маму на них и отвезла на кладбище «Новая деревня» (временное военное Каменноостровское кладбище?), где в то время хоронили солдат, умерших в госпитале. Там она упростила военную похоронную команду похоронить мать вместе с бойцами в траншее, выкопанной бульдозером, поскольку выдолбить могилу самой было ей не под силу. Похоронная команда сжалась над Адой, но с одним условием. Вот почему на табличке этой общей могилы Анна Ивановна Чеснокова значилась как рядовой А. И. Чесноков (гражданских не разрешали хоронить вместе с военными).

Много позже, когда голод немного отступит и чуть прибавится сил, Ада возьмет первый раз в руки стакан настоящего чая и кусок настоящего хлеба, принесенные мужем. Тогда прольются ее первые горькие слезы о матери, которую мог спасти этот хлеб. Она тихо заплачет и долго не сможет его есть... Не сразу Ада привыкла не делить свой хлеб пополам: маме и себе.

Могилы матери Ады не сохранилась, поскольку была на одном из временных военных кладбищ Ленинграда, и в процессе восстановления города эти кладбища были закрыты и переустроены. (Ада же с Заурбеком в это время уже жили по месту его работы в Северной Осетии: сначала в Кадгароне, потом в Гизели, воспитывая двух маленьких сыновей).

СЛУЧАЙ ВО ВРЕМЯ БОМБЕЖКИ

Если дом был разбит при бомбардировке фугасом, то люди из близлежащих домов без всякой команды сами спешили к месту происшествия, чтобы разобрать завалы и спасти тех, кто, может быть, еще жив. Был случай, когда соседи разрушенного мощной бомбой пятиэтажного дома увидели лишь оставшийся от этого дома узкий угол, напоминавший стелу, острие которой обрывалось на пятом этаже. А на четвертом этаже, в самом углу этой «стелы», сохранился участок перекрытия-пола размером в квадратный метр. На этом пятачке, прижавшись в угол, стоял мужчина, пребывавший явно в шоковом состоянии. Все остальные

жильцы дома вместе с семьей этого мужчины были погребены в общей могиле под обломками. Несчастного каким-то образом сняла вызванная специальная служба, и его, скрюченного, синего, еле живого, увезли. Как позже выяснилось от самого пострадавшего, жена и мать его грелись, сидя на кухне рядом с буржуйкой, на которой готовился «чай» (кипяток). А мужчина в ожидании кипятка ходил по комнате, и, когда он дошел до угла, дом рухнул. Так и стоял он, единственный оставшийся в живых, забившись в угол.

ВСТРЕЧА С ОДНОКУРСНИЦЕЙ

Дружившие и учившиеся вместе молодые люди старались во время блокады в свободные минуты встречаться, разговаривать, поддерживать друг друга. Конечно, и для Ады были отдушиной такие встречи с друзьями юности, институтскими подругами и просто знакомыми. Однажды она повстречала свою однокурсницу Олю, которую давно потеряла из виду. Была осень, но день был теплый. Девушки обрадовались друг другу и присели пообщаться. Вспомнили многое, проговорили не меньше часа обо всем. В конце разговора Оля, напуганная вестями о тяжелой ситуации на фронтах, сказала Аде: «Говорят, что немцы расстреливают на месте членов партии, командиров и комсомольцев. Что же будет, если немцы войдут в Ленинград?! Страшно, очень. Давай спрячем, зароем наши комсомольские билеты, чтоб только мы знали, где они. Скажем, что в комсомоле не были».

Ада широко открытыми глазами неотрывно смотрела некоторое время на Олю, как будто заново узнавая ее. Потом она твердо сказала: «Я знаю, что буду делать, если они войдут... Я поднимусь на самый верх многоэтажного дома и, когда их колонна будет проходить по улице, кину сверху в них кирпич – хоть одного убью. А билет мой всегда будет у меня в нагрудном кармане. Ты поступай, как хочешь». И, приподнявшись, Ада бросила: «Заговорила я, домой мне надо».

ОДНАЖДЫ ПРИ АРТОБСТРЕЛЕ

Когда фронт вокруг Ленинграда стабилизировался, начались позиционные бои и подготовка с обеих сторон крупных военных

Один из артобстрелов Ленинграда. На переднем плане погибшие, на заднем запечатлен взрыв снаряда

операций для прорыва фронта. При этом город издали обстреливался дальнобойной тяжелой артиллерией, которая находилась на стационарных позициях. В результате снаряды от каждой пушки могли поражать объекты в городе вдоль определенных направлений в довольно узком угловом секторе обстрела. Поэтому на стенах домов часто можно было видеть плакаты «Эта сторона улицы опасна при артобстреле». Большинство людей привыкло и ориентировалось довольно быстро при оружейном обстреле. Но попадались и те, кто совершенно не контролировал себя в такой ситуации. Они при звуках канонады, свисте падающих снарядов и взрывах впадали в истерическое состояние, переставали что-либо понимать и бежали куда ноги несут. Однажды такое произошло на глазах Ады. Начался артобстрел того района, где она находилась. Завыла сирена воздушной тревоги, слышались близкие взрывы. Ада перешла на безопасную сторону и готова была броситься наземь при опасности близкого падения снаряда. И тут внимание ее и еще нескольких человек, шедших по улице, привлекла женщина средних лет, которая бежала, как безумная, как раз по опасной стороне улицы, жутко

крича от страха. И тут Ада поняла по свисту очередного снаряда, что тот упадет где-то близко, на той стороне улице, где бежала эта женщина. Решение было принято мгновенно. Увидев на той стороне улицы дверь парикмахерской с застекленной верхней половиной, Ада рванула навстречу «безумной» (это происходило в начале блокады, и силы у молодой женщины еще были). И в момент, когда та поравнялась с дверью парикмахерской, Ада добежала до нее, схватила в охапку, и они влетели в эту дверь, грохнувшись плашмя на пол. В это время метрах в тридцати-сорока прогремел взрыв, и веер осколков хлестнул по стенам, а несколько из них, разбив входную дверь парикмахерской, просвистели над лежащими на полу женщинами, обсыпав их стеклянной «крупой». Интересно, пережила ли спасенная женщина блокаду? Но в тот день Бог послал ей на пути Аду, и та осталась жива.

В детстве и отрочестве Аде неинтересны были девчачьи игры, она бегала с ватагой мальчишек, не уступая им в отчаянных поступках. Наверное, поэтому, став взрослой, во время опасности она делалась совершенно спокойной, сосредоточенной, откуда-то мгновенно возникало верное решение, и она без промедления его выполняла. Эта черта не раз выручала не только ее, но и окружающих людей.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ

От холода лопались трубы, вода заливала этажи, дома, целые улицы, мебель в домах, особенно на первых этажах, вмерзала в лед. В обеденный перерыв, после работы, а иногда во время работы снимали какой-нибудь из отделов на общественные работы по скалыванию льда, разборке разбомбленных домов, уборку завалов снега на улицах. Руководство Ленинграда вело огромную работу по спасению культурных сокровищ великого города. В частности, были специально созданы бригады из работников минкульты города, которые разрабатывали мероприятия по спасению уникальной архитектуры и памятников Ленинграда от бомбежек, организовывали людей и сами участвовали в работах. Конечно, в этом принимала участие масса добровольцев. Люди сами приходили, просто становились и работали, «обшивая» памятники досками, камуфлируя бесценные исторические и архитектурные шедевры.

Такая работа по уборке улиц Ленинграда работниками госучреждений и просто жителями города велась постоянно. И это, как ни странно, помогало выживать

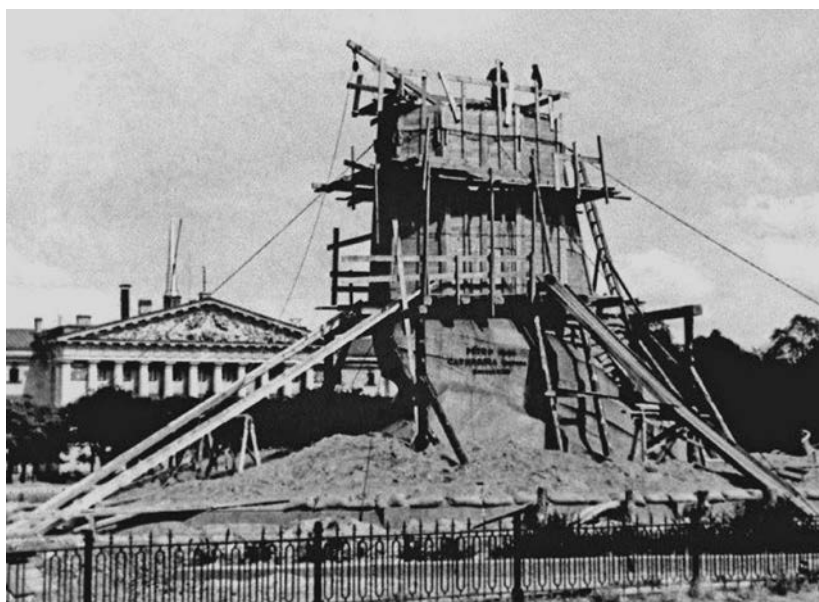
Разборка разрушенной части дома

Очистка улиц Ленинграда от льда

Транспортировка дирижабля

Маскировочное укрытие знаменитого памятника Петру I

После работы они ходили в госпитали, посещали раненых, стараясь хоть как-то облегчить их страдания. Помогали чем могли: писали письма, беседовали, просто слушали их рассказы, читали им книги, утешали, если у них что-то не ладилось с лечением, в семье или с дорогим человеком.

РАБОТА ПО ОПИСИ ИМУЩЕСТВА КВАРТИР

В райфинотделе был отдел госдоходов. Сотрудники этого отдела должны были ходить по квартирам и описывать имущество умерших людей. Это делалось для того, чтобы, когда вернутся с войны или из эвакуации близкие родственники почивших, они могли получить свое имущество в целости и сохранности. Однако наступило время, когда описывать имущество стало небезопасно. Об этом свидетельствуют два страшных случая, произошедших с Адой. Вот как она описывает случившееся:

«Однажды меня тоже привлекли к этой работе. Люди умирали, приходилось вскрывать квартиры. Иногда соседи сообщали, что в такой-то квартире умер жилец. Тогда мы должны были пойти туда, описать мебель, другое имущество и опечатать квартиру или комнаты умерших. Это делалось затем, чтобы потом, когда, возможно, кто-то из родных вернется с фронта в квартиру, передать им все имущество по описи...

Дверь в квартиру-коммуналку открыл сильно исхудавший человек со странно горящими глазами. Он показал комнату, где умерли хозяева. Мы составили опись и подошли к нему, чтобы он расписался, подтверждая, что все записано полностью. Дверь в коридор, где мужчина находился, была открыта. Он сидел на большом сундуке. Мы попросили его подойти и расписаться. Но он испуганно замахал руками, сказав, что, нет, нет, он не пойдет, он останется тут сидеть. Нас это насторожило, вызвали милиционера, сняли его с сундука. В сундуке находился разрубленный труп человека. С подобным случаем мне довелось столкнуться еще один раз.

Это было возле трамвайного парка на Петроградской стороне. Там стоял дом типа общежития с длинным коридором, в обоих концах которого находились общие кухни, а вдоль коридора располагались двери квартир, каждая с двумя жилыми комнатами. Мы пришли в одну из этих квартир. Там на кровати лежала пожилая женщина. Тут же на керосинке варилось что-то мясное, запах

которого мы уже и не помнили. Мы сделали все, что от нас требовалось, но обратили внимание, что простынь на кровати, где лежала женщина, спущена до пола. Все это почему-то очень нас напугало, но, стараясь не выдать свой страх, мы поспешили побыстрее уйти. Но тут женщина предложила нам поесть. Мы, трое женщин, ужасно напряглись, но, как могли, спокойно отказались, говоря, что сейчас не то время, чтобы угощать кого-либо. А сами боком, боком, за дверь, быстро к лестнице и бегом на улицу. Добежав до милиционера, сообщили ему о наших подозрениях. Действительно, под кроватью лежал мальчик без ягодицы. Слава богу, больше мы такого не встречали».

Окончание следует.

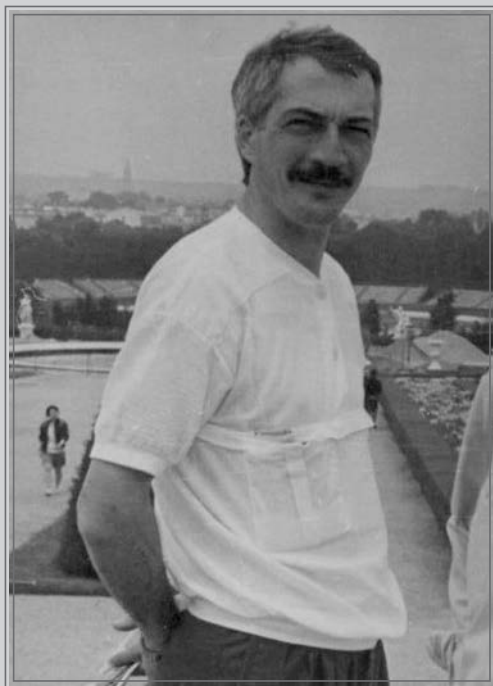

Тамерлан САЛБИЕВ

К 70-летию со дня рождения Вилена Уарзиати

**«Ушел собирать
этнографический
материал...»**

ОЧЕРК

Вилен Уарзиати

ОТ МИФА К РЕЛИГИИ

Если мы соглашаемся признавать троичность в качестве конститутивного признака *Уастырджи / Уасгерги* как мифологического образа, то дальнейший ход наших рассуждений с неизбежностью предполагает выяснение того, как происходит его переход от мифа к религии. Следует заметить, что многие мифологические персонажи, например, герои осетинского эпоса о нартах вовсе не в обязательном порядке становятся объектами поклонения, то есть культа, религии. Напротив, известны лишь единичные подобные случаи, являющиеся, скорее, редкими исключениями, каждое из которых следует рассматривать как особый случай. Типовой же путь, которым движутся герои от мифа к религии, также известен: через участие в космогенезе, то есть происхождении мироздания. Однако для этого требуется не простая соотнесенность с устройством космоса, а непосредственное участие в его развертывании и неизбежной гибели как завершающей фазе, готовящей начало нового цикла. В конечном же счете следует установить его отношение к Создателю, занимающему центральное место в осетинской религиозной традиции. Напомню, что один из устойчивых эпитетов Всевышнего у осетин «*Дунескæнæг*» («Мир создавший»). И здесь нам вновь придется вспомнить про три ребра.

Окончание. Начало см. «Дарьял» 6'2022.

Осетинский традиционный жертвенный столик (*фынг*) и кресло старейшины дома (*къæлæтджын бандон*), XIX в.

Но прежде небольшое отступление. В осетиноведении было сделано несколько попыток описания космогенеза, или мифа первотворения. Главное отличие подхода к этой проблеме, предложенного Виленом Уарзиати, заключается в выборе объекта изучения. Вместо привычной опоры на нарративные тексты, представляющие осетинскую устную традицию, я предлагаю исходить из обряда, поскольку он единственный не только наделен в традиции свойством сакральности, но и обладает ею в максимальной степени. Поэтому вполне закономерно, что акт творения был надежно реконструирован именно в основе обряда освящения жертвенной пищи, о котором я уже упоминал. Три ребра относятся к ритуально значимым частям жертвенного животного. Их отличие от прочих частей туши, служащих всего лишь едой, состоит в том, что в некие значимые моменты ритуала с ними производят определенные манипуляции. Кроме того, есть и другая примета: к ним не прикасаются руками, обычно их либо кладут на стол – алтарь, либо надевают на деревянный вертел, обычно из березового прута.

Вновь замечу, что разделка жертвенного животного на части означает в мифологическом смысле дезинтеграцию мироздания на составные элементы, с тем чтобы во время обряда заново восстановить существующий миропорядок, но уже не в анатомическом,

Открытие обрядового моления (*куывд*) у башни Байматовых, селение Даргавс. Фото начала XX в.

а в социальном аспекте, через участников обряда, образующих в своей совокупности тело единого социального организма. При этом для понимания этого перехода от анатомии к обществу и вселенной фундаментальный характер носит существующее в мифологии хорошо известное правило изоморфизма макро-, мезо- и микрокосма. Оно предполагает структурное тождество мироздания, общества и человека или животного. Иначе говоря, анатомическое устройство жертвы соответствует по своей структуре представлению об устройстве мироздания и общества, из чего следует, что различные ее части могут быть соотнесены с их составными частями. В основе предлагаемой интерпретации лежит известный в мифологии изоморфизм микро-, мезо- и макрокосма. Задача, таким образом, заключается в том, чтобы одномоментному акту придать характер развернутого в пространстве и времени сюжета с неким заданным составом участников.

А теперь, чтобы продвигаться дальше, нужно опять вспомнить, что в этнологии установлено, что всякий обряд возвращает в начальные времена первотворения и служит своеобразной инсценировкой произошедших тогда событий. Из этого следует, что участники обряда, воспроизводя его церемониал и порядок действий, усвоенный ими путем непосредственного участия и повторения увиденного, оказываются невольными и бессознательными

исполнителями определенных ритуальных ролей. Именно участникам обряда следует отвести решающую роль в реконструкции сценария космогенеза осетинской традиции. Дело в том, что именно ими произносятся молитвословия, используются атрибуты обряда, совершаются определенные ритуальные действия. При этом все присутствующие во время исполнения обряда, будучи полноправными его участниками, все же делятся на несколько категорий, которые четко обозначены иерархически. Можно указать на следующие основные группы: первая – трое старших, вторая – трое младших, третья – прочие участники, разместившиеся за столом, четвертая – обслуживающий персонал. Основные участники – трое старших, с которых и начнем. Необходимо принять во внимание критерии их отбора, права и обязанности, полномочия, используемые ими атрибуты и содержание произносимых ими молитвословий. Наконец, обряд имеет свои пространственные и временные параметры, с которыми его участники также непосредственно связаны по месту и старшинству. С учетом всего вышеизложенного представляется возможным достаточно надежно восстановить полный космогонический цикл, лежащий в основе осетинской религиозно-мифологической традиции, и тем самым определить место, занимаемое в нем главным героем разбираемого мною праздника.

УЧАСТНИКИ КОСМОГОНИЧЕСКОГО ЦИКЛА

Нынешний праздник может быть по праву отнесен к разряду великих, поскольку его празднование длится не менее недели, а в прошлом, что весьма вероятно, охватывало целый месяц. Началом ему служил вечер воскресенья, поскольку у осетин именно вечер является началом новых суток. Иначе говоря, вечер воскресенья в традиции относят уже к следующему дню, то есть понедельнику, с которого и берет свое начало новая неделя. Эта временная приуроченность праздника, его жесткая привязка к временным циклам, годовому, суточному и недельному, вполне обоснована, поскольку служит средством не только актуализации космогенеза, но и его экспликации через состав участников обрядового моления. Замечу, что вовсе не случайно помимо сугубо светского, бытового наименования дней недели существует также и их божественное перечисление. Если теперь допустить, что неделя в развернутом виде излагает миф первотворения, то его содержание, выражаемое через святых покровителей

Осетинский обрядовый пир

каждого из ее дней, может быть организовано в несомненный космогонический цикл.

Примечательно, что *Хуыцау-бон* – воскресенье, буквально «Божий день», занимает в недельном цикле обособленное место. Это день, когда возникает сама идея, замысел создания Вселенной, он воплощает идеальное представление о творении. Именно *хуыцаубон* считался наиболее благоприятным для различного рода празднеств. В этот день каждой семьей обязательно пекутся и освящаются три пирога, отмечались праздники, свадьбы. По сути, это сакральный центр духовной жизни осетин. Последующий же недельный цикл – материальное воплощение идеи Творца, но уже руками Им же Самим созданных небесных духов и сил (*зæдтæ æмæ дауджытæ*). В начале обрядового моления, когда трое старших освящают жертвенную пищу, Всевышнего еще нет среди участников. Об этом свидетельствуют три ритуальных пирога, смещенных относительно своей центральной оси. Это образ скатывания к хаосу: изогнутая, искривленная вертикальная ось, препятствующая общению с Небом. Обнажив головы в знак особого к Нему почтения, они призывают Его почтить своим присутствием проводимое ими моление. Знаменательно, что лишь первый старший может дать команду к их смещению, поскольку изначально они стоят в правильной стопке. И делает он это непосредственно перед тем, как начать посвятельную молитву, чтобы предельно сократить продолжительность этого момента

энтропии и вместе с тем ослабить его обращением за помощью к Создателю.

Первый день недели, понедельник – день *Уаццлла / Елуа*. Это – небесный дух, ведающий громом и молнией, воплощенная грозовая водная стихия. Лишенная формы и структуры изначальная водная субстанция начинает приобретать порядок. Наступает первый этап космогенеза. Молния обозначает вертикальную составляющую и разделяет: верх (тучи) / низ (океан). Проблески молнии также освещают пространство, а гром наполняет его звуком. С этим святым также связано представление о мировой горе, *Тбау-хох*, где расположено его главное святилище. Мировая гора выступает в роли распорки между Небом и Землей, подпирющей небеса и препятствующей их падению вниз. В этом образе выступает первый старший, поскольку при его отборе исходят главным образом из его знания церемониала и личного авторитета в обществе. Ему же достается *базыг* (лопатка с предплечьем, крыло), соотносимая с Небом и с сословием священнослужителей. Чаша с пивом, ферментированным по своей природе напитком, символизирует мировой океан, который следует привести к надлежащему порядку. Тучи, то есть небесные реки, станут пресными, а воды земные, минеральные источники и моря, останутся солоноватыми, не утрачивая связь с изначальными мировыми водами.

Второй день недели – *Уастырджийы-бон*. *Уастырджи / Уасгерги* представляется покровителем мужчин, всадником на чудесном белом коне. Он – солярный герой. Он создает между верхней и нижней зонами мироздания, тучами и океаном, средний мир – мир людей. Он же – первый человек, он — существо двойной природы: земной и божественной, сын Неба и Земли / Океана. Он же создает и социальный порядок. Четыре стороны света, обозначаемые в горизонтальной проекции, следует соот-

1. Обряд Цоппай, исполняемый вокруг убитого молнией.
Худ. Махарбек Туганов.
2. Покровитель путников. Худ. Инал Джуссове.
3. Бэсты Мад. Скульптор Сосланбек Едзиев

носить с четырьмя фазами солнца: восход, зенит, закат и ночь, пребывание Солнца на том свете. Покровитель путников и воинов. В этой роли выступает второй старший, право стать которым обычно предоставляется самому уважаемому и авторитетному из гостей. Три ребра, соотносимые со средней зоной мироздания и сословием воинов, достаются второму старшему. Его место по правую руку от старшего, это направление в традиции маркируется как *мужское* и *благостное*.

Среда – *Бынатыхицауы-бон. Бынатыхицау / Бундор* – властитель, господин места, жилья. О нем известно, что он может принимать различный облик: представляться мальчиком, уродливой женщиной с клыками, белым барашком и т. п., но видеть его могут только знахари в ночь под Новый год. Его покровительство испрашивается при свадебном обряде невесты, которая, уходя из дома, переходит к покровительству домового семьи своего мужа и тем самым может разгневать патрона родительского дома. *Бынатыхицау* ближе других духов к женщинам, как это видно из того, что им не запрещено произносить его имя, между тем как всех остальных духов они должны называть не их настоящими именами, а условными, описательными. В традиционном жилище местом обитания патрона жилья определен либо приочажный камень (*кьона*), либо кладовая (*кьæбиц*). С ним связано создание жилища с очагом, возникновение отдельной большой, то есть патриархальной семьи – *бинонтæ*. Он же, покровитель общинников, земледельцев и скотоводов, производителей материальных благ, завершает трехчастную вертикальную ось. Обычно третьим старшим бывает глава принимающей стороны, хозяин дома (*фысым*). Достающийся ему шашлык из внутренностей, наделенный вегетативными функциями, указывает на покровительствуемое им. Его место по левую руку от старшего, это направление в традиции отмечается как *женское* и *менее благостное*.

В результате посвятельной молитвы трех старших собравшиеся и в их лице весь социум обретают царя, который, согласно индоиранской религиозно-мифологической традиции, воплощает в себе весь космос и все общество. Царем становится тот, кто сядет в кресло, выступающее в качестве его трона. Ему же достаются те части жертвенного животного, которые уже расположены на столе, это атрибуты, выполняющие роль своеобразных инсигний, особых знаков его верховной власти. Считается проявлением невоспитанности и дурного тона предлагать старшему отведать что-либо из находящегося на столе. Теперь понятно, на чем основан подобный запрет: он обладает приоритетным

правом на все, что находится перед ним. На его ведущую роль как первосвященника указывает обладание головой жертвенного животного. Особого упоминания заслуживает то, что ближе к концу обряда младшие возвращают старшему лопатку жертвенного животного, но уже чистую, освобожденную от мяса. Он берет ее в руки и, внимательно вглядываясь в ее очертания и расположенные на ней пятна и изгибы, объявляет, какое будущее ожидает общество. Так сводятся вместе прошлое, воплощенное в старшем, и грядущее, олицетворением которого выступает молодежь. Будущее постигается при обращении в прошлое. Воинский аспект образа старшего находит воплощение в его праве на *шею* (*бæрзæй*), а связь с общинниками находит выражается через курдюк (*чъапæ*, *фæхсын*), который также располагается на столе. Только по его распоряжению уже ближе к концу обряда правое ухо головы жертвенного животного будет отправлено младшим. Царь таким образом делит свои владения между тремя сыновьями, точно как в скифской традиции делал, согласно Геродоту, Таргитай.

Теперь переходим от вертикальной плоскости к горизонтальной, к трем младшим, занимающим конец праздничного стола и представляющим собой зеркальное отражение трех старших. С ними могут быть соотнесены следующие дни недели.

Мыкалгабырты (*Микалгабурти*)-*бон* – четверг. В этот день отмечали праздник *Мыкалгабыртæ*, являющийся царским культом рода *Цæразонтæ*. Пара *Мыкал* и *Габыр* открывает горизонтальную проекцию космологической модели *востока* и *запада*, разграничивает *тот* (потусторонний) и *этот* миры, разделяет Космос на *культуру* и *природу*. *Мыкал* и *Габыр* (близнечный мотив) стоят на страже рубежей культурного мира, на границе с хтоникой, откуда явствует все материальное благополучие. Таких стражей сторон света еще называют локопалами. В этот день могли отмечаться праздники и прочих святых, а также происходило поминание предков.

А дальше — пятница, *Майрæм-бон*. Топографическое расположение на границе культурного мира, поселения. Женщинам в этот день нельзя заниматься домашними делами. Им предписан полный отдых, чтобы обеспечить воспроизводство человеческого рода. Известны любопытные этнографические описания, связанные с этим образом. Так, нередко большой камень около селений носил название «*Мад Майрæм*», и к нему водили молодую при брачном обряде. Приближаясь к священному камню, мальчики бросали в него камнями и пулями, восклицая при этом: «Вот

Открытие общественных танцев (*хъаст*) у Башни Мамсуровых на площади сельских собраний (*ныхас*) в с. Даргавс. Фото начала XX в.

столько мальчиков (сколько камней или пуль) и одну синеокую девочку подай, Майрам, нашей доброй невестке!». Женщинам было запрещено исполнять даже самую легкую работу по дому, в том числе и шить. В этом запрете можно видеть стремление обеспечить наиболее благоприятные условия для зачатия потомства и подготовку к приему супруга ночью.

Покровителем субботы вполне мог быть *Тутыр*. В пользу подобного предположения свидетельствует в том числе и то важное место, которое отводится этому святому в осетинской календарной обрядности. В этот день оказывалась общественная помощь (*зиу*) и проводились годовые поминки. Он символизировал в традиционном сознании истощение мира, приближение к его концу и одновременно к началу нового цикла: двойственность, объединяющая полюса; разрушение мира в результате мирового пожара, возвращающего его в исходное влажное состояние. Это самый младший, сидящий в самом конце стола. Его главная задача – оповещать старшего о том, что его тост достиг и его. Обычно произносится фраза: «*Сидт кæронмæ бахæццæ ис! / Тост дошел до конца!*»

Итак, миф первотворения, актуализируемый обрядом, может быть схематично развернут в следующую последовательность.

Замысел творения как идея, исходящая от Создателя. Воплощение творения путем придания структуры водной стихии, мировым водам. Вода по своим свойствам наиболее близка к представлению об отсутствии формы, аморфности. Орудием творения, преобразующим водяную «протоплазму», выступает огонь. Первым в дело вступает громовержец – *Уацлла / Елиа*. Он отделяет воды небесные (тучи) от вод земных (океан). Он творит с помощью молнии (мировой столп). Следом создание суши, вторая космическая зона. Солнце. *Уастырджи / Усгерги*. Затем патриархальная семья, создаваемая вокруг очага. *Бынаыхицау / Бундор*. Так возникают три космические вертикальные зоны, соотносенные с тремя огнями: небесным (молния), земным (солнце) и подземным (очаг). В горизонтальной проекции на рубеже между миром людей и природой четыре стража, охранители и податели духовных и материальных благ, маркирующие собой стороны света. *Мыкалгабыртæ / Микалгабуртæ* занимают рубежи на востоке и западе. Для близнеца пары часто характерно выяснение первородства, старшинства. Как видим в обряде, деление старшие / младшие проходит по оси восток / запад. На востоке – *Мыкал*, на западе – *Габыр*, на севере – *Мады Майрæм*. (Родительский дом для вышедшей замуж девушки по-осетински так и называется «*цæггат*» – «север»). На юге же – *Тутыр*, мировой пожар, подготовка к новому творению, день поминовения мертвых, общественные помочи как форма участия человека в удержании социума от скатывания в изначальное бесформенное состояние хаоса.

Этот же состав действующих лиц, обеспечивающих космогенез, ясно просматривается в числе участников обрядового моления. Насколько части жертвенного животного соотносимы с представлением об устройстве мироздания, настолько же они повторяют и устройство общества. Обрядовое моление завершалось общественными танцами, где, судя по всему, те же мифологические участники космогенеза получали хореографическое воплощение в образах и сюжетах народных танцев. Таким образом в наглядной и доходчивой форме содержание базового мифа воспроизводилось в массовом и эмоционально отмеченном виде.

ОБРАЗ И ЕГО ИМЯ

Каждый раз во время этого праздника я вспоминаю и Василия Ивановича Абаева. На одном из занятий нашего древнеперсидского семинара он рассказал нам историю, которая произошла с

ним на Международном конгрессе востоковедов, проходившем в Москве в 1960 году. Он выступал там с докладом, посвященным дохристианской религии алан, и не смог уложиться в отведенное для всех докладчиков время. Когда председательствующим ему было указано на то, что пора закругляться, стало ясно, что ему требуется еще дополнительное время. Тут он решил проявить смекалку и в ответ на замечание заявил, что в Осетии в том случае, когда мужчина попадает в затруднительное положение, он обращается за помощью к покровителю путников и воинов Уастырджи. «И я тогда, как и следовало, – добавил он, – произнес: «*Йе, Уастырджи, ахъазгæнæг у!* / О, Уастырджи, приди на помощь!». И больше никто из присутствующих о регламенте не вспоминал, так что ему удалось благополучно и в полном объеме довести до присутствующих содержание своего доклада.

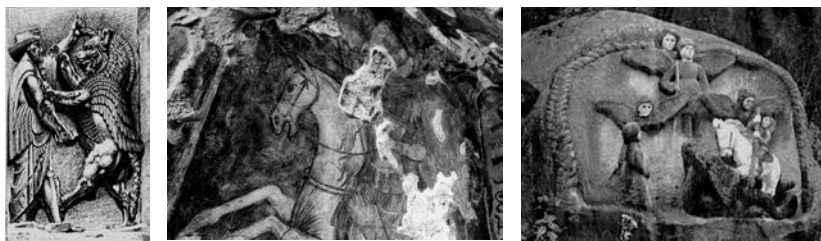
Таково бытующее и по сей день среди осетин представление о силе воздействия этого образа, одного упоминания которого в некоторых случаях оказывается достаточно, чтобы спасти положение. И тот главный вопрос относительно его имени, вокруг которого до сих пор не утихают споры, может быть правильно решен лишь с учетом духа и буквы посвященного ему культа. Думаю, что решение не может быть сугубо рациональным, оно не может быть найдено, если не заручиться поддержкой того, чей образ является объектом научного изучения. Лучший способ приобщиться к нему через посвященные ему празднества, открывая при этом не только свой ум, но и сердце.

Для меня самого именно в течение этой праздничной недели стало ясно то, что прежде было скрыто пеленой неведения: ключом к пониманию образа *Уастырджи* / *Уасгерги* являются три ритуальных ребра из правого бока жертвенного животного, поскольку они фактически выступают в качестве символа праздника. Неслучайно именно они оказываются в первую очередь на слуху во время его празднеств. Эти три ребра ясно указывают на известный в мифологии мотив троичности, повторяющийся помимо названного атрибута также и в трехногости его чудесного коня – Афсурга. В итоге можно предполагать генетическое тождество этого осетинского религиозно-мифологического образа с такими известными персонажами индоиранской религиозно-мифологической традиции, как скифский Таргитай, древнеперсидский Траэтона, древнеиндийский Тритья и пр.

Эта версия получает существенное подтверждение еще в одном элементе праздничных мероприятий, который пока еще не получил должной оценки, хотя играет весьма важную роль для

понимания не только происхождения образа, но также его исторической эволюции и обстоятельств обретения им того имени, под которым он нам известен: *Уас-Тырджи / Уас-Герги*. Дело в том, что для недельных торжеств в его честь характерно обязательное заклание быка, которое проводится в воскресенье вечером (*галæргæвдæн*), являющееся для традиции, как я уже отмечал, началом понедельника, открывающего недельные празднования. Само по себе подобное заклание хорошо известно традиции, и в нем бы не было ничего особо примечательного, если бы не отведенное для него время – вечер (*изæр*). Это единственный известный мне случай, когда традиция санкционирует приуроченность некоего обряда к вечернему периоду суточного цикла. Во всех прочих случаях подобный обряд принято проводить только в первой половине дня.

Исходя из этого, не составит труда построить наши дальнейшие рассуждения. В мифологии бык связан с мировыми водами, поскольку известна его любовь к водной стихии, и с луной, серп которой воспроизводят его рога. Здесь следует принять во внимание следующее обстоятельство. Известно, что традиция не исключает привлечение для исполнения обряда ничего из того, что прошло предварительную культурную обработку, так, в обряде не может использоваться сырая пища или мясо диких животных. В связи с этим в обряде вечернего заклания быка можно видеть инсценировку известного в авестийской традиции поединка Тразтаоны с чудовищем Ажи-Дахаком, выступающим олицетворением лжи, уродства, тьмы, холода, старости и прочих бед, с которыми сталкивается лицом к лицу все общество, культурным заместителем которого выступает бык. В. Н. Топоров, один из крупнейших

1. Древнеперсидский царь (вероятно, Ксеркс или Артаксеркс) повергает чудовище, воплощающее хаос и ложь. *Настенное изображение, Персеполис.*
2. «Чудо Св. Георгия». *Фреска из средневекового Нузальского храма. Северная Осетия, XIV в.*
3. Барельеф Сосланбека Едзиева на камне со следами от удара меча Уастырджи. *Северная Осетия, с. Синдикау*

Уастырджи. Коллаж, сделанный на основе картины Юрия Дзантиева и Эльбруса Саккаева

знатоков индоевропейской мифологии, считал мотив поединка героя с чудовищем базовым, или основным. Более того, он полагал, что фраза «герой побеждает чудовище» могла быть исходной для развития в том числе и всей устно-эпической традиции индоевропейцев. В качестве иллюстрации этого мифа и в подтверждение его удивительной исторической живучести можно

привести испанскую корриду, в основе которой он достаточно ясно распознается.

Теперь становится понятно произошедшее в Средние века замещение одного имени другим. Действительно, В. И. Абаевым уже давно с опорой на Вс. Ф. Миллера было предложено связывать образ осетинского *Уастырджи* / *Уасгерги* с раннехристианским мучеником за веру Святым Георгием. Решающее значение для подобного сопоставления приобретает его имя, исходной формой для которого служит при этом дигорская диалектная версия «*Уасгерги*», которая восходит к тому же источнику, что и мегрельский «*Gerge*» («Св. Георгий»), и сванский «*Gërgi*» («Георгий»). Сюда же примыкает абхазское имя громового божества «*Ajergi*». Иронская же форма *Уас-тырджи*, как полагал В. И. Абаев, происходит из *Уас-джырджи*, которая возникает вполне закономерно в результате утраты сибилляции одной из двух аффрикат после глухого с-. Приведенное объяснение может быть дополнено указанием на имевшую место палатализацию, которая привела к возникновению аффрикат, первая из которых претерпела оглушение, последовавшее за опрощением ее. Связь с абхазской, мегрельской и сванской формами указывает на путь его проникновения к аланам через Лазуку, территорию современной Абхазии, бывшую одним из центров распространения христианства на Кавказе в раннесредневековый период. В отличие от современного состояния в раннем средневековье все названные народы непосредственно контактировали друг с другом. Приведенная трактовка, несмотря на спорадически предпринимаемые попытки ее пересмотра, представляется наиболее убедительной из всех существующих.

При взаимодействии с христианством аланская традиция, как и их потомки осетины сегодня, решала задачу глобализации и модернизации. Вхождение в византийское цивилизационное пространство позволяло ей синхронизировать уровень культурно-исторического развития своего общества с общемировыми процессами. В числе прочих аспектов этого взаимодействия был и духовный, предполагавший гармонизацию собственной самобытной этнокультурной традиции с универсальной мировой, представленной христианством. Для своего ключевого культового персонажа в христианстве аланами был подобран двойник, что вместе с тем служило дополнительным подтверждением возможности успешного взаимодействия с Византией периода правления Юстиниана. В этой роли выступил раннехристианский мученик, к тому времени уже причисленный к лику святых. Так для уже существующего в аланской традиции персонажа с ясным религиозно-мифологическим амплуа был определен религиозно-исторический аналог. К числу важнейших параметров схождения двух персонажей я бы отнес в первую очередь его двойственную природу, предполагающую совмещение двух взаимоисключающих начал: земного / человеческого и небесного / божественного. Далее следует указать на сюжет поединка с чудовищем, хорошо известный христианской апокрифической традиции, и его несомненную связь с воинским сословием. Отсюда его роль посредника между космическими зонами, роль устроителя природного и социального космоса. При этом Святой Георгий был лишен необходимого мотива троичности, что удалось компенсировать с помощью чудесного трехногого коня, на которого он был посажен. Для еще большей убедительности его адаптация сопровождалась переодеванием в белую бурку и вручением ему в качестве характерного атрибута чудесной войлочной плети (*нымæтын ехс*).

Таким образом, переход произошел лишь в лингвистической области. Эта смена имени не только обеспечила преемственность, но фактически привела к сохранению самого архаического образа и его солярного культа, хотя бы и с потерями, но все же благополучно дошедшего до сегодняшнего дня.

ПРИУРОЧЕННОСТЬ ПРАЗДНИКА

Обычно при подготовке к празднику в центре внимания оказывается вопрос о том, последней или предпоследней неделе ноября отдать предпочтение при выборе даты. Между тем речь,

скорее, должна идти о его приуроченности, то есть выяснении того, почему он должен отмечаться именно в то или иное время. Имя главного героя праздника, а также его устойчивая соотнесенность со второй половиной ноября не оставляют сомнений в том, что дата праздника обусловлена его привязкой к отмечаемому в последнюю неделю осени православной церковью мученичеству Святого Георгия. Поскольку и сам герой религиозно-исторический, постольку и дата его праздника должна была носить конкретный исторический характер. Она известна, это вторник последней недели ноября. Эта дата и служит точкой привязки. Однако следует отдавать себе отчет в том, что в рамках осетинской религиозно-мифологической традиции датировка мученичества, как и сам повод, были переосмыслены. При этом для их адаптации ключевую роль приобрела, по-видимому, изначально существовавшая соотнесенность устроителя природного и социального космоса с солярным мифом, связанным, например, с именем скифского Таргитая. Основой для подобного отождествления двух персонажей стал образ колеса, хорошо известный в мировой мифологии в качестве солярного символа. Этот религиозно-исторический аспект праздника оказался преобладающим по отношению к религиозно-мифологическому даже после того, как была утрачена связь с православной традицией. Таким образом, космологическая привязка к годовому циклу не стала определяющей. В противном случае праздник *Уастырдж* / *Уасгерги* был бы сдвинут непосредственно к Рождеству, когда, образно выражаясь, солнце умирает. Но этого не могло произойти, поскольку в этом случае

Мученичество Св. Георгия. Колесование. Фреска. Сербия, Дечаны. XIV в.

была бы неизбежна смена главного героя. В результате был достигнут требуемый компромисс между своей этнокультурной самобытной традицией и традицией универсальной, имеющей глобальное распространение.

Вот здесь и возникает главная сложность, поскольку следует аккуратно свести воедино два начала, представляющиеся на первый взгляд взаимоисключающими и разнородными. Иначе говоря, христианство должно дать исторический ключ к решению мифологических проблем осетинской духовной традиции. Но и эта проблема имеет свое решение. То, что нам нередко в силу узости нашего мышления представляется несовместимым, на самом деле может и не быть таковым. Что общего между кругом и треугольником, могут ли они быть соположимы, приведены к общему знаменателю? Могут, если отказаться от их плоскостного рассмотрения и перейти к объемным фигурам. По сути, это всего лишь две проекции конуса на плоскость: вид сверху – круг, вид сбоку – треугольник, а вместе, приобретая объем, они образуют единую в своей полноте объемную фигуру. Так, по-видимому, происходит и в данном случае.

В завершение нельзя не отдать должное широте мышления наших предков, их мудрости и дальновидности, их способности с достоинством выходить из самых сложных ситуаций, давая адекватные ответы на вызовы своего времени. Следует полагать, что именно по этой причине в унаследованной нами от них духовной традиции *Уастырдж* / *Уасгерги* называют «*Æргом дзуар*» («Открытый святой»), подразумевая под этим то, что он нередко, хотя и в разных обличьях, но все же является людям, не оставляя их своей заботой. Религиозное сознание в отличие от материалистического вполне допускает, что он, подобно солнцу, являл себя в различные исторические периоды и разным народам в том случае, если они сохраняли веру в чудо, а не пытались все, подобно пушкинскому Сольери, «поверить алгеброй гармонию». Теперь наша очередь выбрать такой путь, чтобы и нас он не обошел своим покровительством.

ОСЕТИНСКОЕ ДВУХГОЛОСИЕ

Вилен был прекрасным рассказчиком. Одна из таких историй отложилась в моей памяти, потому что оказалась созвучна моему собственному опыту. Я заметил, что люди, которые ежедневно и к тому же на протяжении достаточно долгого периода времени при-

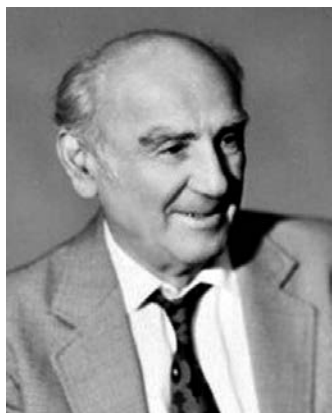
сутствуют в нашей жизни, начинают невольно казаться нам похожими на нас самих. Ведь само их пребывание в непосредственной близости представляется нам не случайным стечением обстоятельств, а неким закономерным следствием нашей, если не одинаковости, то уж, по крайней мере, определенной схожести. Однако мы не можем вечно пребывать в подобном заблуждении, поскольку люди все-таки внутренне очень разные. Рано или поздно возникает ситуация, которая все проявляет в истинном свете, и пропасть, разверстывающаяся в этот момент под ногами, вдруг пугает своей бездонной глубиной и очевидной невозможностью ее преодоления. Приведу пример, который всякий раз приходит мне на ум в подобных ситуациях, которые с годами, признаюсь, случаются все чаще.

Итак, в начале 90-х годов прошлого века я непродолжительное время работал сотрудником в местном научно-исследовательском институте, где тогда же работал и Вилен. Помимо всего прочего я вынес из этого опыта и продолжаю с тех пор бережно хранить несколько удивительных по своей внутренней драматургии, весьма поучительных и к тому же забавных историй, рассказанных им. Героем одной из них был Дудар Соломонович Хаханов – один из крупнейших осетинских композиторов, автор многочисленных опер, кантат, балетов и пр. В его биографии отмечается, что с 1975 по 1988 годы он был старшим научным сотрудником Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики, того самого, куда позже попал и я. Его самого я уже не застал, но услышал передававшуюся из уст в уста следующую байку.

Главным направлением его научной деятельности было изучение осетинского музыкального фольклора, служившего для него важным источником творческого вдохновения. К тому времени он уже имел и соответствующую научную степень. На одном из заседаний ученого совета института он выступал с докладом, в котором излагал результаты своих наблюдений и в числе прочего заметил, что одной из характерных особенностей осетинского народного мелоса следует считать всем хорошо известное двухголосое пение. Оказалось, что именно эта подробность привлекла к себе внимание одного из членов ученого совета. Тот работал в отделе экономики, куда попал уже в зрелые годы после того, как вышел на пенсию, если не ошибаюсь, с должности начальника планового отдела одного из крупных промышленных предприятий республики. После завершения доклада, когда перешли к его обсуждению, он решил прояснить для себя положение, которое

представлялось ему не вполне самоочевидным. В мою бытность он продолжал еще работать в институте и потому я знаю, что он был человеком, безусловно, достойным и уважаемым, он был очень сдержан в проявлении своих эмоций, а в его движениях сквозили степенность и достоинство. Я даже думаю, что он был человеком доброжелательным, что было в целом характерно для представителей его поколения.

Он обратился к докладчику с одним единственным вопросом: во всех ли случаях можно говорить о двухголосии или же это в обязательном порядке предполагает состав, ограничивающийся именно двумя участниками? Последовавший ответ его разочаровал, поскольку было сказано, что независимо от количества исполнителей осетинское народное хоровое пение должно быть определено именно как двухголосие. Для человека, всю жизнь привыкшего иметь дело с цифрами, подобное упорство казалось сумасбродством. Он решил сделать свой вопрос более наглядным, чтобы разъяснить недоразумение, в том числе и для товарищей по ученому совету. «Ну а допустим, если станем петь не только мы с тобой, Дудар, вдвоем, а к нам присоединится кто-то еще?» – тут он назвал по имени сидевшего рядом. «А как быть тогда?» – поинтересовался он, уверенный в своей безоговорочной правоте. Последовал прежний ответ. Тогда он провел своеобразную переключку, перечисляя поочередно всех, кто присутствовал на заседании, и повторяя свой вопрос. Всякий раз следовал тот же ответ: «Все равно двухголосие!» – продолжал настаивать на своем уже растерявший последние остатки терпения Дудар Хаханов. Когда сослаться было уже не на кого, смущенный и

Дудар Хаханов

раздосадованный нежеланием присутствующих разделить его очевидную правоту он сел, а композитор, говорят, еще некоторое время продолжал по инерции повторять: «Все равно двухголосие, все равно!».

Приведенный пример, как мне кажется, служит убедительной иллюстрацией тому очевидному обстоятельству, что мы слышим по-разному, потому что используем для этого не уши, а голову, точнее те представления, которые в ней уже успели прочно укорениться. Новые идеи неизбежно пугают нас своей непредсказуемостью

Мужской хор героической песни

и необходимостью пересмотра того, что уже успело свить себе уютное гнездышко в нашем сером веществе, удивительным образом напоминающем по своему внешнему виду очищенный от скорлупы грецкий орех. Остается только надеяться, что при всем внешнем сходстве наш мозг устроен все-таки иначе. Но здесь я еще вижу и проявление осетинского национального характера, обусловленного таким свойством традиционной культуры, как агональность, или соревновательность: все хотят быть солистами и никак не соглашаются на вторую роль, в самом крайнем случае согласны петь лишь в общем хоре. Не всегда наши ожидания совпадают с тем, как устроена наша жизнь и каково отведенное в ней нам место, увы.

ЛАСТОЧКА

Последняя из наших обстоятельных и запомнившихся встреч произошла зимой. Я случайно встретил Вилена, когда возвращался с работы, а он в ранних зимних сумерках вышел на прогулку. Недолго думая, я позвал его в гости. Так мы оказались с ним вдвоем в дедовском доме у камина. Он рассказывал о своей поездке в Европу. Его больше всего вдохновило чувство свободы, возможность установить связи с коллегами, новая информация,

Ласточка пьет на лету воду

которую он там почерпнул. Он упомянул и эпизод, когда один из историков публично выбросил свой заранее подготовленный доклад, потому что в результате поездки ему стало очевидно, насколько его положения отстают от современного уровня знания, достигнутого европейской наукой. За окном в вечерней тьме беззвучно падал снег, в камине ярко полыхал огонь, и его с гулом затягивало в трубу, а языки пламени отражались рубиновым светом в бокалах домашнего красного вина. Вилен источал удовольствие и радость жизни.

Я тогда вспомнил известную историю о крещении англосаксов. Все происходило в конце VI века, когда ко двору кентского короля Этельберта прибыла папская миссия во главе с Августином. Устное предание гласит, что прибывшие в течение месяца рассказывали королю о преимуществах новой веры, когда же тот обратился к своим советникам, то один из них ему рассказал историю о ласточке, залетевшей из тьмы ночи в пиршественные палаты. Он сказал, что людям дано наблюдать лишь ее краткий полет, но им неведомо, ни откуда она прилетела, ни куда полетит затем. Это, собственно, и есть человеческая жизнь, краткий миг, который длится полет ласточки в царских чертогах. Эта беспомощность человека перед миром, в который он приходит, и неспособность постичь тайну смерти убедила короля дать свое согласие. В заключение я сказал, что мне кажется, что эта ласточка должна была бы залететь и к нам, потому что она пришлась бы весьма кстати, к месту.

Было видно, что это все пришлось ему по душе. В ответ, как бы развивая предложенную тему, он посоветовал мне вспомнить известное стихотворение Коста Хетагурова, также посвященное ласточке. Ниже я привожу его целиком.

*Зæрватыкк – æнæхъыг,
Æнæмаст цæрæг!
Дæ зарæг – нæ дарæг,
Нæ уалдзæггæнæг!*

Ты с песней чудесной
Весной золотой
Веселье в ущелье
Приносишь с собой.

*Хъæлдзæггæй, æвзыгъдæй
Фæхæтай фæрнæй
Нæ хæхты, нæ бæсты,
Æлдар кæмæн нæй!*

Так пой на просторе,
Над скалами рей,
Не ведая горя,
Нужды и князей.

(Перевод П. Семынина)

В этом стихотворении всего лишь два четверостишья, но оно насыщено поэтическими образами и символами. Главное, на что хотел указать Вилен, заключается, по-видимому, в том, что за зимою, временем испытаний и тягот, всегда неизбежно наступает долгожданная весна, о приходе которой нас и оповещает щебетание ласточки. А ее радостный и стремительный полет не допускает над собой ничьей власти, поскольку лишь в этой свободе обретают небесную благодать и счастье. Все так, теперь можно поставить и финальную точку. Будем верить, что в урочный час весна непременно наступает в жизни каждого из нас. И даже ушедшие, если положиться на осетинскую традицию, подобно зернам для пивного солода, смогут вновь прорасти к новой жизни, но уже не обыкновенными, а чудесными золотыми побегами. У меня нет и тени сомнения в том, что все именно так и произойдет!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Особое место в истории сбора и изучения осетинской традиционной культуры по праву принадлежит Махарбеку Сафаровичу Туганову. Его записям и зарисовкам мы обязаны богатейшим этнографическим материалом, без которого были бы невозможны те достижения, которые имеет в своем активе осетиноведение. Однако столь же значимыми оказываются и его жизненный путь, судьба, которая ему досталась. С этой точки зрения во всем необычайно разнообразном и богатом творческом наследии

совершенно особняком стоит написанная маслом картина «Пир нартов» (1951–1952 гг.). Выставленная в Художественном музее, носящем имя великого мастера, она давно стала визуальным символом нартовской эпопеи, разошедшимся на многочисленные цитаты и знакомым едва ли не каждому. Однако значение этой картины для понимания его творчества пока еще не получило должной оценки, поскольку она интерпретируется в традициях сугубо реалистических как буквальная иллюстрация богатырского духа нартов, их мощи и необузданного жизнелюбия. Между тем она, несомненно, должна трактоваться также и в метафизическом ключе, поскольку является последним из его крупных произведений и потому по праву должна считаться его завещанием. Обращение к ней позволит не только лучше узнать его последнюю волю, но также должно приоткрыть завесу тайны, которая скрывает в числе прочего и загадку его рождения.

Несмотря на неизменный интерес к творчеству и личности этой исполинской фигуры осетинского Серебряного века, без ответа остается такой, казалось бы, незамысловатый вопрос его биографии, как дата рождения, относительно которой царит существенный разброс мнений. Путаница и значительные расхождения между известными на сегодня датами его рождения не могли остаться без внимания. Обычно это обстоятельство принято

Махарбек Туганов с сыном Энвером

списывать на особенности времени, в которое он жил. Действительно, принадлежа к привилегированному сословию, он всегда опасался репрессий, и потому старался окутать туманом все, что касалось его личной жизни. Так, например, будучи европейски образованным, он ходил в ватной телогрейке и кирзовых сапогах. Однако у этой проблемы есть и другая, не бытовая, а метафизическая сторона. Она-то и представляет наибольший интерес. Обращение к существующей обширной литературе, посвященной этому вопросу, к которой я отсылаю всех желающих узнать о ней более подробно, позволяет ясно различать три основные версии, разнящиеся между собой не столько степенью достоверности и надежности, сколько причастностью самого художника к их происхождению.

Так первая из них принадлежит его сыну Энверу, который на поставленный ему вопрос о дате рождения отца сослался на утраченную к тому времени фотографию.

Согласно его воспоминаниям, в их семье хранилась старая фотография отца в возрасте трех лет. На ее оборотной стороне рукой его матери была сделана надпись: «Мой сын Махарбек Туганов родился 16 сентября 1881 года». Казалось, что этого достаточно, чтобы считать вопрос решенным, однако, к сожалению, эта фотография не сохранилась. Между тем, если она действительно

Укладывание в колыбель. Худ. М.С. Туганов

существовала, то сам Туганов не мог не знать о ней, а значит, и об этой конкретной дате. Откуда же в этом случае в личном деле художника, хранящемся сегодня в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), могла возникнуть другая дата – июнь 1881 года? Значение этого свидетельства трудно переоценить еще и потому, что это его личное дело, которое было составлено при его поступлении в Академию художеств, не могло быть составлено без учета его собственного мнения. Таким образом, мы вправе полагать, что запись могла быть сделана с его слов, из чего следует, что он сам предпочел июнь сентябрю. Возможно ли было подобное субъективное вмешательство в собственную биографию, и если да, то чем оно было обусловлено?

В поисках ответа на поставленный вопрос следует обратиться еще к одной версии, фольклорной по своей природе и женской по своему характеру. К счастью, до нас также дошли воспоминания старой соседки семьи Тугановых по селению Дур-Дур Минат, память которой удержала для нас то, что «Махарбек родился ровно за одну ночь до отела черной коровы». Приведенное свидетельство примечательно по целому ряду причин, на каждой из которых можно остановиться более подробно. Прежде всего следует заметить, что подобная датировка, в основе которой привязка к событиям из сельскохозяйственной практики, является вполне обычной для аграрной традиции. Мне известен случай, когда выходец из одного из горных сел Осетии на вопрос к своим близким о дате своего рождения, услышал в ответ: «*Дыккаг рувæнты* / Во время второй прополки». День рождения ребенка не был праздником, вместо этого традиция отмечала другие даты: *авдæнбæттæн* / укладывание в колыбель, *номæвæрæн* / наречение именем и пр. Многие из этих отмечаемых в народной обрядности событий были отображены художником.

Далее следует заметить, что воспоминания были записаны уже после кончины художника, еще при жизни пользовавшегося заслуженным почетом и уважением сограждан. То есть применительно к нему фольклорный образ черной коровы оказывается более чем уместен и как к собирателю и исследователя народной культуры, и как к состоявшейся личности. Приведенная датировка становится своеобразной развернутой метафорой всей его предстоящей жизни, сбывшимся предсказанием, подтверждением правоты народных примет. Своеобразная народная правда этого предвидения в том, что телята действительно чаще всего

появляются на свет ночью, что их рождение ведет к богатым удо-
ям молока, которых не бывает у стельной коровы. Черный же
цвет в традиции служит оберегом, своеобразной защитой ребен-
ку, которого для этого могли назвать и «Саукуыдз / Черный пес».
И вновь цвет подтверждает свою охранительную способность, по-
скольку вопреки всем мыслимым и немыслимым перипетиям он
выстоял и смог свершить то, ради чего пришел в этот мир, – стал
классиком современного осетинского изобразительного искус-
ства, органично связав традицию с культурой европейского мо-
дерна.

С этой точки зрения получает объяснение и предпочтение июня
сентября, потому что июнь – месяц летнего солнцестояния, или
солнцеворота. День начинает идти на убыль, солнце, достигнув
своего наибольшего могущества, начинает слабеть. В эпической
традиции это месяц солярного героя Сослана, сила которого, со-
гласно эпическим сказаниям, была наибольшей именно в солнце-
ворот / *хурыхæтæны*. Существует высокая вероятность того, что
он, если и не отождествлял себя с ним, то наверняка соотносил,
сопрягал. Иначе как можно объяснить, что именно Сослан стал
главным героем его последнего шедевра «Пир нартов»? Невоз-
можность постичь всю глубину замысла художника нередко ведет
к тому, что эту картину считают незавершенной, тогда как она на-
стоятельно требует постижения смыслов, лежащих за ее внеш-
ней сюжетной канвой.

Пир нартов. Худ. М.С. Туганов

Сюжет картины воспроизводит кульминационный момент эпического сказания о танцевальном поединке между Сосланом и Челахсартагом. Согласно условиям состязания в случае победы Сослан получает в жены дочь Челахсартага – девушку необычайной красоты, руки которой безуспешно добивались самые именитые нарты. На картине изображен триумф Сослана, танец которого оказался безупречным: за его спиной стоит Шатана с почетным кубком, предназначенным победителю, на переднем плане изображена группа музыкантов, исполняющих, как представляется, подобающий в подобном случае гимн «*Айс әй, аназ әй, ахуыпп әй кә, айс әй, аназ әй!* / Прими (чашу), испей (из нее), все до последней капли!». Ликующие нарты, бывшие на стороне Сослана, поддерживают исполнение гимна во славу победителя ритмичными хлопками в ладоши. Справа от Сослана, опираясь на посох, стоит, понутив голову, Челахсартаг, вынужденный признать свое поражение и отдать свою дочь в жены Сослану. В конечном счете сюжет картины может считаться визуальной и в некотором роде звуковой иллюстрацией мифологемы священного брака осетинской традиции.

Вместе с тем ее главный посыл, не всегда очевидный для искусствоведов, также легко выводим из традиции. Без какой-либо натяжки он сводим к известному благопожеланию, произносившемуся прежде людьми как при встречах, так и при расставании, когда отмечались значимые для жизни социума разного рода радостные события. Обычно оно звучало так: «*Куывдты әмә чындзәхсәвтты куыд 'мбәлләм!* / Чтобы нам видеться друг с другом на свадьбах и пирах!». С этой точки зрения, картина становится зрительным воплощением этого благопожелания, обращенного художником, уже собирающимся покинуть этот бренный мир, к любому из тех, у кого происходит встреча с его творчеством. Подобно эпическому Сослану, посетившему потусторонний мир в поисках листьев дерева Аза и благополучно затем вернувшемуся в мир живых, он хотел, вероятно, и после смерти присутствовать на земле. Однако сделать он это хотел не так, как Сослан. Мы знаем, что по совету владыки загробного мира Барастыра Сослану пришлось переставить подковы своего коня задом наперед так, чтобы оставляемый им след вел не наружу, а внутрь. Махарбек Туганов хотел быть среди живых благодаря своим полотнам, тоже своего рода листьям с чудесного дерева Аза.

Еще одно пожелание потомкам можно видеть в том, чтобы, вопреки сложившейся в академической науке традиции, исследова-

тели не создавали искусственных непроходимых барьеров между так называемыми солярными, то есть солнечными, и грозовыми мифами. Неслучайно в осетинской обрядовой традиции летний солнцеворот прочно связан с праздником громовержца *Уацилла*. Солярный же герой Сослан танцует на чаше, служащей воплощением мирового океана, в который погружается закатное солнце и который ясно соотносим с небесными коровами – тучами. Отсюда и его устойчивая связь с грозой, поскольку в осетинской традиции радуга зовется «*Сослани æндурæ* / Сосланов лук». Если теперь в приведенное описание ввести эмоциональную составляющую, то мы невольно вспомним известную индейскую поговорку: «В душе того не будет радуги, чьи глаза не знали слез». Достойное завершение для жизненного пути художника, появившегося на свет за ночь до отела черной коровы.

Самым удивительным в судьбе Туганова оказывается дата его ухода, которая в отличие от даты рождения не вызывает разночтений. Доподлинно известно, что он тяжело заболел в июне 1952 года, а в начале июля его не стало. Он испустил свой дух именно тогда, когда его земляки отмечали праздник нарта Сослана, единственного из эпических богатырей, удостоившегося чести стать объектом поклонения. Именно в это время у склепа Сослана, расположенного недалеко от селения Нар, проводят обрядовое моление. Нам не дано выбирать время и место прихода в этот мир, но, может быть, человек в силах сам определять обстоятельства и момент своего расставания с ним?

Виктор ХАТЕНОВСКИЙ

КОЛОБРОДИТ РАСХРИСТАННЫЙ КЛЕН

СТИХИ

В оформлении использовано фото из сети интернет

* * *

Колобродит расхристанный клен...
Пролонгировав страсть пятихаткой,
Я с утра, как костром, ослеплен
Твоим голосом, дерзостью, хваткой.
Комфортабельна жизнь и мила,
Как румянец, как девственность. Боже,
Подконтрольные колокола
Фонтанируют радостью... Все же,
Разомлев в сладострастном бреду,
Расплевавшись с обкомовским богом,
Под землей я любовь обрету
К проспиртованным русским дорогам.

* * *

Мы разошлись. Возлюбленная радость,
Ноябрь, взрастив разлук шероховатость,
Раскрасил жизнь и выскоблил из брички
Токсичный запах псковской электрички.

Без сумасбродств, без слез в багровой чаше ,
Благословенный хлеб черешни слаще...
Страсть, расплескавшись, отрапортовала:
«Вы не срослись!.. Возрадуйся, Вальхалла!»

* * *

Счастливым вытасив билет,
В колготках шастая по хате,
Скажи, возлюбленная, «нет»
И утвердись в конгломерате

Разнузданных вакханок. «Рад!» –
Промолвлю зло. И без протеста
Молниеносно, как солдат,
Сорвусь с насиженного места.

* * *

Вы жаждете благ всевозможных. Когда-то
Прельщались огранкой роскошной девчата.
Впоследствии жаждущих благ и богатства
Прибрало бесследно подземное царство.

Средь тьмы скоропортящихся казнокрадов
Поэт – нищеврод, осквернитель магнатов...
Однако зазноба лишь от стихотворца
Бессмертия, лавров посмертных дождется.

* * *

Две тысячи СТО сорок третий.
Январь. Тридцать первое. Снег
Рассыпчат. В дневном лазарете
Скончался «большой» человек:
Возлюбленный друг Гулливера,
Владелец дворцов, автострад.
С богатством коррупционера
Не смог бы сравниться Сократ.
Неистовствовал, как торнадо;
Был бесчеловечным, как власть...
Скопытился. Больше не надо
Ресурсы природные красть.
К гробу не прикрутишь багажник,
С собой не возьмешь ни гроша.
За кровь, прегрешения, шашни
Пред Богом ответит Душа.

* * *

В Рождественскую ночь, сквозь пелену печали
Пытаясь разглядеть второстепенный сон,
Нас как бы невзначай друг с другом обвенчали
Превратности судьбы. Очередной сезон

Закончился не так, как мыслилось когда-то...
 Мы прочное звено подследственной толпы.
 Мы не обречены: хоть мы не влились в стадо,
 Природа не спешит разглядить наши лбы.
 Нас предпочла Вражда объятьям Афродиты.
 В грядущий год опять не нам баклуши бить.
 Мы – загнанные псы. Нас грозное «иди ты!»
 От сволочной судьбы не сможет защитить.

* * *

Громовержец Москаль
 Скороспелым приказом
 Обессмертил февраль:
 Вскормлен боезапасом
 Мановеньем руки
 (Справедлив и неистов),
 С места сдвинув полки,
 Бросил их на фашистов,
 Чтоб отныне и впредь
 На злосчастной планете
 Не смотрели на Смерть
 Малолетние дети;
 Чтоб не жгли стариков
 В топках головорезы;
 Чтоб с крутых берегов
 В Днепр бросилися бесы.

* * *

Александрю Башлачеву

Гремел над площадью молебен.
 На перекрестке трех дорог
 Ты был, как Бог, великолепен,
 Ты был, как Солнце, одинок.

Сжав горло страждущей гитары,
 Ты проповедовал, как встарь,
 Лицо подставив под удары:
 «Ваш Бог не Солнце, а фонарь!».

Вослед тебе сквозь мрак вечерний,
 Как триста лет тому назад,

То пьяный хохот дикой черни,
То площадной, отборный мат.

Ты нес свой крест с надрывом, с храпом.
И, как тогда, в глухую ночь
Из тех, кто шел с тобою рядом,
Никто не смог тебе помочь...

Гремел над площадью молебен.
На перекрестке трех дорог
Ты был, как Бог, великолепен,
Ты был, как Солнце, одинок.

* * *

Нас всех проглотит темнота.
Что ж, тогда чего же ради
Квохчут Гамбург, Теберда:
«Не убий и не укради»?!

Громче, ветер, дуй и вей!
Непростое это дело –
Холить скопище червей
В недрах собственного тела.

* * *

Весна, насупившись сурово,
Вальсирует под «Stokіe». На
Подмостках Клавдия Петрова
(В недавнем прошлом Фокина).
Подкорректировав Софокла,
Средь низменных метаморфоз
Ослепла, выдохлась, оглохла,
Как сбитый с неба альбатрос.

* * *

Лишилась жизнь привычного уклада:
С надрывом встретив високосный год,
Во вторник днем во время снегопада
Скончался мой сибирский старый кот.

Болезнь и старость празднуют победу.
Смыв пыль и грязь с нательного креста,
Как человека, сродственника, в среду
Сроднил с землей я доброга кота.

* * *

Калининград, я снова рад
Пройтись походкой дуэлянта
Вдоль прусских каменных оград
И постоять над прахом Канта.
Вот так же в срок уйдем и мы
В край расколдованного рая.
Над нами пропоют псалмы,
Гвоздями крышки забивая.

* * *

Горд, как Махарадзе,
Как блаженный, чист,
С кармой камикадзе
Свыкся, конформист?
Костный мозг не гложет
Правдолюбцев рать?..
Вряд ли кто-то сможет
Нрав твой обуздать!

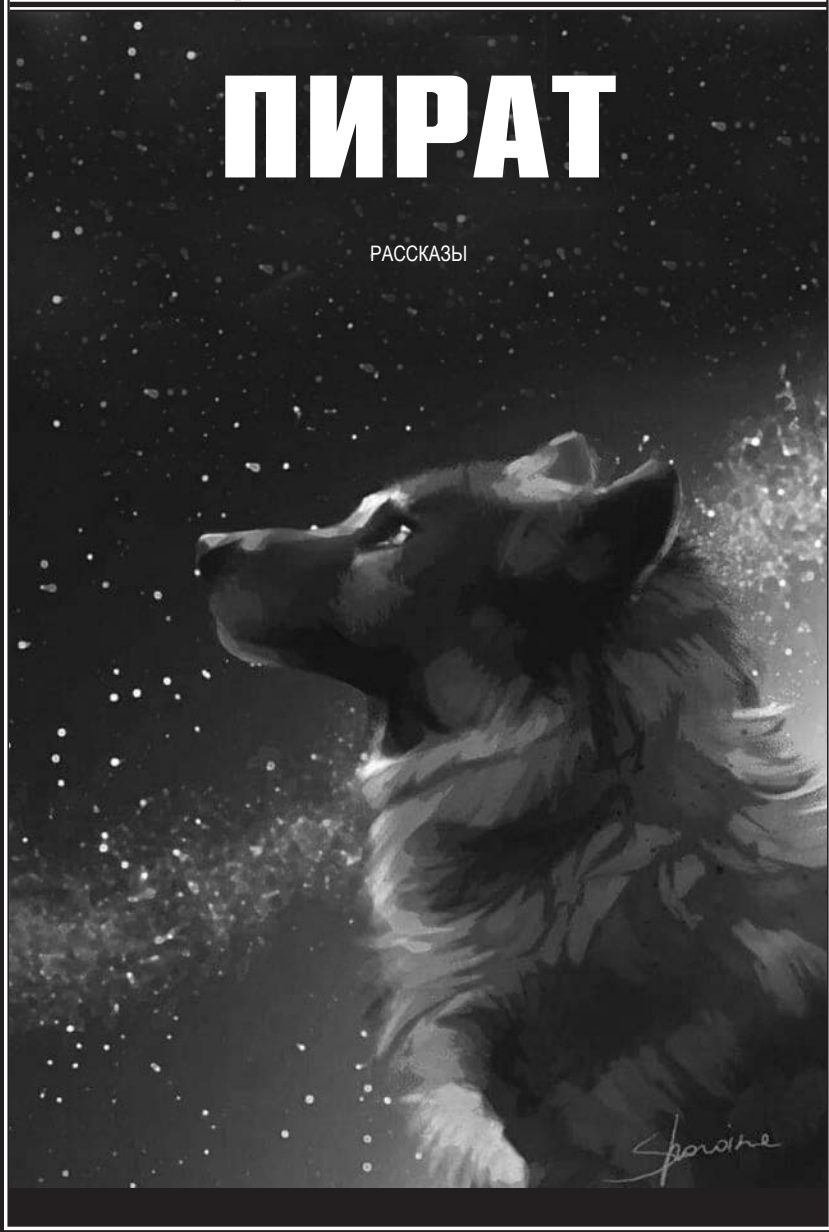
* * *

Восторжествуй, любимая!
Спонтанно (без экстрима) я
Набрел на подлинное счастье:
Возродить любовь, в ненастье
Верить, знать, презрев обиды,
Что будешь ждать из Антарктиды,
Из Москвы, из Поднебесной
Скованного плотью тесной
Правдолюбца, пилигрима...
Праздник вызвездился зримо
В атмосферных формах жизни
Раздразнившей нас отчизны.

Юрий РОЗЕНШТЕЙН

ПИРАТ

РАССКАЗЫ

В оформлении использована картина Sporoine

РЕБРО АДАМА

Мужчину и женщину сотворил их...

Бытие 5:2

Он давно ждал ее, знал, что именно она предстанет перед ним в назначенный час. Звал по ночам, в забытьи величал ее именем других женщин... И все же ждал несколько отстраненно, как, наверное, ожидают мессию, с которым тоже все связано и который когда-нибудь обязательно придет. А потому опешил, когда она явилась ему воочию. Впрочем, она всегда приходит внезапно. Свершилось...

Смерть сидела в кресле напротив. Он сразу узнал ее – высокая стройная блондинка, лет двадцати пяти, задорная челка, большие небесно-голубые глаза, легкий румянец, изящные ямочки на щеках и еще нечто неуловимое, родное до боли. Несколько минут тупо разглядывал ее ярко-красный шелковый костюм, следил, как высоко поднималась грудь с каждым вдохом, пока не обнаружил, что она дышит с ним в резонанс.

Смерть проявляла чудеса сдержанности и такта. Она приветливо улыбалась, он видел ее ослепительно белые зубы, алые чувственные губы и лихорадочно подыскивал фразу... пообиднее. «Рыжая!» – наконец выдавил из себя так, словно это был последний глоток воздуха, который еще оставался в легких. «Золотая! – парировала Смерть. – Так ты называл меня когда-то». – «Ну, когда это было...» – «Я постарела?» – тихо спросила Смерть. «Нет, ты всегда была

такой. Кстати, где твоя коса?» – злобно огрызнулся он. «Как ты старомоден. Прежде тебе нравилось каре или полукаре... Впрочем, изволь...»

Она завела руку за спину, и через мгновение он увидел искрящиеся как солнце, туго сплетенные в косу волосы.

«Я тебе все еще нравлюсь, не так ли? Как я тебе?» – она широко улыбнулась. «Жуть! – выпалил он. – Убирайся!» Смерть несколько не смутилась и не обиделась, хотя и не ждала такого приема: «Не лги себе. Не время, знаешь ли, и не место... И потом, ты ждал меня целую вечность. Неужели тебе нечего сказать?». Зато он заводился с каждой минутой: «Тебя все ждут вечность! Целую, а не по частям. Ты... ты идиотка?!»

Она едва заметно улыбнулась и сказала примирительно, почти ласково: «К чему эта амбивалентность. Может, предложишь выпить чего-нибудь?» – «Да, конечно. Глоток Амаретто, там полно цианидов... Наслаждайся, пока я напишу завещание». Смерть едва заметно повернула голову, пожала плечами и, точно оберегая болезненное его самолюбие, произнесла чуть слышно, почти в сторону: «Ты льстишь себе. Ну, чего тебе завещать? Всегда отдавал больше, чем брал, и я никогда не сомневалась в твоей искренности». Чувствуя, что теряет нить, он ухватился за соломинку: «Но искренность, она-то у меня есть, ты сказала...» – «Есть, – невозмутимо ответила Смерть. – Но, боюсь, претендентов на такое наследство не найдется». Терять было нечего (он уже все потерял задолго до этого), а потому, должно быть, от бессилия что-либо изменить стремился набирать теперь упущенные когда-то очки и выходил из себя все больше и больше, понимая, что перед «смертью не надышишься»: «Значит, ничего не было?! Я никогда ничего не сделал, никого не любил?!»

Смерть прищурилась, веселые искорки исполнили в ее бездонных невинных глазках дьявольский танец. Она вновь улыбнулась, показав ряд безукоризненно ровных белоснежных зубов, и неопределенно покачала головой: «Я не знала тебя таким. В этом есть что-то женское. Ты действительно заботаешься о том, чтобы кто-то оценил твои личные переживания?» Он сразу как-то сник, понизил голос и сказал неуверенно: «Я многое переоценил, пока болел. Мне кажется, что я немного приблизился к Богу... Разве, ты стояла тогда у моего изголовья?» – «Я стою у изголовья всех, кто болеет. Но во всей красе являюсь только тем, кто кое-что понял в жизни. Впрочем, тогда я уже у ног», – уточнила Смерть. «Значит, я понял?!» – Он уже успел справиться с минут-

ным замешательством, приободрился, обрел утраченные было амбиции и приготовился.

Настало время «сохранить лицо», и ему достанет мужества.

«Ты льстишь себе. Я здесь так, проездом. Нарушила служебную инструкцию, забежала на огонек к старому другу, а ты-то впал в истерику... Реализуешь свои мазохистские комплексы? Или увлекаешь ископаемые обиды? Ты так и не вырос!»

Ему показалось, что ее руки и бедра стали чуть полнее, чем когда-то, он заметил мелкие морщинки под ее усталыми глазами, следы декоративной косметики на ресницах. Достал сигарету, щелкнул рычажком зажигалки, жадно затянулся и украдкой взглянул на свое отражение в крышке портсигара. Нелицеприятное зрелище... Он сильно сдал за эти годы, потучнел, седина щедро посеребрила волосы, глубокие морщины залегли над переносицей и на лбу, во внутреннем кармане поселился флакон с нитроглицерином.

За несколько мгновений перед его глазами пробежала вся, не слишком праведная жизнь, и он подвел ее неутешительные итоги: «Она права, черт возьми! Не многих он сделал счастливыми! (Впрочем, какой безумец выдумал, что любовь должна приносить счастье! Она никому ничего не должна...) Но ее, ее-то он все-таки любил больше... больше жизни... Нет, нет, не лги себе, она-то и была твоей Жизнью! Она стояла у твоего изголовья всегда. Бесконечность имеет только начало... Тогда к чему этот маскарад? Почему она явилась к нему под этой личиной? Отобрать то, что и так принадлежало ей всегда? Или уколоть побольнее?»

Она поднялась, но у самых дверей оглянулась и бросила вскользь: «Напиши мне, или позвони, если захочешь, ладно?» Он тоже поднялся, хотел многое ей сказать, но вымолвил только: «Тебе пора... может, посидишь еще минутку? Так и не поговорили по-человечески... Прости меня...» – «Нет, милый, это тебе пора. Пора перестать копаться в себе, делить неделимое и вообще заняться делом», – сказала она, отворачиваясь. Он не услышал, как хлопнула дверь. Жизнь – Смерть – ушла, не прощаясь. Растворилась как дымка. (Французы говорят: «Когда прощаешься, немного умираешь».)

А он, устроившись в осиротевшем кресле, еще долго сидел у камина, поживаясь, пытаясь избавиться от дрожи, разглядывал выцветшие от времени фотографии и непозволительно много курил. Между тем часовые стрелки терпеливо отсчитывали привычные круги, но время уже вырвалось из их цепких объятий и существовало где-то само по себе.

ПИРАТ

В конце девяностых гостил я в Кабардино-Балкарии, в поселке «Нейтрино», близ селения Терскол. Мой троюродный был там в командировке, обучал компы людей понимать, так как это одна всероссийская контора и точно такой телескоп у них в Севастополе. Прибор сей весьма необычный: нет там ни зеркал, ни увеличительных стекол, а производительность высочайшая – за один год какая-то шахта отлавливает аж 17 атомов гелия! Не удивительно, что за это им не слишком хорошо платят. Мало того, занимаются черт-те чем.

Выделили ему хоромы царские – трехкомнатный деревянный домик на пару недель. А мы с женой, пребывавшие тогда в фазе кризиса среднего возраста, решили оседлать волну, и пока она не доросла до цунами, попытаться на ее гребне преодолеть удушающую житейскую рутину, параллельно мешая тамошним астрофизикам работать.

Предложение сразу же показалось заманчивым. Накануне Сашка отказался от оседлой работы на крымской телестудии за куда большие деньги ради возможности искать рододендроны на горных склонах, и моя жена посматривала на него теперь с некоторой опаской и нескрываемым любопытством, искренне жалея его Иру... А он пытался развеять ее опасения как мог. Ссылался на нервный тик и всякий раз отводил глаза в сторону, когда в них появлялся веселый «дьявольский» блеск. Правда, ближайший продовольственный магазин располагался километрах в пяти от поселка, и карабкаться за хлебом и водкой приходилось по горным тропам. Зато парная работала круглосуточно, потому что там какой-то цикл останавливать никак нельзя и пар – продукт побочный.

Поскольку ходок из меня неважный и познания в физике «зашкаливают», я целыми днями, пока жена собирала грибы на горных склонах, парился то с одними учеными, то с другими в прямом и переносном смысле слова.

Сторожем там служил Лукич. Кормил своего Пирата и по ночам спускал с цепи. Ученые мужи охотно покупали у него молоко, т.к. он держал единственную в поселке корову. В сезон в «Нейтрино» приезжало большое начальство с премилыми спутницами-аспирантками – почему-то моложе светил лет на 20-30, – и беседовало с ними не только об угловой скорости и неопознанных летающих объектах.

Как-то довелось мне париться с одним астрофизиком, двумя балкарцами из ближайшего села, где магазин, и Лукичом. Разго-

вор зашел о политике. Балкарцы говорили что-то об имперских амбициях... Лукич молчал. Однако москвич, подвыпив, раззадорился, пристал к нему как банный лист на предмет, есть ли у него, Лукича, эти самые имперские амбиции. Лукич сказал, что амбиций нету – корова есть.

Чтобы иметь траву и сено для коровы, Лукич зимой спал в кошарах у местных и присматривал за их скотом. За эту услугу ему разрешали пасти корову на склонах летом и заготовливать для нее сено, чтобы она не голодала зимой. Ибо земля в горах большая ценность и давно поделена между аборигенами.

Когда вернулись из парной, астрофизический начальник купил у местных барана и с барского плеча выставил всему личному составу поселка ящик столичной выпивки «с наворотами». За шашлыком ученые мужи говорили тосты разные – вяло славили то своего босса, то президента всея Руси, каждый на свой лад. Но чуть позже оживились, заспорили о каком-то необычайном эффекте. «Бились» долго и жарко, но к единому мнению не пришли.

Тогда шеф многозначительно постучал вилкой по граненому стакану и в воцарившейся тишине, параллельно изучая носки новомодных кроссовок, подобострастно обратился к Лукичу по имени-отчеству. Тот не спеша достал огрызок карандаша, покоящийся за левой ушной раковиной, черкнул им что-то на обрывке старой газеты, и все ахнули. Ну а я обомлел...

Оказался Лукич в этой области «Сверхновой». Через несколько месяцев, после похорон жены, оставивший дочери какие-то деньги, квартиру в Питере, дачу, машину, увесистую папку с неопубликованными еще изысканиями и другими «лучами славы» с единственным условием, что назад, во вдруг ставшие ненавистными ему административные «штольни», зазывать его не будет.

В господствующей вере еретик-академик крепок не был, но на костре его все-таки не сожгли, хотя и был искус... Словом, после бурных объяснений, с совершенно обалдевшими выше- и нижестоящими коллегами, направился в единственное известное ему место, в котором Макар телят еще не пас – сторожем.

Потому что однажды проснулся в неурочный час, в ставшей совершенно пустынной квартире на Невском. Распахнул окно настежь, не нашел в ночном северном небе ни Вегу, ни Альтаир, убедился, что сороки так и не сомкнули крылья, а ведь это был тот единственный день... И вдруг понял, что созерцать звезды, может быть, важнее, чем измерять расстояния до них, по крайней мере для него.

По всему периметру жилой зоны Лукич натянул трос с кольцом и длиннющей цепью, ограничивающей досягаемость обитателей Пиратом – громадным лохматым псом-страхопетом. Три летних месяца пес барствовал, т.к. в сезон прилетали ученые со спутниками со всех весей, по-видимому, за новыми впечатлениями, шашлыками на горных склонах и в какой-то мере за следами гелия тоже. Из Италии в один из ближайших международных аэропортов неизменно прилетал шеф с длинноногой секретаршей Анжелой.

За спиной поговаривали, что через Москву ему было бы сподручнее, но он пренебрегал Белокаменной т.к. там проживали его жена, дети, внуки, с которыми подробности командировок он обсуждать не желал. Когда домочадцы звонили сами, просил от тяжких трудов не отрывать, по пустякам не беспокоить, обещался перезвонить, как только выкроет минутку и какое-то время тяжело вздыхал, украдкой поглядывая на стройную помощницу.

Подвыпив, все охотно отправлялись снабжать Пирата постшашлычными бараньими костями с безопасного расстояния. Других массовых зрелищ в поселке не было. Зимой рацион Пирата резко сужался. Лукич угонял свою корову в дальние кошары, и гостей, как правило, не было. Пес заметно худел и часто выл по ночам.

В кошарах Лукич присматривал за чужим скотом, не обделяя вниманием свою Буренку. На досуге читал оставленные приезжими ветхие газеты и жарил яичницу с сушеными мухоморами. Смотрел под этим делом в звездное небо небооруженным взглядом и изредка забегал в поселок проверить монотонно щелкающие приборы, а заодно покормить Пирата.

На следующее утро брат предложил мне посмотреть сам телескоп, предупредив, что к маленькому подземному, черному, как ночь бассейну, нужно идти по штреку под землей километра полтора, вниз и с фонарем. Я чуть было не согласился, но вовремя сообразил, что наверх тоже придется идти, и передумал.

После обеда Сашка сказал, что они пойдут за большими белыми цветами – рододендронами, которые растут на вершине. Я только проводил их взглядом. Вернувшись часа через три-четыре, он подарил их моей жене. Она зарделась, вымолвила: «Спасибо», хотела еще что-то сказать, но осеклась на полуслове, выразительно посмотрела на меня и тоже ничего не сказала. Сашка извиняющимся тоном сообщил, что у них очень слабый запах и спешно отправился что-то подкручивать в приборах.

Ночью мне было слегка не по себе от головокружительной высоты над уровнем моря, избытка озона и первозданной тишины ущелья, изредка нарушающейся едва доносившимся монотонным журчанием родника и редким всхлипливанием тамошней фауны. Или от избыточного приема скверного столичного пойла под аккомпанемент потрескивающего костра и раздражающего, давно забытого брэнчания семиструнной гитары, тщетно пытающегося разбудить мои юношеские порывы.

С первыми лучами солнца Лукич потрепал Пирата по загривку и отправился в селение с большим выцветшим рюкзаком – пополнить неприкосновенный запас солью, сигаретами, спичками и другими благами цивилизации, заметно истощившимися накануне.

Часа через два мы услышали гул и лицезрели источавшие его лопасти. За ближайшей горой рукотворная птица исчезла из нашего поля зрения, но через некоторое время вернулась вновь и еще несколько часов кружила над ущельем.

Это обстоятельство насторожило обитателей поселка, не привыкших к авиашоу. Предлагались различные версии – от поиска диверсантов и военных учений до съемок остросюжетного или документального фильма. Сошлись на том, что Лукич разузнает что-то в сельмаге.

Сторож вернулся только к ужину, когда вертолеты уже не летали. Он поведал, что пилот заметил тело одинокого альпиниста в расщелине, о пропаже которого сообщали по местному радио пару дней тому назад. Вернулся с командой спасателей МЧС.

Спускались по тросам. Первые попытки оказались безуспешными, но затем им все-таки удалось поднять его и дотащить до поляны, на которую пилот с третьей попытки изловчился приземлиться. Рядом с безжизненным телом мальчика обнаружили нехитрое снаряжение и кинокамеру. Ее удалось включить.

Кто-то у меня за спиной поинтересовался: «Как можно ходить в горы одному?» Кто-то вопросительно выдохнул: «Клад?» Лукич тяжело вздохнул и выдавил сквозь зубы: «Звезды. Он давно их снимал. Парню лет двадцать было». И помолчав, добавил: «Отсюда они хорошо видны ночью». Астрофизики в недоумении разводили руками, а кто-то покрутил пальцем у виска: «Ненормальный, надо же. Горе-то какое...»

Только молодой жилистый младший научный сотрудник Андрей, обычно стремившийся держаться как можно дальше от начальства и, может быть, потому имевший опыт двух успешных восхождений на Эльбрус, неожиданно проронил: «Какой там

клад? В прошлом году один чудака, лет семидесяти, сподобился... Правда, тогда все хорошо закончилось. Плохо ему у подножия стало – сердце. От больнички сельской отказался наотрез. Мы его в Нальчик сопроводили, в аэропорт, там врач осмотрел. А часа через три самолет за ним из столицы прилетел – личный». Потом краем глаза заметил своего отстраненно стоящего поодаль руководителя, покраснел и осекся.

Позже в интернете обнаружили блог погибшего парня. Он так и назывался – «К звездам». По слухам, на похоронах венки были из больших белых роз, имитирующих созвездия. А когда процессия рассеялась, кто-то положил на могилу добытые у самой вершины рододендроны. Автора съемки уже не было в живых, но звезды в его Вселенной, продолжали мерцать. Еще ярче и пронзительнее, еще призывнее и ближе, чем накануне трагедии. Всем физическим константам вопреки...

Через несколько дней, а это были жаркие июльские дни, Лукича навестила дочь – проездом, в город Кисловодск, совершив для этого «мертвую петлю» по горным дорогам. Роскошную машину с низкой посадкой пришлось оставить в низине. К поселку поднималась по узкой тропе с мужем в обнимку.

Поначалу все было хорошо – тесные объятия и слезы радости при встрече. Еще до наступления темноты, а на юге темнеет рано, Лукич отвел зятя и дочь на заболоченное озеро для рыбалки и фотосессии.

Однако сразу после ужина она принялась что-то горячо нашептывать шефу. Тот руками разводил – убеждал, что с его стороны «все ОК», папеньку ее с нетерпением ждут в ту же лабораторию и на ту же должность. Потом падала перед отцом на колени, Христом Богом заклинала и зачем-то теребила дорожную воздушную блузку. Умоляла поговорить с отцом – убедить его вернуться «в цивилизацию» всех подряд, включая нас. В семейной разборке никто участвовать не хотел, но это обстоятельство раззадоривало ее еще больше. Спрашивала: «Как соседям по даче в глаза смотреть, коли узнают про это его бытие?» – у отца и «Почему ты молчишь?!» – у мужа.

Лукич заметно нервничал, кусал потрескавшиеся губы. Вертел в руках огрызок карандаша – некогда сошедшего с конвейера знаменитой фабрики «Сакко и Ванцетти». Украдкой прижимал руку к левой половине груди, а затем заявил что «В его жилище эти цианобактерии периода позднего протерозоя, то бишь дочь и зять, ночевать не будут, а поутру им надлежит покинуть поселок, иначе он спустит Пирата с цепи...»

Босс отдал им на ночь положенные ему по рангу апартаменты и перебрался на ночлег к нам, прихватив с собой Анжелу и клятвенно обещая «надавить»... Но, судя по всему, Лукич уже успел послать его на три буквы. А Пират, почуяв недоброе, то злобно рычал, то протяжно выл, выбегая из будки.

Уже в полной темноте в наш домик постучал ее муж, поскольку корвалол был только у меня, а «Танечке очень плохо». Пришлось осмотреть эту особу. Красивая женщина, лет тридцати пяти без единого признака каких-либо камней, на мой взгляд, даже за пазухой. По крайней мере, вела себя искренне: папу обожала и желала ему добра.

Затем перебравшийся к нам начальник, мой брат и я вместе отправились в парную, потому что спастись от этой мыльной оперы больше было негде. А секретарша профессионально сварила кофе на спиртовке и привычно заняла превентивную оборону, организованную по принципу «Он только что был или только что вышел».

Вскоре в дверь парной постучали. Явились местные ребята – абреки. Сообщили «Хозяину», что «Все в ущелье им платят, а он нет. И Базу они сожгут!» Тот в ответ только улыбнулся и протянул им спички, сообщив что «База совершенно не рентабельна, давно застрахована, и он с удовольствием избавится от нее, получив солидную страховку. Остолбев, бандиты переглянулись и сами предложили мир. Мол, будут париться здесь иногда. «Хозяин» согласился. Он вообще умел жить с людьми.

На рассвете Татьяна обнялась с отцом, в сердцах махнула рукой и укатила в престижный санаторий со своим «Тарзаном». Лукич отнес «крестнику»-Пирату несколько наспех освеженных костей, и тот тоже подобрел и, виляя хвостом, направился обнюхивать «добычу». Выглядел он теперь куда милее, чем накануне. «Радуетя блеску цепи, – подумал я. – Какой же он, к черту, Пират, прости Господи?»

А мы? Разве наши вериги не надежнее? Даже цепи осязаемые не нужны... Должно быть, это наш житейский опыт смиряет бунтарский дух...

В это мгновение над горами сверкнула молния, и еще не успел прогреметь гром, когда я всеми фибрами возненавидел себя самого. Свое безликое серое существование, то и дело оправдывающее собственную эмоциональную тупость и равнодушие лицемерным и насквозь лживым «Так поступают все!»

Внезапно небеса словно разверзлись, и с заоблачной высоты, на самое дно ущелья, с первыми каплями грибного дождя,

упали тихие слова, коснувшиеся на миг и моего «умиротворенного сердца»:

«Молитва и печальна, и тиха, и так напоминает о потере, что хорошо, что я в Тебя не верю. А может, Ты и сам не без греха? Молитва и печальна, и тиха, но Божьего не достигает уха. Господь лишен и милости, и слуха, и мудрости библейского стиха. Молитва и печальна, и тиха, но воздается каждому по вере. И я приговоренный к высшей мере, с надеждою смотрю на облака».

И вошла радуга.

«Нейтрино», – подумал я. И предпринял еще одну, циничную, мстительную и жалкую попытку отвернуться от себя самого. «От одиночества они наблюдают их, что ли?!»

Лукича рядом не было. Между тем его мудрая, грустная улыбка, незамутненный детский взор подслеповатых глаз, пронизывающих до самых костей, как ледящий горный ветер, уже преследовали и сопровождали меня повсюду, и влекли за собой, как древнего морехода, ориентирующегося по звездам, манили прочь от призрачной гавани именуемой одиночеством в толпе.

И мне вдруг стало бесконечно жаль жену, себя и прочих обитателей поселка – всех, кроме старого тяжелобольного и полусумасшедшего гения, не утратившего естественной способности созерцать мерцающие звезды.

ИЕРУСАЛИМСКИЙ СИНДРОМ

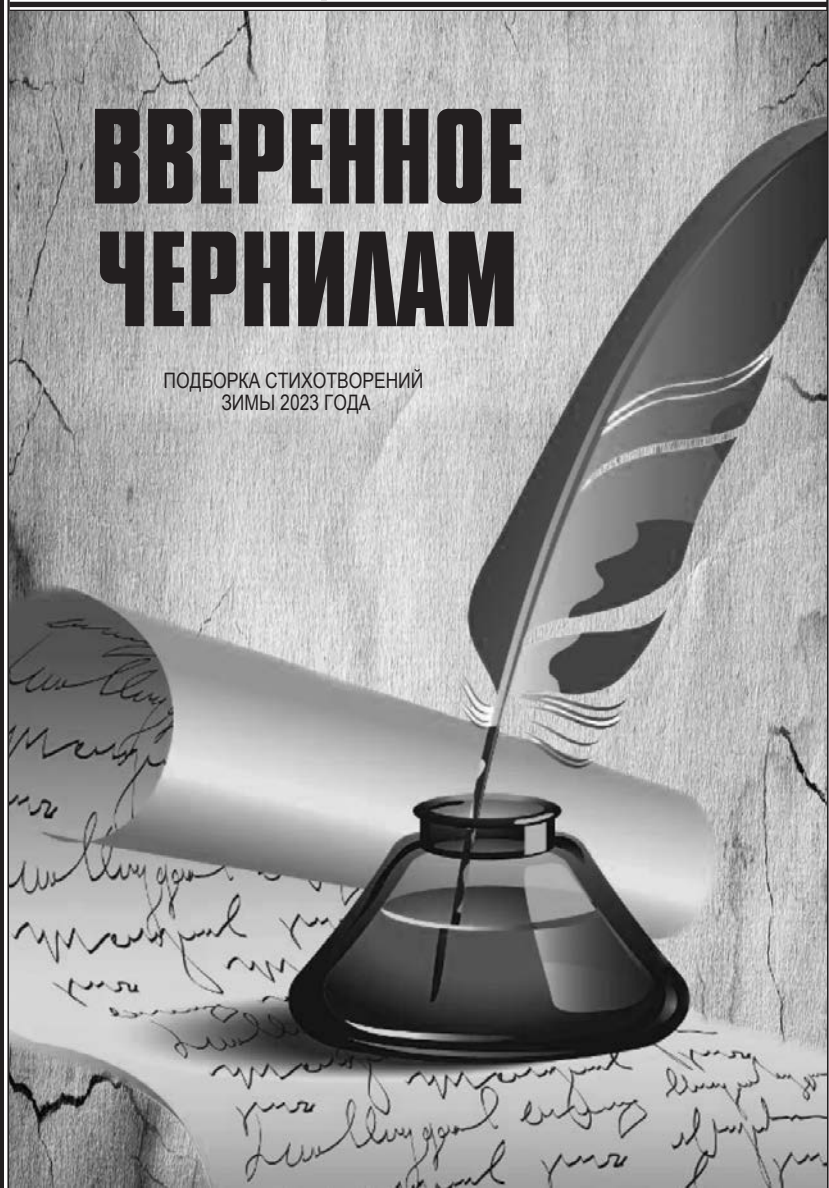
С тех пор как шасси лайнера авиакомпании «Ростов-Дон» коснулись посадочной полосы аэропорта «Давид Бен-Гурион», прошло не более двух часов, а впору было уже упаковывать нераспакованные чемоданы. Главная цель поездки столкнулась с неожиданным препятствием, казавшимся совершенно непреодолимым. (А казалось, что я все предусмотрел и был готов ко всему, давно уговорил себя и взял в руки.) Нам помогали наши многочисленные друзья, которых я невольно втянул в решение моей личной проблемы. Однако каждый их новый звонок не добавлял оптимизма. Через несколько минут, когда исчез последний луч и без того слабой надежды, мой двоюродный брат сказал мне и своей жене: «Собирайтесь, поедem к Западной стене» (Стене плача). От автостоянки до Стены мы шли минут десять. За это время перед моим мысленным взором пронеслась вся моя не слишком праведная жизнь. Ретроградный анализ не был утешительным.

тельным, и червячок сомнения проснулся в дремлющем сердце. Но в такие минуты и мы, убежденные атеисты, изменяем своей слепоглухонемой вере. Жена моего двоюродного брата надела косынку и подошла к Стене справа, вместе с другими женщинами, а мы надели наши кипы и подошли с левой стороны. Поскольку я не знал ни одной молитвы, то и молился как мог. Внезапно я понял (точнее ощутил), что тут, прямо за Стеной, живет Нечто. Слезы, которых мои глаза не знали несколько последних десятилетий, навернулись сами – они пришли откуда-то изнутри и сделали меня на очень небольшое, но строго определенное время совершенно незрячим. Поэтому я не помню, в какую щель вставляли мои дрожащие пальцы коряво написанную записку. До стоянки шли молча. Я вынужден был надеть очки с темными стеклами, поскольку ронять слезы прилюдно мужику, перешедшему экватор, пусть даже и несправедной жизни, по меньшей мере неудобно. Пожалуй, впервые в жизни не сумел справиться с эмоциями, уговорить себя – аргументы, которые в других условиях могли оказаться вескими, один за другим рассыпались под натиском императивного: «Не лги себе!» Двоюродный брат обнял меня, как когда-то давным-давно в детстве, и тихим, не вполне уверенным голосом сказал: «Ты должен научиться жить с этим». Мы не успели отъехать и пятидесяти метров от того места в старом городе, где он оставил машину, когда тягостно нависшую тишину разорвал звонок, единственный звонок, которого я ожидал почти полтора десятилетия. Проблема разрешилась сама собой – Бог услышал нашу молитву и совершил то, что, мы величаем чудом. Потом разное было, много всего. Но каждый раз, когда из окна автомобиля я видел Стены старого города, счастливая способность уговорить себя тонула в невесть откуда рождавшихся слезах, комом подступавших к самому горлу.

Сергей УТКИН

ВВЕРЕННОЕ ЧЕРНИЛАМ

ПОДБОРКА СТИХОТВОРЕНИЙ
ЗИМЫ 2023 ГОДА

КАК В МУЗЫКЕ ЖИВЕТ
«ДАВНО»

Окунали человека в жизнь
Год за годом вздохом и шагами.
Кто-то из беды творил ножи,
А другой выкладывался в гамме.

Гамом полоняли города
Говорливый день и жажда ночек.
Скучно ли жила сковорода?
Дорого ли становится прочим?

Закрывали двери и слова.
Закрывали двери и пред словом.
Нотами звучала голова
Возле звона серебра столового.

И давно затихли люди те,
Как любовь, затихли, как разлука.
Мы читаем в буквах на листе
Вымершие радость, боль и скуку.

И летит в концертный зал метро,
Экипаж, клаксон автомобиля
Нотами. И в них живет «давно»,
Словно бы строкой закона-билля.

О ЦЕНЕ БЕГЛОЙ **СТРОКИ**

Где ты, беглая строка,
Вдаль от пьяни катишься?
Ходит по миру тоска,
А пред нами, как тишь вся,

Строчкой брошенных страниц,
Отступлений книжных,
Убеганьем из границ,
Чем-то многим лишним

Остаются рубежи,
На которых люди,
На которых этажи,
Голова в простуде.

Долгое ношенье дней.
Сразу – как обузы,
А потом – приятье с ней
Доли. Весь – из груза.

Из обязанности весь
Пред собой, пред словом.
Навалилась память – взвесь
Все ее оковы.

Хоть боясь ее вериг,
Но держась за цепи,
Не сорваться хочешь в крик,
Не упасть в нелепость.

Ничего не забывать,
Нас не обесценить,
Чтоб всему на свете знать
И тариф, и ценник.

ПЕРЕВОД В МОЛЧАНИЕ

Переведи мне эту весну,
Талый снег и вот это утро.
Переведи мне всю их вину
И мои «никогда» и «трудно».

Изложи это в звуках из нот!
Расскажи это красками, кистью!
Покажи мне скульптурой резной
Все и всех, что я перечислю!

И не смочь тебе, не вместить –
Не поместишься даже в слове.
Немота живет, будто стих,
И молчание наготове.

ГАЗЕТЫ И ВЫПАВШИЙ ДОЛЕЙ СНЕГ

Снег – в окне. В приемнике – Китай
Раздается музыкой античной.
Улицу за улицей читай!
Пусть она не остается кличкой.

Пусть в окне прохаживался снег,
Белой тишиной на двор спадая.
И природа пряталась во сне,
В белизне сугробов пропадая.

Мне чуть-чуть печатной тишины,
Шелеста страниц, печатной речи.

И мелькают города страны
Под январский снег, притихший вечер.

И вот так прочитываешь жизнь
В суете газетных репортажей.
Только снег в окне давно лежит
Мертвенно и непроглядно даже.

О ВЕРЕ В ЧИСТОТУ БУМАГИ

Поэт как явление листа народу.
Носит рабством свою свободу.
Носит память и носит речь.
И перечит собой, перечит.

Как сбывается он в строфе.
Как потом с ним сбываются строфы.
Он укладывал в ямб и хорей
Голос свой и прошедшие тропы.

И прикладывал речи к листам
И людей, как прощанья, потери.
И бывала бумага чиста
Вся в чернилах. В чернилах, как в вере.

ЛЕТО В ПЕСНЯХ

Куплен джаз. И музыка гостит
В этом зале, в лета переулке.
Каждый из играющих постиг,
Как учить и научиться гулкому.

Песенки известность узнаешь.
И вот так играет в песне лето.
И оно чуть-чуть, чуть-чуть твое.
Не отпето, даже не пропето.

И под эту однозначность кровли
Раздаются джаза шаг и зов:
«You're still growing,
You're still growing,
You still grow...»

О ЖИЗНИ И ЕЕ РЕШЕНИИ

Человек решает свой пример,
И задача на него решается.
Награждает человека мерой,
Что в листах тетрадных запирается.

А ему с листка не убежать.
Не закрыть учебника не сделав.
Он теперь решился б на кровать
И на сон свой цвета света белого.

Но не отпускает от себя
Сложная несносная задача.
И сидит он, тишиной крепясь,
Над решеньем, что когда-то начал.

Парты все же выпустили нас.
Но, держась за жизнь, что не отпустит,
Мы ее не покидаем час,
Как заданье радости и грусти.

Камиль ДАДАЕВ

ПОДУМАЕШЬ, БОЛЬНО...

СТИХИ

В оформлении использована иллюстрация Линд Уорд

СОРОЧКА

Мне снился дом... Дом, спрятанный в глуши
Среди лесов дремучих и суровых.
А в доме том, казалось, ни души –
Жильцов нет прежних и не будет новых.

А в доме том все гости: солнца свет,
Игривый ветер, высохшие ветки,
Истлевшая тетрадь, мужской портрет,
И две в пыли хромые табуретки,

И зеркала, и старый книжный шкаф,
И в зеркалах играющие блики,
На полочке букет из разных трав,
А под окошком свежий куст клубники,

Фигурки две, застывшие в мольбе...
Воспоминаний долгая цепочка.
А в доме том на память о тебе
Висящая на гвоздике сорочка.

А в доме том слышны твои шаги,
Слышны едва, почти неуловимо,
И еле видный след твоей руки,
Как будто ты опять проходишь мимо.

Проходишь мимо всех моих стихов
И таешь в них едва заметной тенью.
Волшебной птицей выпорхнешь из снов,
Как будто призывая к пробуждению.

А в доме том все о тебе кричит,
Напоминая мне о днях чудесных.
Мы там одни, и песенка звучит.
Что будет завтра, нам неинтересно.

Мне снился дом и хвойный лес кругом,
С водою дождевой стальная бочка.
А в доме том, как память о былом,
Висящая на гвоздике сорочка.

24.06.2022

НАС БОЛЬШЕ НЕТ

Нас больше нет! Теперь мы только блики
На сотканной из судеб простыне.
Нас больше нет. Есть боль, тоска и крики,
Звучащие, как песни, в тишине.

Какой незримый дух годами тешил
Нас, разделенных каменной стеной?
Мы верили: в стене той будут бреши,
Что стала неприступною скалой.

Нас больше нет! Теперь мы только эхо,
Пропавшее в журчанье горных рек.
Среди веселья и людского смеха
Мы скорбь, в которой тонет новый век.

Тот век, в котором босиком по снегу
Мы шли друг к другу сквозь густой туман
И верили, что перейдем вброд реку,
Она же превратилась в океан.

Нас больше нет! Теперь мы только тени,
Блуждающие в предрассветный час
По улочкам заброшенных селений
Среди обломков, что не помнят нас.

Борясь за вечность, все сломали копья,
Не ведая, куда несет поток.

Молчим, как мхом заросшие надгробья,
Как выросший меж ними колосок.

Так прожит век, и мыслей не осталось,
И ход событий вспять не повернуть.
И ты с мечтой как будто распрощалась,
И я не вправе изменить свой путь.

Сестра-судьба подрезала нам крылья,
И все мосты над бездной сожжены.
Нас больше нет! Мы стали серой пылью
На книгах, что не будут прочтены.

27.07.2021

НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ...

Отпусти меня на все четыре стороны.
Разлюби меня, как мертвого царя.
Над могилой чувств пусть кружат стаей вороны.
К черту пристань! Поднимай все якоря!

Отпускай меня в таинственное плаванье
Да навстречу всем напастям и штормам.
Изгоняй меня из этой тихой гавани,
Прочь из памяти, из снов ко всем чертям.

Что теперь все наши тайные свидания?
Плот надежды хрупкий вдребезги разбит.
Грянет долгое кричащее молчание,
Да и музыка в нас больше не звучит.

Только помни: новых чувств уже не выпросить,
Коли в сердце раскаленная дыра.
Пой не пой – из песен скорби слов не выбросить.
Отпускай меня в ночи на все ветра.

Отпускай меня на все двенадцать месяцев,
На столетия, эпохи, на века.
Жги все письма – в них лишь вздор да околесица.
Жги мосты, взрывай крутые берега.

Отлучи меня от сердца, словно грешника,
Словно ворогу продал Святую Русь.
Прочь от песенок притворных пересмешника
Черным вороном над лесом я кружусь.

Что теперь все разговоры наши тайные?
Что теперь все клятвы, брошенные вслед?
Жизнь казалась нам лишь паузой чайною,
Но погас костер да вырубил свет.

Только помни: ввысь взлетая черным вороном,
Брошу взгляд вниз на потухшие огни.
Разлюби меня на все четыре стороны.
Прочь из памяти, из сердца прогони.

08.08.2019

МЫ – ПРОЧИТАННЫЕ КНИГИ...

Мы – прочитанные книги
От начала до конца.
Бьются в такт тоске безликой
Наши хрупкие сердца.

Сколько тайн и откровений
Было скрыто между строк;
В омут бурных наслаждений
Уносил страстей поток.

Шепотом слегка касалась
Ты бездомного зверька.
Послевкусием осталась
Наша общая тоска.

Мы – прослушанные песни
В клетке долгой тишины,
И не вырваться, хоть тресни,
Из реальности в те сны,

Где ни правил, ни запретов,
Где мы дышим в унисон,

Где, тебя однажды встретив,
Я навеки окрылен.

Только кошкой явь подкралась –
В ее лапах нервно бьюсь.
Послевкусием осталась
Нам обыденная грусть.

Мы – нахлынувшие волны
На скалистые брега,
И бессилием наполнен
Миг, что тянется века.

По чьей воле наши души
В круговерть вовлечены?
Кто на скалы нас обрушил
В облике немой волны?

Очарованные бездной,
На краю стоим вдвоем.
Послевкусие исчезнет –
Мы друг друга обретем.

05.05.2019

ПОДУМАЕШЬ, БОЛЬНО...

Подумаешь, больно... А разве могло быть иначе?
Изменчивость чувств – это старый, как мир, механизм.
Под скрип заржавевших пружин то давление скачет,
То куклой из воска недвижно лежит организм.

И вот я дрожу в этой ванной слепым Архимедом,
Не помня о том, что воды нет уже десять лет.
И воспоминаний кошмары за мной рыщут следом,
Сжимая в тиски нервной дрожью под кожей скелет.

Подумаешь, больно... А разве я мог по-другому?
Я загодя знал, каково это – вены кромсать.
Я знал, каково равнодушьем по сердцу живому,
Когда больше сил нет родное навек удержать.

Кричи не кричи, но гвоздей, что сливаются с плотью,
 Не вытащить вовсе и ласковым шепотом губ.
 А сердце завернуто в саван, тряпье и лохмотья,
 А тело лежит неподвижно на рельсах, как труп.

Подумаешь, больно! А разве не в боли вкус жизни,
 Когда каждый нерв раскален, как металл, докрасна?
 Вчерашние праздники станут рывком к новой тризне,
 И кровью зальем в землю брошенные семена.

На что эти песни, когда рты заклеены скотчем?
 На что эта музыка, если сабо на ногах?
 Когда ты ушла, стали слишком тоскливыми ночи.
 «Подумаешь, больно...» – звенело кантатой в ушах.

Подумаешь, больно... Знай, пальцы сжимая до хруста,
 Что ты не одна, кто так ласково в сердце моем,
 Как в звездную пыль, раскрошила заветные чувства,
 Изящно и тонко стальным ковыряя ножом.

01.01.2020

НЕ ОСТАВЛЯЙ МЕНЯ В ПОКОЕ

Там рук твоих холодных нежность
 На тонких венах лепестка,
 Играет в сердце безмятежность –
 Качает колыбель рука.
 Там в шорохе опавших листьев
 Я слышал шепот твоих губ,
 Где над водою серебристой
 Склонился одинокий дуб.

Там я вкусил сок жизни брэнной,
 Испил из тысяч чаш до дна
 Огонь, и воду с черной пеной,
 И яд любви, что мне дана.
 Я за тобой, как греки в Трою,
 Кривую гладь зеркал разбив.
 Не оставляй меня в покое,
 Пока я жив, пока я жив.

Там лес сосновый. В нем ни трели,
Ни пенья птиц в заветный час.
Там только бури и метели,
Цветущие с рожденья в нас.
И вечность, прикасаясь к плитам,
В явь превращает наши сны.
Там в камне, мягким мхом покрытом,
Твои слова заключены.

Там я дышал, вдыхал всей грудью
Твоих волос колючий дым,
Стоял, как знак на перепутье,
Разбитым, но еще живым.
Душа парила над рекою,
Покрытой тонкой коркой льда.
Не оставляй меня в покое
Сегодня, завтра, никогда.

Не оставляй меня в покое,
Покуда речь моя жива,
Из скорби, пережитой мною,
На свет рождаются слова,
Покуда в этом доме запах
Всех наших грез еще храним,
Пока в судьбы колючих лапах
Мы дышим воздухом одним.

20.09.2022

Валерий ТАКАЗОВ

**ОБ АГУБЕКИРЕ КУБАТИЕВЕ,
ПОГИБШЕМ ПОД МОЗДОКОМ В 1942 ГОДУ,
И АГУБЕ КУБАТИ,
УМЕРШЕМ В МАЕ 1958 ГОДА**

А. Кубати

Отцы и дети*

Среди кавказских народников, высланных на север из своих горных аулов, оказался и учитель, осетин Аригон, который даже в поселке ссыльных не забывал о своих профессиональных, вернее, гражданских обязанностях: учить и просвещать.

– Учение как свет, оно везде нужно, – говаривал он не только детям, но и взрослым. — Все несчастье человека в его жизни не что иное, как проявление черных сил тьмы и невежества. После убийства Кирова, когда осужденных с десятилетними сроками стали перемещать еще дальше на север, Аригона оторвали от его земляков, от жены и сына, и он снова оказался вместе с этапирруемыми в Соликамской тюрьме, отгороженный от мира дощатой оградой, оплетенной колючей проволокой.

О причине его высылки Аригон рассказал мне следующее: раз на районной учительской конференции Дигорского района Осетии докладчик А. Габети закончил свой доклад словами Ленина о том, что-де учитель нигде не поднят на такую высоту, как в Советском Союзе. Многие заискивающе аплодировали докладчику, но Аригон, выйдя на трибуну, повторил слова, сказанные поэтом Малиевым:

Окончание. Начало см. «Дарьял» 6'2022.

* Журнал «Воля», Мюнхен, 1953, № 4.

– Товарищ докладчик прав. Советская власть действительно подняла учителя на такую высоту, что он даже не может дотянуться рукой до куска хлеба...

Годы ссылки, полные нужды, лишений и невзгод, почти до неузнаваемости изменили внешность Аригона.

– Да, – улыбался он, – годы немного согнули меня, но от того, что я ссутулился и побелели мои черные усы, я стал ближе к смерти, но не к советской власти.

Накануне нашей отправки из Соликамской тюрьмы судьба принесла Аригону новые испытания. Среди задержанных на железнодорожной станции и препровожденных к нам в тюрьму трех беспризорных ребят оказался и единственный сын Аригона Эльбрус. Во время прогулки я стал случайным свидетелем их поистине драматической встречи, которая более походила на встречу строгого учителя с провинившимся учеником, чем отца с сыном.

– Эльбрус? – строго спросил Аригон, не подавая сыну даже руки. – Сбежал от матери?

– Нет, – ответил Эльбрус, не смея взглянуть отцу в глаза.

– А где же мать?

Из-под ресниц насупившегося мальчика показались слезы.

– Умерла? – страшным, упавшим голосом спросил Аригон.

– Бревном придавило, – ответил Эльбрус и стал рассказывать, как это случилось на берегу реки и как после смерти матери его, Эльбруса, отправили в колонию беспризорников, откуда он вместе со своими сверстниками Митей и Васей «купил плетть» — бежал.

Но отец, как мне казалось, не слышал более тихого болезненного голоса сына, повествовавшего о своих беспризорнических скитаниях, о побегах и о своем плане пробраться на юг, где тепло и есть что «шамать». Он кончил свой рассказ тем, как их троих «мент накрыл» среди лесов в товарном вагоне и привел сюда, в тюрьму.

– Сейчас по указу правительства хватают всех беспризорных и пихают в тюрьму, – добавил Эльбрус со злобой.

Но отец его все еще молчал, уставившись в землю. Он, видимо, в этот момент больше думал о погибшей своей жене, чем о найденном сыне. Я пошел в камеру, чтобы принести Эльбрусу наш общий с Аригоном хлеб (пайку), но когда вернулся, то около Аригона и его сына я застал Митю и Васю. Я разделил хлеб между мальчиками, но Эльбрус не спешил есть.

– Он у нас хворый, – пояснил Митя, – понос у него...

– Потому нам и не удалось сплитовать, когда мент вел нас сюда, – добавил Вася.

– А ты брось, – заметил Митя, – в глаза ему пальцем тыкать.

– Я не упрекаю, – сказал Вася, метнув взглядом в Эльбруса.

– На то и товарищи, чтобы в беде выручать друг друга, – сказал Митя. – Эльбрус больной... бежать не мог с нами... его мент сцапал и поволок... в участок. Я тогда говорю Васе: «Поворачивай оглобли. Без помощи Эльбрус помрет в тюрьме. Так мы и явились в участок».

– Ради товарища, значит, сели, – вставил опять Вася.

– А ты не тыкай в глаза... понял?!

– Плюнь мне в рот, если тыкаю...

– И плюну! – пригрозил Митя. – Не веришь?!

– Верю, – притих Вася.

Все это время я, как и Аригон, слушал ребят молча. Взгляд Аригона несколько раз от Мити и Васи переходил на Эльбруса, и последнему чудился молчаливый упрек отца. Он заметно смутился. На бледно-зеленых щеках его появился легкий румянец. Отец хотел вести его в околоток, но Эльбрус сказал, что он уже был там и получил лекарство.

– Кто же тебя повел туда? – удивился отец.

– Ребята, – ответил мальчик.

– Ребята, – растроганный отец, не пожавший руки своему родному сыну, обнял этих чужих, грязных ребят. – Спасибо, дети. Забота о другом – все равно что забота о самом себе. Скажу больше, дети мои: самое главное в человеке – это его способность заботиться о других. Будьте же всегда добрыми, чуткими товарищами.

– На этот счет, пахан, будь спокоен, – сказал Митя. – Мы такие... Не оставим друг друга в беде без помощи...

– А кто сухарей добыл для Эльбруса? – вскинулся Вася. – Я смылил у фраера. Ради товарища, значит, рискнул...

– Подумаешь, рискнул, – сказал Митя. – Если ты такой рисковый, сигани через ограду или шмыгни промеж ног легавого, что охраняет калитку... Слабо тебе? А я, посмотришь, сдеаю...

– Ну, ну, дети, не спорьте, все вы «рисковые», – сказал Аригон, невольно улыбаясь. Вернувшись после прогулки в камеру, он мне признался, что, слушая этих ребят, он забыл о своем личном горе, которое в притихшей камере снова, видимо, навалилось на него всей своей тяжестью. Тень решетки, падавшая на него от окна, делала его похожим на муху в паутине.

Глядя на него, я думал о тени тюремной оконной решетки, ведь она падает на всю страну.

На следующий день Эльбрус снова присоединился к нам во время прогулки. Он выглядел еще хуже и слабее, хотя пытался убедить своего отца, что ему уже лучше.

– Мы хотим «купить плеть», – сказал он.

– А что значит «купить плеть»? – спросил его отец.

– Не понимаешь, папа?.. Это значит...

– Это значит, – перебил Аригон сына, строго посмотрев на него, – что ты начинаешь становиться уличным мальчишкой и разговаривать на жаргоне беспризорных. Недаром говорится: с кем поведешься, от того и наберешься.

– А разве Митя и Вася – плохие товарищи?

– Я не говорю, что они плохие. Не их вина, что они уличные мальчишки, но ты ведь сын учителя. Значит, не они должны быть для тебя примером, а ты для них.

– А если они, Митя и Вася, умнее меня? – рассмешил нас Эльбрус признанием интеллектуального превосходства своих товарищей и стал подкреплять свое преклонение перед Митей и Васей примерами из совместной с ними жизни. Вася, правда, любит «якать», как выразился Эльбрус. Но Митя уже «стреляный», он из любого положения умеет найти выход, из всех он самый смелый, упрямый и честный. Никогда не обманет; если что задумал, то непременно и сделает.

– Вот и сейчас он задумал побег и убежит, – сказал Эльбрус. – Он уже и план даже выдумал ...

– План побега?

– Ну да... Наша камера ведь не запирается. Можно выйти ночью, когда сменяют охрану у калитки. Один кинется к забору, будто хочет перескочить через него, тогда охрана забудет о калитке. В это время мы шмыгнем мимо легавых в калитку, а когда побегут догонять нас с Митей, то и Вася выскочит через ту же калитку. Вот какой план у Мити!

– Интересный план, – многозначительно сказал Аригон, вызывая сына на дальнейшую откровенность.

И Эльбрус действительно дополнил сказанное им признанием, что он еще не совсем здоров и что из-за него пока откладывается побег. Но ждать долго тоже нельзя; ребята уже разнюхали у надзирателя, что их на днях отправят обратно в колонию беспризорных баланду хлебать ...

– Интересно, очень интересно, – сказал задумчиво Аригон.

Потом спросил:

- А вы, писатель, что на это скажете?
– Я, право, не знаю, что и сказать...
– Не знаете? – продолжал Аригон. – Я тоже не знаю. Дело опасное и сложное. Надо все как следует обдумать.

Последние слова Аригон адресовал к сыну, что явно льстило самолюбию мальчика. Во всяком случае возбужденное лицо его после слов отца стало серьезным.

– Ты, Эльбрус, должен руководить своими друзьями, как ты это умел делать еще в школе. Митя умный, но ты должен проявлять свою самостоятельность, если хочешь, настойчивость и сделать так, чтобы ребята тебя уважали. В этом деле я и вот писатель наш тоже будем тебе помогать. Пусть ребята не спешат с выполнением своего плана: скажи им, что надо это дело обдумать еще и еще раз, чтобы не получился у вас провал...

– Хорошо, папа, я им скажу: поспешишь – людей насмешишь, – молвил Эльбрус, расставаясь с нами в конце прогулки, тоном взрослого, серьезного человека.

Сын, конечно, и не подозревал, что своим сообщением о задуманном мальчиками побеге он лишил отца аппетита, покоя, сна. К вечерней баланде Аригон даже не притронулся; он долго лежал на койке, зарывшись лицом в свою подушечку. Проснувшись ночью, я снова увидел его маячащим по камере взад и вперед. Мне казалось, что не человек ходит по камере, а в полумраке плавают бледное мертвое лицо. На следующее утро Аригон поднялся позже всех, на прогулку не вышел, даже в камере старался уединиться. Почти весь день он пролежал, молча глядя в потолок. Даже со мной он перестал делиться своими мыслями. Собственно, не о чем было нам с ним уже и говорить. О затеяншемся побеге ребят мы уже толковали достаточно и нашли его опасным, наивным и бесцельным. Если бы даже удалось ребятам бежать из этой тюрьмы, то их рано или поздно поймают и посадят в другую. Пребывание на воле сопряжено для них с тем же голодом, которым пугала их тюрьма. Более того: если тюремную «пайку» они могли иметь без особого риска для своей жизни, то на воле борьба за кусок хлеба, без которого ведь трудно и день прожить, грозила детям тысячами опасностей. Но отговаривать ребят от побега мы тоже считали неуместным, ибо их должны были направить в «колонию беспризорных», где из детей воспитываются враги их же собственных родителей.

– Чего доброго, года через четыре мой Эльбрус станет комсомольцем и, явившись к отцу в форме энкаведиста, сам поведет

его на расстрел как «врага народа», – сказал мне Аригон. – Разве мало было таких случаев... Одна из моих школьниц в Алагире убила своего отца-священника из-за того лишь, что ей отказали в приеме в комсомол, потому что она была дочерью священника. Глупое дитя решило, что, убив своего отца, оно тем самым докажет свою преданность комсомолу. Ее осудили и поместили в колонию малолетних преступников, где она и вступила в комсомол. Нет, чем иметь такое потомство, лучше его не иметь вовсе. Плодить отцеубийц, безбожников, палачей – это преступление против всего человеческого рода.

– Но что делать? – спросил я.

– Что делать? – повторил Аригон тем же глухим шепотом. В окно светило нам ночное небо; тень решетки, ломаясь о край подоконника, снова упала на лицо Аригона, когда он, вытянувшись, как труп, на койке, уставился в потолок.

– Что делать? – повторил он еще раз.

Немного помолчав, Аригон твердо сказал:

– Чем отдать сына им, лучше отдать его пуле тюремщика. Пусть эти негодяи убьют его на моих глазах.

– Что вы!..

– Да, да! – вскочил Аригон. – Пусть бегут..

Не успел я в эту ночь заснуть, как был разбужен выстрелами. Два ружейных выстрела всполошили всю тюрьму.

– Побег... – сказал кто-то глухим шепотом.

Топот бегущих и голоса, доносившиеся временами со двора, еще более усиливали нашу настороженность, но никто не осмеливался подняться и посмотреть в окно; запрещалось это делать ночью, и всякий, нарушивший это «правило внутреннего распорядка», рисковал получить пулю с вышки часового.

Мы с Аригоном, конечно, не сомневались, что выстрелы были вызваны побегом ребят, что и подтвердилось утром. Аригон, выйдя с парашей, вернувшись обратно, как раненый, со стоном упал ниц на койку. Его спутник рассказал нам, что ночью трое из камеры беспризорных устроили побег во время смены караула. Один из них шмыгнул промеж ног часового, охранявшего калитку, и скрылся в темноте. Другого пуля с вышки настигла на заборе, и он, как рассказывают, до самого утра висел на колючей проволоке; потом труп бросили в угол около водопровода и накрыли мешком, а третий..

– Это его сынок, – сказал, понизив голос, рассказчик, кивнув в сторону Аригона. – Его, раненого, на наших глазах надзиратель поволок к околотку. Он, этот пацан, истекая кровью, где-то

спрятался около мусорного ящика, там и нашел его надзиратель. Отчаянный малый...

Несчастный отец старался заглушить свои рыдания, уткнувшись лицом в подушечку. Я схватил ведро и попросился «по воду», чтобы узнать, кто из ребят оказался под мешком около водопровода. Только после того, как крикнул меня дежурный надзиратель, я заметил, что держу под краном переполненное ведро: вода, струями разбежавшаяся по земле, подбиралась уже к мешку, под которым я видел тело маленького узника Васи. Земля поглощала воду и кровь, просочившуюся из-под мешка. Пролитой воды было жаль надзирателю, но не детской крови...

Всю ночь она стекала по доскам тюремной ограды; окрасила угол ящика, из-за которого выволоч надзиратель Эльбруса. Я заметил темные пятна и на булыжнике, и на ступеньках околотка.

– Что глаза таращишь? Проваливай! – донесся до меня окрик часового с вышки.

На другой день мне виделись эти темные пятна на подоконнике нашей камеры и на полу около опустевшей койки учителя Аригона. Он весь день пролежал, не отрывая лица от своей подушечки, а ночью, вскочив на подоконник, разбудил всех своим криком:

– Стреляйте, негодяи! Палачи!

Вслед за этим действительно прогремел выстрел, за которым послышался глухой звук падения человеческого тела...

Аригон был еще жив, когда его унесли. Никто в нашей камере в эту ночь не мог уснуть.

На перекате*

У ног моих рождалась и таяла пена волн Вишеры. Мысли ступили душу и холодом ужаса пробежали по нервам. Я думал: баржи уйдут, и след их захлестнется водой. Детские слезы на песке тоже слизнет набегающая волна, или их смоят холодные осенние дожди. А ветер унесет в тайгу последние скорбные звуки многосотенной толпы спецпереселенцев. Истлеют трупы жертв голода, террора, нечеловеческих мук, и могильные холмики зарастут таежным бурьяном. Над местом этой очередной советской трагедии, как ночь, опустится занавес вечного молчания тайги, безлюдного дикого берега Вишеры.

* Журнал «Воля», Мюнхен, 1953, № 1.

Чувствуя, что на глаза мои снова набежали слезы, я который уже раз сполоснул лицо холодной водой. Вода пахла трупом. Бревна, которые мы вытаскивали баграми на берег, казались мне трупами. Впрочем, этот запах исходил не только от воды. Весь берег, на котором мы, концлагерники, работали, был густо покрыт человеческими телами – живыми и мертвыми, умирающими. Лица живых выглядели более страшно, чем лица покойников. Это была очередная партия ссыльных «кулаков». Их по Вишере вели на север, но отмель «Говорливый перекат», куда нас пригнали на работу по сплаву леса из концлагеря, находившегося в нескольких километрах, преградила путь баржам.

Тысячи людей, измученных, потерявших уже человеческий вид в тюрьмах и на этапах, оказались высаженными на дикий, пустынный берег и там под открытым северным небом должны были ожидать, пока поднимется уровень воды и ссыльные смогут продолжить свой скорбный путь туда, откуда нет для них возврата. Пищи «кулакам» не выдавалось, их собственные скудные запасы давно истощились, а тех, кто в поисках пищи пытался пойти на столь редкие в этой местности «чалдонские» хутора, настигала пуля охранников, кольцом окружавших ссыльных, прижавших их к берегу Вишеры. За десять лет, проведенных мною в тюрьмах и концлагерях, я впервые увидел людей, которые даже нам – концлагерникам – завидовали. Как-никак, а нас все же кормили. Крыша барака укрывала от непогоды, ветра и холода. Их же нередко мочили осенние дожди по ночам, а днем совсем невыносимым становилось зловоние разлагающихся трупов, которых с каждым часом становилось все больше. Концлагерь и могила стали мечтой этих людей.

Нам было запрещено общаться с ними, но кое-кому из нас удавалось поделиться с несчастными «кулаками» скудным лагерным куском хлеба и даже поговорить. Так и я познакомился с матерью двоих детей-малышей, выросших на этапах. Фатима оказалась моей землячкой, и мы беседовали на нашем родном осетинском языке. Точнее, Фатима тихонько причитала, оплакивая свою поистине мученическую жизнь и судьбу малышей, от которых оставались еще кости, завернутые в тряпье, и поблекшая кожа лиц, казавшаяся заплатами на темных лохмотьях одежды.

– Жизнь как тюремщик, достойный только презрения, – сказала Фатима. – В первую же ночь, когда выгнали нас из теплой сакли на зимний холод, я уже подумала, что жизнь отныне стала нам врагом, и хотела швырнуть ее в пропасть...

Она поглядела на детей, сидевших с поникшими головками, точно чувствуя свою вину перед матерью.

– Мне не было страшно это сделать, но... что было бы с маленькими?... – продолжала Фатима. – Да, страх перед Всевышним и долг матери перед детьми, рожденными под несчастной звездой, остановили меня на самом краю пропасти. Мы переночевали в нашем родовом склепе – на кладбище. Нас звали на ночлег не только сородичи, но и чужие люди, но мы отказались, ибо был приказ: кто пустит на ночлег раскулаченных, тех ожидает такая же участь... Нам было, конечно, приятно, что наши сородичи и односельчане готовы рискнуть ради нас, но делиться с народом своим несчастьем – сохрани Бог!

И Фатима заплакала, охваченная горестными воспоминаниями.

– Я тогда еще не была такой слезливой, как теперь, – добавила она, стараясь улыбнуться и подавить свои слезы.

Молодое лицо ее сейчас же стало снова мертвенно-бледным, безжизненно-холодным, когда она после короткой паузы продолжала свои воспоминания. Мне даже показалось, что Фатима уже не ощущает своих слез, текущих помимо ее воли из помутневших черных глаз, и даже своего голоса, который тоже омертвел в своей скорбной монотонности.

– Да, быть источником или причиной несчастья других – это самое большое несчастье на свете. Утром, когда мы вышли из склепа, все встречные прятали от нас глаза. Никто не мог смотреть нам в глаза. Будто все были виновны в нашем несчастье. Но я все-таки видела слезы в чужих глазах. Эта дань сочувствия нашему горю согревала меня и мужа, но дети плакали и старались согреть посиневшие ручонки своим дыханием. Когда мы проходили мимо нашей сакли, дети вдруг почти в один голос сказали: «А из нашей сакли не идет дым!». В этот момент мне показалось, что зимняя буря ударила меня своим ледяным крылом. Я невольно посмотрела на мужа и только теперь обратила внимание на то, что усы его были запорошены. Как раз в это время наш скот выгоняли со двора, но скот разбежался, мычал, точно в стадо забрался волк. Снежные хлопья, густо падавшие с низкого неба, мешали нам смотреть. Я даже не заметила, как наш теленок оказался около детей. Они льнули к нему: «Мама, мама, он дрожит от холода!» Я не сдержала более своих слез. Где-то протяжно мычала корова. Мне казалось, что это наша корова ищет своего теленка. Я очнулась только на мосту... Муж держал меня за руку и нервно говорил: «Что ты? С ума сошла?».

О, лучше бы он дал мне возможность исчезнуть в холодных волнах Ирафа!

Всю дорогу он внушал мне, что надо выдержать все невзгоды до конца – ради детей. Но после того, как на пересыльном пункте в Тагиле нас с мужем разъединили, я осталась одна со своим отчаянием, горем и детьми... Я не смею думать даже о том, чтобы сбросить с себя эту тяжесть все увеличивающихся невзгод и пыток, которая называется жизнью ссыльного. Уйти из этого холодного мира, оставив в нем своих беззащитных сирот – это ужаснее, чем все мои невзгоды. О, Боже, за что такое наказание?

Худая, костлявая рука Фатимы легла на лохмотья, прикрывавшие детские тела. Мать смотрела на небо и иссохшими бледными губами шептала слова молитв. А дети молча смотрели на бескровное лицо матери со следами слез, напоминавших мне следы плети.

Когда мы расставались, она сказала:

– Но все-таки Бог милостив к нам, послав на помощь нашего земляка. Да воздаст тебе Всевышний за твои заботы и помощь...

На следующее утро, когда я передавал Фатиме очередное подаяние, кто-то неожиданно ударил меня по руке. Хлеб и селедка вместо детских рук попали в воду... Надзиратель, выросший передо мною, как из-под земли, брызгая мне в лицо слюной, кричал:

– Кулакам помощь даешь? Интеллигентская твоя душа! Завтра ты пайки не получишь! Другим будет наука...

Я видел потом, как сгорбившаяся мать удалялась от нас. Она шла с детьми вдоль реки и ярко озаренная утренним солнцем остановилась над кручей. Дети почему-то хватались за полы ее платья и плакали... Потом сосед мой спросил меня:

– Видел?

Я посмотрел на кручу. Ни матери, ни детей там уже не было...

Если в этих рассказах писатель предстает как очевидец раскулачивания и доносительства в Осетии, то в мюнхенский период он уже общественный деятель, редактор газеты «Кавказский народник» и в определенном смысле политик, возненавидевший советский строй. Статьи Агубе Кубати всегда вызывали интерес на Западе, особенно в эмигрантских кругах. В качестве примера приведем последнюю в его творчестве статью, опубликованную в № 3 «Информационного бюллетеня представительства российских эмигрантов в Америке» за 1958 г.

Уроки Лиенца

Не думайте, уважаемый читатель, что я еще раз хочу повторить то, что за прошедшие года уже сказано и написано о трагедии россиян под Лиенцем. Я как бывший член Кавказского комитета, созданного беженцами под Лиенцем, считаю, что всей правды о Лиенце еще не сказано. Это не значит, что в сказанном и написанном о Лиенце нет вообще никакой правды, но воспоминания отдельных свидетелей лиенцской выдачи не раскрывают и не в силах раскрыть главного: кто же все-таки виновен в этой народной трагедии, кто ее подготовил и кто несет за нее главную ответственность перед историей и нашими народами?

Отвечая на этот вопрос в рамках настоящей заметки я ограничусь лишь указанием основных данных, способных ответить на него. Прежде всего, следует напомнить о так называемых «немецких ошибках». Среди военной немецкой администрации были лица, которые всячески старались покровительствовать бывшим членам коммунистической партии, мотивируя эту свою политику тем, что, мол, бывшие советские администраторы – члены партии, комсомола и прочие, вплоть до энкаведистов – лучше знают советскую действительность и располагают опытом «работы» руководства. Нужно подчеркнуть, что и местные руководители освободительной борьбы не возражали против того, чтобы тех, кто честно раскаялся в своих прошлых грехах и хочет стать борцом за свободу своего народа против большевизма, не подвергать излишним репрессиям. Но они категорически отвергали примитивно-утилитарный подход к оценке бывших советских людей и допущение их к руководящей работе. На этой почве бывало немало стычек на местах с немецкими военными администраторами.

Но, к сожалению, верх обычно брали немецкие администраторы. Так, в городе Нальчике (Кабарда) они посадили в качестве бюромайстера партийца – профессора, бежавшего из Ленинграда. Городскую полицию возглавил партиец, подобранный немцами буквально на дороге. Неудивительно, что такие лица вели борьбу не против большевиков, а против антикоммунистов. Нальчикский административный аппарат весь был превращен большевиками в подпольный штаб, который потом, почувствовав угрозу ареста, сбежал. Таких примеров я мог бы привести сотни. Немцы наивно

полагали, что они «используют» бывший советский административный аппарат и его руководителей в своих интересах, но на деле советская пятая колонна использовала их самих в своих целях. Советское подполье все шире разворачивало свою сеть, насажая «перебежчиков» повсюду – в штабах, на должностях переводчиков, поваров, секретарш, которые занимались всеми видами диверсии, включая провокационные массовые аресты крестьян как «партизан». В селе Чикола (Осетия) «секретарша» коменданта в одну ночь заставила арестовать около 300 крестьян, которых с большим трудом удалось освободить. Советские лазутчики, проникшие в немецкие военные штабы и части, нередко провоцировали конфликты между населением и армией. В селе Сурх-Дигора был ими спровоцирован такой конфликт между немецкими танкистами и сельчанами, который чуть не кончился разгромом села. Охрана военнопленных в лагерях почти полностью находилась в руках «раскаявшихся» энкаведистов, которые жестоко мстили пленным. В Георгиевском лагере (С. Кавказ) был «барак офицеров», который представлял собой отдел НКВД, поставивший немцам «военных добровольцев» – офицеров.

Вполне естественно, что не была органами НКВД упущена и «работа» среди той массы, которая двинулась вместе с отступавшей германской армией с родины. Данные показывают, что еще в Симферополе, потом и из Белоруссии отправлялись списки беженцев обратно в органы НКВД.

Вот тут уже выходит на сцену так называемый сепаратизм в лице тех организаций кавказцев, которые окружали Остминистериум.

Дело в том, что сами горские народы отвергали «представителей» сепаратистов, прибывших на Северный Кавказ с германской армией в качестве «консультантов» и посредников между немцами и местным населением. Выслушав на одном митинге такого «представителя», северокавказского комитета, изложившего свою «программу» будущего, горцы заявили немцам, чтобы к ним не посылали больше таких «освободителей». И немцы вынуждены были считаться с мнением народа. Представители «берлинских комитетов», в частности северокавказского комитета, немцами держались в стороне от народа, редко кому из них удавалось попасть в гости к местному населению («на банкеты»).

Взаимоотношения армии и местного населения регулировало руководство местной освободительной борьбы. Видя это, «сепаратисты»

ратисты» стали на путь «смычки» с советскими элементами, оказавшимися в поле их зрения, и вместе с ним начали с помощью немецкой военной администрации и связей в Остминистерии борьбу против местных антикоммунистов, их организаций и руководства.

Так, о главе беженской массы, которая тоже отвергла сепаратистских «ферреторов» берлинские «комитеты» при помощи Остминистерии стали насаждать удобных им лиц из немцев и советских элементов, приспособившихся к беженцам. В конечном итоге беженцы, в том числе и те, которых посадили в «итальянский мешок», оказались зажатыми в кулаке своих «освободителей». Политическое руководство оказалось у нацистских «либералов» из немцев, военное и административное руководство – в руках советской агентуры – в руках советских лазутчиков, из которых некоторые были милостиво введены даже в состав северокавказского комитета и возглавили пропагандистские органы.

Таким образом, еще до своей встречи с англичанами под Лиенцем беженцы оказались в руках большевиков, которые, кстати говоря, даже во внутренней жизни беженцев восстановили «классовые» отношения, составили свою «платформу», положив в ее основу устав советских кооперативных организаций, уже «назначали» людей на посты в будущем своем «северокавказском государстве» и прочее. Одним словом, распоясавшийся энкаведист цинично забавлялся, глумясь над своими жертвами. Была сделана даже попытка «отобрать» полностью у берлинских комитетов их политическое руководство.

Нужно ли говорить о том, что советское руководство беженцами свои действия не ограничивало одними лишь легальными методами борьбы. Почти весь беженский полк, созданный для самообороны, был передан Тито (Тито Броз Иосип – югославский революционер, руководитель партизанского движения на Балканах, создатель социалистического государства Югославия, лидер югославских коммунистов. – В. Т.) в самый опасный для беженцев момент, когда беженцы действительно нуждались в охране. Но дело не только в том, что беженцев оставили без охраны. Среди беженцев действовала так называемая «молодежная организация» советов, которая связалась с красными, возглавлявшимися неким майором Ивановым в горах. Когда эта подпольная организация была разоблачена в лице одной из своих групп, то разоблаченные стали утверждать, что они «пошли к бадолиевцам (партизанам. – В. Т.), а попали нечаянно к майору Иванову». Некоторых из

этих лазутчиков беженцы судили своим судом, но большинство из них суда избежало.

События после капитуляции Германии не давали больше возможности вести в должной мере борьбу против советской пятой колонны среди беженцев. Вслед за капитуляцией немцев было смещено руководство беженцами, но было уже поздно. Сами советские лазутчики стали снимать свои маски и действовать открыто. Один балкарец заявил прямо: «Я Герой Советского Союза, был прислан для работы среди беженцев». Сепаратисты тоже открыто заявили англичанам: «Мы ничего общего не имеем с этим народом» и отделились от беженцев. Их руководители вообще не сочли нужным в столь драматический момент показаться беженцами. Советская пятая колонна подбросила к беженцам свою комсомольскую группу пропагандистов, состоявшую из молодых, красивых, как на подбор, девушек, которые влезли почти во все беженские шалаши. Вскоре рядом с беженцами на территории их лагеря появился лагерь возвращенцев, над которым был поднят советский флаг, и откуда доносились советские песни. Остатки дивизии Улагая (С. Г. Улагай, белогвардейский генерал-лейтенант. – В. Т.) были обезоружены этими девушками и перешли в советский лагерь. Руководители и члены «молодежной организации», которая состояла отнюдь не из одной молодежи, начали готовиться к тому, чтобы любыми средствами заставить беженцев вернуться обратно на родину. Руководство освободительной борьбы в свою очередь готовилось силой преодолеть препятствия и вывести всех беженцев в свободный мир.

Но даже в этом антикоммунистическом руководстве снова выявились «разногласия», разжигавшиеся сепаратистскими элементами, которые «заседали» с главарями советской агентуры в правлении беженцев и пытались сыграть на том, что новое, избранное вместо отстраненного руководство беженцами, называвшееся кавказским комитетом беженцев, приняло в свой состав одного из членов северокавказского комитета (берлинского) – генерала Хан-Келея-Герейя. На одном из первых же заседаний кавказского комитета, на котором обсуждался проект обращения к союзным англо-американским правительствам, этот генерал Хан-Келей-Герей предложил назвать кавказский комитет северокавказским, но это предложение встретило такой взрыв негодования среди остальных, что генерал поспешил отмежеваться от северокавказского комитета. После этого на приеме в английском штабе генерал пытался получить единоличное

назначение руководителем беженцев, состоявших из различных народных групп общей численностью около 10 тыс.

Все это заставило расколоться кавказский комитет беженцев, от которого отошел и полковник Улагай. На квартире у полковника Улагая было созвано экстренное заседание отошедшего от генерала большинства членов кавказского комитета и было решено немедленно же войти в контакт с казаками, что и было осуществлено.

Но не дремало и советское «руководство» среди беженцев. Еще в Италии оно проявило свою активность с оружием в руках. Так, перед отходом беженцев из Италии на штаб был совершен налет «бадолиевцев» (партизан), но их самих обезоружили. Тогда выступила северокавказская вооруженная пятая колонна, она попыталась прервать связь между казаками и горцами, выставив в момент отхода беженцев заслон в ущелье. Во время этой стычки казаки (конница) обошли советскую засаду с тыла, разгромили ее и взяли 8 человек в плен.

Эти обстоятельства предотвратили дальнейшее нападение на беженцев, которые готовились партизанами. Но в момент выдачи под Лиенцем «молодежная организация» советов снова попыталась действовать вооруженной силой, чтобы не дать беженцам возможности уйти из лагеря. Среди беженцев советская пропаганда пустила слух, что англичане ловят всех бегущих и расправляются с ними.

Однако после все увидели, что английские солдаты сами содействовали уходу беженцев в леса, на север. Это обстоятельство не снимает ответственности с английского руководства за трагедию беженцев, но валить всю вину за «Лиенцкую трагедию» только на союзников – англо-американцев – это значит исказить действительность. Ялтинское и Потсдамское соглашения оправдать невозможно, но они выносились не по инициативе западных держав.

В заключение следует со всей силой подчеркнуть, что и теперь, спустя 12 лет после Лиенца, беженцы готовы встретить новые «лиенцы».

Имеются достаточные основания сказать, что часть «молодежной организации» ушла из-под Лиенца с беженцами и продолжает свою предательскую, подрывную «работу». Условия для этого у нее теперь не менее благоприятные, чем при немцах.

Освободительные силы наших народов за рубежом после лиенцкого удара ослабли весьма заметно. Никогда за всю свою

историю они еще не несли таких потерь, как под Лиенцем и в последовавший за этим период. Дело не только в выдаче беженцев под Лиенцем. Не менее тяжелым ударом по освободительным силам Кавказа явилась выдача на севере Европы вооруженных частей – легионов. И в этом деле сепаратисты сыграли свою роль. Кто интересуется подробными данными о Лиенце и о «работе» советской пятой колонны среди кавказской эмиграции, могут найти их в моей брошюре, выпущенной Фондом имени Коста. В ней приводятся данные о той «работе», которую среди эмиграции вплоть до настоящего времени ведет кавказская пятая колонна после Лиенца.

История для нас – не самоцель. Уроки Лиенца должны вооружить нас, участников освободительной борьбы, для дальнейшей борьбы против коммунизма и его зарубежных пятых колонн.

В статье также приводится некролог:

«Смерть вырвала из рядов активных антибольшевиков стойкого бойца и талантливого журналиста – профессора Азубе Кубати. В ночь с 25 мая с.г. от излияния крови в области желудка он скоропостижно скончался в больнице г. Мюнхена в Германии. Осетинская эмиграция скорбит о незабываемой утрате своего соратника, и мы, русские антибольшевики, от всей души присоединяемся к этой траурной скорби. Азубе Кубати – редактор газеты «Кавказский демократ» – являлся также и нашим постоянным сотрудником. В этом номере «Бюллетеня» мы печатаем его посмертную статью «Уроки Лиенца».

Для исследователей истории Осетии в 20–30-е годы будет интересно узнать то, что в советской прессе не могло быть опубликовано вовсе. Привожу материалы из журнала «Воля».

Измаил Райс

НАРОД ПРОТИВ КОММУНИЗМА

Герои и палачи

Сейчас некоторым начинается казаться, что за долгие годы свирепствующего в СССР коммунистического террора (с его «научными» методами подавления волевых качеств че-

ловека, широчайшими репрессиями, использованием искусственно вызванного голода, всеобщей слежкой и т.д.) антирежимные, антикоммунистические силы народов в Советском Союзе уже совершенно парализованы и что народы не способны к решительным действиям. В связи с этим мне хочется вспомнить тридцатые годы. Тогда тоже были люди, полагавшие, что народы наши, схваченные за горло сталинской тиранией, распыленные и неорганизованные, лишены возможностей, сил и даже желания сопротивляться преступной власти. Но исторический опыт доказывает обратное. Оказавшись на краю гибели, люди окрепли духом, и многие из них перестали бояться смотреть энкаведистам в глаза. В такие критические периоды из толщи народных масс появляются волевые, даровитые, жертвенные вожаки – организаторы борьбы не на жизнь, а на смерть.

У нас в Осетии, как и в других областях Кавказа, такими организаторами были представители народнического подполья. Таким был мой односельчанин, житель села Дигора (Христианское) Петр Калабегов. Простой крестьянин, скромнейший человек, он никогда не претендовал на роль народного героя, но в эти дни сделался им. Недаром в народе Калабегова сравнивали с соколом, который в дни ненастья терпеливо ждал, пока отрастут и окрепнут его крылья, чтобы потом ринуться в бой с чекистским вороньем. И не зря коммунисты объявили высокую награду за его голову. Однако кроме чекистов никто не соблазнился советским червонцем.

Калабегов продолжал и после этого появляться в селе на своем красавце-гнедом, не раз оставался на ночь, бывал даже на «кувах» (пирушках), а голова его, плотно приросшая к крестьянским плечам, оставалась на своем месте. Многие же чубастые головы чекистов, которым и во сне мерещилась «высокая награда партии и правительства», слетели с их плеч.

Особую прыть в преследовании Калабегова проявили чекисты Эльбрус Хадарцев и его помощник Хадиков, рыскавшие по Дигорскому району, оставляя повсюду кровавый след своих рук. Несколько человек, уличенных в связи с Калабеговым, Э. Хадарцев собственноручно застрелил на глазах у населения. Этот кадровый палач прошел специальную муштровку. Член коммунистической партии с 1925 года, он окончил партийную школу в Ростове в 1926 г. и с того же года сделался

секретарем начальника Северо-Осетинского отдела ГПУ во Владикавказе, а с 1927 года – старшим оперуполномоченным этого кровавого учреждения, занимавшего огромный дом на Лорис-Меликовской улице.

30 июля 1930 года только в одном нашем селе Дигора (Христианское) Хадарцев арестовал за ночь 69 народников. Все они погибли в подвалах владикавказского ГПУ. 17 августа того же года Хадарцев снова появился в нашем Дигорском районе с отрядом войск ГПУ. Он застрелил Сабанова Додти – простого мирного крестьянина. По свидетельству семьи погибшего, Хадарцев умертвил Сабанова на пороге хаты, но в акте, составленном Хадарцевым, указывалось, что Сабанов убит при попытке к бегству. Подоспевшие народники Калабегова окружили чекистский отряд, но после боя, длившегося около часа, этот отряд был выручен подоспевшим подкреплением, потеряв несколько человек убитыми.

«Охота» за Калабеговым все усиливалась. 13 сентября 1930 года Хадарцеву, наконец, удалось окружить дом, в котором ночевал Калабегов у своего дяди Сандира. Однако, никто из хадарцевской шайки не отважился войти в дом. Тогда Хадарцев и Хадиков прибегли к помощи названного брата Калабегова – Петра Залеева. Залеев был членом коммунистической партии (он заведывал «торговыми точками» Дигорского района). Калабегов, свято чтивший наши обычаи, сохранил к нему все прежнее братское доверие. Узнав по голосу своего названного брата, просившего отпереть, Калабегов дверь открыл, но маузера из рук не выпустил. Эта осторожность и спасла его от гибели на этот раз. Молниеносным ударом он сбил с ног Хадарцева, не успевшего даже воспользоваться своим оружием, которое тоже держал наготове, а хадарцевский помощник Хадиков, почувствовав приставленное к своей голове дуло маузера, не посмел больше и пикнуть. Так Хадарцев и Хадикоов, хотевшие арестовать Калабегова, сами оказались арестованными. Калабегов заставил своих пленников вывести его из окружения и благополучно вернулся к своей дружине.

В конце 1930 года борьбу против Калабегова и его дружины возглавил сам начальник ОГПУ Северо-Осетинкой АССР В. Джикаев. Народники дружины Калабегова при поддержке и сочувствии местного населения, держа инициативу борьбы в своих руках, в каждой схватке наносили Джикаеву все более и более сильные удары. Успехи придавали Калабегову отваги. Смелость

его граничила подчас с «безумством храбрых». Это, в конце концов, и погубило его.

Однажды среди бела дня Калабегов на своем гнедом коне в сопровождении небольшой группы своих соратников прискакал в село Дигора. В тот день там была свадьба. Говорили, что девушку, выходящую замуж, любил Калабегов, но не мог жениться на ней из-за своего абрекского положения. Слухи ходили о том, что Джикаев, желая сыграть на чувствах народного борца Калабегова, заставил родных этой девушки выдать ее замуж за другого. Так это было или нет, но Калабегов появился на свадьбе.

На празднестве, как это принято у осетин, были традиционные соревнования и призы за лучший танец и за меткую стрельбу. В описываемое время в состязаниях по стрельбе уже не могла принять участие вся молодежь. Тогда уже было запрещено носить огнестрельное оружие. Только официальные гости – представители власти, партии и, конечно, ОГПУ, присутствовавшие на свадьбе, видимо, не без особых целей – стреляли по «кабагу». Это – длинный шест, поставленный перпендикулярно и медленно раскачиваемый. На верхнем конце шеста прикреплялась обычно мелкая монета, которую нужно было сбить выстрелом.

Народный герой, ошеломивший присутствующих своим неожиданным появлением, прощупал взглядом всех и на миг задержал улыбающийся смелый взор на группе официальных гостей. Затем, не сходя с коня, он взял на прицел точку на «кабаге» и единственным выстрелом сбил цель ко всеобщему восхищению.

Калабегов спешил и окруженный ликующей толпой принял приз – три пирога с графином водки, и, как требовал обычай, преподнес приз старикам. Почтенный старец, принявший приз Джигита, поблагодарил его как достойного хранителя традиций народа и умоляющим, дрогнувшим голосом сказал:

– Послушай меня, как отца родного, исполни волю народа, дорожащего тобой. Уходи отсюда!

– Я всегда готов подчиниться воле старших, – с улыбкой ответил Калабегов. – Но разрешите мне еще потанцевать!

Будучи не в силах отказать Калабегову в этой просьбе, старики промолчали и только нахмурились. У некоторых на вернулись слезы на глаза. Славный джигит начал свой танец, последний «танец Калабегова», вошедший в сокровищницу

народного искусства Осетии как одна из его жемчужин. Тем временем участников свадебного торжества окружил отряд Джикаева.

В чекистов полетели камни. Из толпы раздались крики: «Долой палачей!» И, несмотря на угрозы и приказ Джикаева выдать «бандитов», народ еще теснее сплотился вокруг своего любимца, стараясь своими телами прикрыть и спасти его от выстрелов. Но недаром говорят, что «смелость города берет». Я не знаю, как калабеговцы оказались на лихих конях. Но до сих пор еще звучит в моих ушах боевой клич Калабегова:

– Марга! Марга! (Смерть!)

Цепь чекистов была порвана как раз в том месте, где находился сам начальник отряда Джикаев. Где-то за селом еще раздавались выстрелы, но девушки забыли о своих слезах. Толпа как будто перестала дышать; старики осенили себя крестным знаменем.

Вскоре преследователи вернулись с двумя убитыми и одним раненым чекистами. Калабегова не догнали. Но ночью из леса тайком тяжело раненного героя доставили в дом его сестры. Он решил умереть на ее руках. Спустя некоторое время об этом пронюхали псы Джикаева. Дом сестры Калабегова был окружен, и на этот раз Джикаеву удалось захватить легендарного народника.

Калабегова перевезли во Владикавказ и держали привязанным к койке в смертной камере №102 дома ОГПУ. Началось следствие. Во время допроса за смелые и резкие ответы Калабегов был пристрелен следователем. Вечная память герою-народнику!

Дружина Калабегова не распалась – она продолжала действовать. Тропы Калабегова не заросли. По ним и сейчас, эхом призывая к восстанию народа, слышен топот коней, отдающийся в теснинах гор Осетии. Кто имеет уши, да слышит!

Я вспоминаю сейчас Калабегова не потому, что хочу подчеркнуть только его личные качества. Конечно, они имеют свое значение и самоценность. Но мне хочется указать на другое – на то, что борьба Калабегова и его соратников нашла поддержку в широких народных массах. Подвиги отдельных личностей не только отражают волю народа, но и сливаются вместе с ней в революционном антикоммунистическом движении. Движение народников Кавказа было и остается мощным выражением революционного потенциала народных

масс. А он проявляется не только на Кавказе, а и по всему Советскому Союзу. С этим могут не считаться только те, кто либо не знает, либо не хочет признать факта борьбы подсоветских народов с коммунистическим режимом. Но ведь если закрыть глаза, то это еще не значит, что солнце погасло.

Некто «Мурат» выступал в эмигрантской прессе по теме судов в Осетии. По-видимому, был работником или НКВД, или тюремных служб до войны. Привожу его материал из апрельского номера журнала «Воля» за 1952 г.

Мурат

Тюрьмы Владикавказа

В старое время в городе была только одна тюрьма – и на город и на всю Осетию и Ингушетию. В советское время тюрем стало уже несколько.

Тюрьму, что находится на Ардонской улице, по дороге в Гизель, напротив разрушенной Владимирской церкви, «усовершенствовали». На окнах камер с 1936 года повесили железные конусообразные заслонки, острым углом конуса вниз. Теперь в камеру падал даже не «второй свет», как говорят архитекторы, а одна треть «третьего света». Свет падал «с неба» в конус. И часть его, не поглощенная ржавыми стенками заслонки, «отражалась» в камеру через решетку окна. В камерах круглосточно горели электролампочки.

Эта единственная в городе до 1917 года тюрьма подвергалась и дальнейшей «модернизации». Часовню закрыли, а пекарню, мастерские и канцелярию перенесли из тюрьмы в домик на углу. Хозяин домика был сослан в Сибирь, на домике появилась вывеска «Канцелярия тюрьмы № 1, МВД СОАССР».

Тюрьма № 1 является общей, в отличие от «специальных», в которых содержатся узники-контрреволюционеры.

Тюрьма № 2 – «яма» – находится в подвале Главного управления МВД и МГБ СОАССР, что на углу улиц Ленина и Бутырина. Как раз напротив парка с бывшим летним театром «Биограф». В «Биографе» теперь закрытый парк и буфет работников МВД-МГБ. Туда выходят оперсотрудники из Главного управления МВД-МГБ поздней ночью отдохнуть и подкрепиться ужином после напряженной работы...

Проходя мимо старого красивого здания с мозаичной лепкой и угловой башенкой, прохожие против своей воли всегда косят-ся взглядом на заделанные зеленым матовым стеклом крохотные окошечки, наполовину уходящие в подземелье. Увидеть ничего нельзя, даже если бы и не было зеленых стекол. Идти надо не оборачиваясь и не замедляя шага – из окон верхних этажей следят за прохожими внимательные глаза чекистов. А в угловой башенке «секрет» с пулеметом. Только дойдя до музейного переулка, можно повернуться и пойти обратно, но уже по другой стороне.

Шестая тюрьма за товарным двором, в трех километрах от города, по дороге в ингушское село Шолхи. Это – тоже колония. В ней совсем хорошо: зимой и летом содержат заключенных в бараках. Правда, ночами от холода зуб на зуб не попадает, но зато на чистом воздухе. Вокруг – огороды с картофелем и помидорами. С голода не помрешь. Вдали – лес и горы. «Чекистский курорт! Трудись, и благо тебе будет», – острят веселые арестанты-хипесники (грабившие по ночам покойников на кладбище). Их профессиональные навыки нашли себе применение и здесь. Они роют картофель и бураки вместо могил покойников для закрытой столовой МВД-МГБ. Мертвых хипесники оставили в покое на три года.

Седьмая тюрьма в 40 километрах от города за Алагиром, возле села Црау. Заключенные рубят здесь лес для города и для фабрики гнутой мебели «Гнутарки» в Алагире. Этим заключенных иногда даже навещают семьи и родственники, приносят пищу и одежду.

В памятные годы, 1936-1938 гг., при самой высокой «производительности» суды не успевали «обрабатывать» нахлынувшую массу дел. Число заключенных росло, несмотря на то, что на помощь судам пришли «особое совещание» и «тройки». И все же мест в тюрьмах не хватало. Тогда стали занимать подвалы крупных зданий города.

В сентябре 1938 года в здании Орджоникидзевского городского военного комиссариата на ул. Кирова, в том здании, напротив которого некогда стоял памятник Архипу Осипову, комиссар 1-го пехотного училища держал речь будущим защитникам социалистической родины. В самый патетический момент, когда комиссар призывал «отдавать жизнь и бороться до последнего вздоха за родину и Сталина», из подвала раздались вопли, стоны и крики о помощи заключенных, находившихся там. В аудитории все замолкло. Стали прислушиваться. Комиссар попытался

было поддержать настроение, говоря, что то, мол, «враги народа», но многие из призывников узнали из подвала голоса знакомых. Выражение лиц призывников убедило комиссара, что эти молодые серьезные люди о «врагах народа» совсем другого мнения, нежели комиссар. Он торопливо собрал свои конспекты, сунул их в полевую сумку и, сдерживая прыть непослушных ног, юркнул в дверь здания и во двор... Комиссар отделался только выговором. Военкомат перевели на Кузнечную улицу.

Тот же, по нашему мнению, автор дает характеристику судебной системе на примере Осетии в статье «О судах в Осетии» в 8-9-м номерах того же издания и года.

Г. Мурат

О судах в Осетии

На 1 января 1901 года в России было всего 13 судебных палат и 10 окружных судов. Иными словами, на 78 губерний и 19 областей с населением в 116 338 300 чел. – 117 судов, из коих 13 старшей инстанции.

Судебные палаты учреждались на 5-6 губерний (или областей), составлявших один судебный округ. Судебная палата, как старший судебный округ, подчинялась непосредственно Правительственному сенату, т.е. законодательному и распорядительному органу империи.

На всю Терскую область, которая состояла до 1917 года из 4 отделов и 5 округов с населением свыше 1250000 человек, имелся только один окружной суд (назывался областным). Административным центром Терской области был Владикавказ, где и находился этот суд. В административном подчинении и под процессуальным контролем областного суда находились мировые судьи, впоследствии (с 1901 г.) участковые судьи, исполнявшие фактически примирительно-третейские функции. Мировые (участковые) судьи находились в городах, в административных центрах, выезжая по более или менее важным юридическим случаям, тяжбам на места пребывания сторон.

Из приведенных выше цифр следует, что в царской России приблизительно на 981473 жителя приходилось в среднем 3 судебных инстанции.

Первичным – основным – был мировой (участковый) суд, состоявший из одного судьи.

Вторым, или старшим, был окружной (а в Терской области областной) суд, состоявший из председателя, товарища председателя, двух или трех членов окружного суда, двух-трех судебных следователей, судебного пристава (судебный исполнитель), прокурора, товарища прокурора, секретаря судебных заседаний и рассыльного.

Мировые (участковые) судьи, председатель и члены окружного суда на Северном Кавказе назначались правительством и работали без присяжных заседателей.

Из остальных, специальных судов, в России были:

1. Полковые (бригадные) суды. Им были подсудны дела о преступлениях военнослужащих нижних чинов, дела, не влекущие лишения всех или некоторых прав и преимуществ.

2. Военно-окружные суды (апелляционно-кассационная инстанция для полковых судов). Это судьи 1-й инстанции по наиболее важным делам о преступлениях нижних чинов, о преступлениях всех офицеров и гражданских лиц, служивших в военных ведомствах.

3. Главный военный суд (суд 1-й высшей военной инстанции в России). Он решал дела об особо важных преступлениях против порядка управления и дела о нарушении воинской дисциплины командующими войсками. При главном военном суде состояли чины военно-прокурорского надзора.

Гарнизон Терской области был рассредоточен по всей области и состоял (в 1901 г.) только из 4-х терских полков, 2-х конно-артиллерийских батарей и 2-х эскадронов конвоя императора, насчитывающих вместе 215 офицеров и 8855 нижних чинов. Поэтому к военному округу Терская область не могла быть приравнена и в ней не было военно-окружного и тем более главного военного суда. Были суды полковые и суды офицерской части.

Судостроительство царской России – императорский аппарат принуждения – по сравнению с судостроительством наиболее демократических государств Европы не может быть назван ни совершенным, ни гуманным. Однако «царский суд», названный Лениным «слепым тонким орудием подавления эксплуатируемых в интересах денежного мешка» далек по остроте, размерам, методам подавления и жестокости от «обнаженного меча диктатуры пролетариата»!

Если в царское время обыватель или крестьянин должен был спрашивать у горожан, на какой улице находится суд, то теперь, при советской власти, во Владикавказе нужно долго искать тот квартал города, где нет суда.

С 1930 года советское правительство, соответственно «приближая руководство к массам для непосредственного контакта партии и правительства с народом», разбивает Северную Осетию на административно-территориальные районы. В СОАССР их одиннадцать, а во Владикавказе – восемь.

В городе Владикавказе на 1 июля 1941 года было 127.172 жителя, и к этому времени имелись следующие суды:

1. Нарсуд 3-го участка Затеречного района – за Чугунным мостом, на Республиканской улице.

2. Нарсуд 4-го участка того же района и в том же доме. Для судебных заседаний оба суда занимают один и тот же зал поочередно.

3. Нарсуд 5-го участка того же района, на Тифлисской улице.

4. Нарсуд 2-го участка того же района, на берегу Терека.

5. Нарсуд 2-го участка Ленинского района – напротив Симоновской бани.

6. Нарсуд 4-го участка того же района – в том же доме.

7. Нарсуд 2-го участка Промышленного района на ул. Маркуса.

8. Нарсуд 8-го участка того же района на Апшеронской улице.

9. Нарсуд 10-го участка того же района, в том же доме.

10. Нарсуд 1-го участка Шалдонского района на Сенно-скотском базаре.

11. Нарсуд 20-го участка Осетинскослободского района на улице Штыба.

12. Нарсуд 5-го участка Сталинского района на ул. Свободы.

13. Народный суд (трудовая сессия) по производственно-трудовым конфликтам на улице Кооперации.

14. Дорожно-транспортная конфликтная комиссия на Республиканской улице.

15. Верховный суд Северо-Осетинской АССР – проспект Сталина.

Суд 1-й старшей инстанции по делам о преступлениях против порядка управления («государственные преступления»), суд 2-й инстанции (кассационно-апелляционный) по делам, решаемым народными судами.

Верховный суд имеет:

спецколлекцию (по особым делам);

гражданскую кассационную коллегию;

уголовно-кассационную коллегию;
отдел по судебному и общему надзору – инспекцию над народными судами;

оргинструкторский отдел и отдел кадров.

16. Министерство юстиции СОАССР (в этом же здании)

17. Прокуратура СОАССР (в том же здании) имеет следующий штат:

прокурор СОАССР, зампрокурора по спецделам, зампрокурора по уголовным делам, зампрокурора по гражданским делам, зампрокурора по общему надзору, зампрокурора по судебному надзору, зампрокурора – следователь по важнейшим делам, он же начальник следственного отдела, помощник прокурора по кадрам, инструкторско-ревизорский отдел, начальник спецотдела и архива прокуратуры, секретариат прокуратуры.

Чтобы не останавливаться далее на сети и отдельных точках прокуратуры (как города, так и всей СОАССР) следует упомянуть, что в каждом из 8 городских и 11 сельских районов Владикавказа и САОССР имеется районная прокуратура со штатом: райпрокурор, помощник райпрокурора, народный следователь, секретарь прокуратуры.

Немного больше по сравнению с судами во Владикавказе число народных судов в сельских районах. Например, в Алагире, в Садоне, в Беслане, в Дигоре – по два народных суда. Всего в сельских районах 15 народных судов, в городских районах 12 народных судов и Верховный суд с тремя коллегиями, да и Министерство юстиции. И все же «не весь развернут список».

Линейный суд Орджоникидзевской ж. д. (в здании Управления дороги) – старший суд 1-й инстанции. Ему подсудны дела:

а) гражданские – с неограниченной суммой исковых претензий;

б) уголовные – по преступлениям, влекущим наказания вплоть до расстрела.

Суд имеет две коллегии и соответствующее число членов суда.

Линейная прокуратура с соответствующими отделами находится в том же здании.

Мы не относим к судебным органам следующие институты:

А) Расценочно-конфликтная комиссия, состоящая из представителей администрации предприятия, профсоюза и истца.

Б) Производственно- и общественно-товарищеские суды, которые хотя и не присвоены функции народных судов и они не

пишут приговоров и решений, но их устные приговоры и решения могу гласить общественное порицание, выговор или штраф до 50 рублей. Эти суды исполняют те же функции, что и мировые, и участковые суды до революции, тем не менее их приговоры и решения не подлежат обжалованию.

В) Партийные суды и партийные комиссии с следователями, от решения которых зависит часто «быть или не быть» не только для рядового, но и для очень важного партийного, советского или хозяйственного вельможи – члена ВКП(б).

Во Владикавказе имелись и военные суды:

1. Военный трибунал гарнизона (на улице Ленина).

2. Трибунал войск пограничной и внутренней охраны НКВД.

Кроме того, к судебным органам следует отнести и «суды» НКВД:

особое совещание при НКВД СОАССР;

«тройка» при НКВД;

«тройка» при начальнике милиции республики.

Также не надо забывать, что «судебными» правами обладали и начальники районных отделов НКВД. Их же в СОАССР было ровно 11. Начальники районных управлений милиции также имели известные «судебные» функции, и в СОАССР было 11 районных управлений и 8 участков (в городе).

Таким образом, в СОАССР приходилось на 345592 жителя (01.07.41.) 27 народных судов, 1 Верховный суд, 1 линейный суд, 2 военных трибунала, 1 особое совещание, 2 «тройки», 29 партийных судов (по числу райкомов ВКП(б), 1 партсуд Обкома ВКП(б), 100 прокуроров и помощников, 34 народных следователя, 26 (несколько больше) следователей других инстанций, 30 районных отделов НКВД и милиции.

Я привел материалы, опубликованные в Америке и Европе, не для того, чтобы очернить чье-то светлое имя, отнюдь. Просто истина в любом случае дороже. Я не называю никого поименно, я всего лишь даю некую литературную пищу для будущих исследователей-осетиноведов, литераторов и просто любителей узнать больше. Сталинский период в местной исторической науке рассмотрен слабо, поэтому считаю важным для изучения прошлого Осетии опубликовать эти факты и документы. А уж выводы делать самими читателям. Я на этом прощаюсь с героем этого повествования Агубе Кубати, который, на мой взгляд, хотел, чтобы о нем знали как о живом до мая 1958 года.

P.S. Уже после того как вышла в печать первая часть этой статьи, вашему покорному слуге удалось уговорить руководство РГАЛИ предоставить мне папку с личным делом Агубекира Кубатиева, несмотря на все еще действующее по времени ограничение на доступ к его персональным данным. Итак, папка открывается впервые...

Расскажу коротко о главном, а обстоятельный рассказ оставлю будущему исследователю творчества Кубатиева.

Мое внимание привлекло письмо нашего героя от 20 июля 1938 г. на имя И. В. Сталина, в котором он открывает душу и откровенно описывает свой непростой путь в литературу советской эпохи, когда так называемая классовая борьба в среде осетинских творческих деятелей возымела чудовищный окрас. Как известно, в тридцатые годы никто не был застрахован от «визита черного воронка», после чего люди оправлялись в лагеря или пропадали вовсе. Писательские круги Осетии, дабы не оказаться в «нежелательных» списках, порой превосходили самих себя в огульных обвинениях друг друга во «вредительстве, троцкизме, никчемности...». Так, по утверждениям Тазе Бесаева, Татари Епхиева, Кубатиев «занимал вместе с врагами руководящие посты в периодической печати Сев. Осетии ...а также «будто вместе с троцкистом Фарнионом прибрал к своим рукам югоосетинский журнала «Фидиуаг». Так называемые «сигналы» – критические выступления в печати – подавал и сам Кубатиев, обвиняя «в национализме Шамиля Абаева, Гино Баракова, Александра Тибилова и др. врагов». В письме Сталину также отмечаются публикации руководителя Союза писателей Южной Осетии в 1922–23 гг. Харитона Плиева в «защиту троцкиста Фарниона». Встречаются и другие фамилии литераторов. Оставим столь щепетильную тему для будущего исследователя осетинской журналистики и литературы 20-х гг.

Есть в этой и других папках и сведения о том, какие были приведены доводы о том, что Кубатиев не погиб в 1942 году, а перешел на сторону немцев. В 1947 году приняли решение остановить выплату соответствующей пенсии вдове Агубекира. Только в 1987 году закончилось расследование по существу данного вопроса.

В конце хочу подчеркнуть, что точку в затронутой теме ставить рано, а значит, можно надеяться, что кто-то из исследователей-литераторов скрупулезно изучит самый спорный период развития Осетии. Возможно, поправит меня, чему буду безмерно рад.

41
204

СКОРОСНИВАТЕЛЬ

Покупая эту пилку Вы помогаете, чем многие известные люди, сохранить природу России

Состав: швейцарский
СВЕР
видео-твердость
корр. 2

ДЕЛО № _____

Кубайшев (Толмаев)
Анубек-ур Бишбуле-товлы
1900-р
ножи, дрелькорд

р. 631 оп. 41 ед. хр. 207

211566644

Начато: "10" июля 1934,
Окончено: "11" марта 1981
Число листов: 18
Хранить: ножи

Российский Государственный Архив
литературы и искусства
Ф. № 631 оп. № 41 ед. хр. № 204

ОБ АГУБЕКИРЕ КУБАТШЕВЕ И АГУБЕ КУБАТИ

Биография

Агубекир Бимбулатович Кубатиев /Болаев/ родился в с.Кора, Сев.Осетии, в 1900 г. шестым ребенком в семье небогатого "бадедята". Учился в реальном училище, но не закончил его. В 14-15 летнем возрасте работал рабочим на фабрике "Катушка". С юношеских лет Агубекир был во власти демократических идей. Большую роль в формировании его мировоззрения сыграл старший брат Умар Кубатиев, коммунист, революционер-подпольщик, погибший в 1919 г.

Вступив в ряды комсомола, А.Кубатиев был активным работником среди молодежи в г.Нальчике, куда в то время переехала его семья /1920-21 г./.

С 1923 г. жил в Москве. В этот период он уже начал заниматься литературным творчеством. На русском и осетинском языках были написаны стихи, поэмы, статьи, публиковавшиеся в периодической печати. В 1928 г. издал первую крупную вещь - драму "Чермен" на осетинском языке.

В 1931 г. Кубатиев-Болаев был приглашен в г.Цхинвали /Ю.Осетия/ ответственным секретарем газ."Коммунисти", где проработал около полутора лет. За это время он организовал издание литер.-худож. журнала "Фидиог", журнала "Крокодил" /"Кафкундар"/. Большую помощь оказывал в творчестве начинающим поэтам и прозаикам. В Ю.Осетии им было написано много критических статей о литературе, театре и т.д.

В 1934 г. его пьеса "Люди" / на осет. яз./ получила премию на всесоюзном конкурсе. В 1940 г. также на всесоюзном конкурсе была отмечена его пьеса "Андемиркан". Все годы, вплоть до призыва в армию в 1941 г., А.Кубатиев-Болаев занимался литературным трудом, поддерживая связь с литераторами родной Северной Осетии.

ОСОБЫЙ СЕКТОР
20.09.1958
101(0)

В Центральную библиотеку товарищу И. В. Сталину

В. Лавренко сыну товарищу
отписано шестерью
первыми номерами
книжки Вавилова и Давыдова
в номере 2 октября 1952
в Ленинград

От осетинского драматурга
Низдатиева. Болаева Вуде-
кира Билбидзатовича, про-
неуважителя в Москве по Б.
Нозинскому пер. д. №31 кв.17.

Заявление.

В сентябре 1936г. правление союза советских писателей Северной Осетии выдвинуло против меня обвинения, яходы, я бывший долговязорец вместе с разоблаченными врагами пролетариата в период орждован в союзе советских писателей Осетии, занимаю ответственное место в периодической печати Северной Осетии. Не считавшись с этими обвинениями, не проверивши и не сличивши не разобравши обвинения и заочно исключивши из союза писателей. Узнав о своем исключении случайно, спустя несколько месяцев обратился в ССН СССР с просьбой разобрать обвиняемые мной исключение по существу и дать мне возможность реабилитировать себя, но в канцелярии ССН СССР т. Аршаруки мерили разбором моего дела. Спустя год в июне 1937 года такое же постановление о моем исключении вынесло старое, ныне уже разоблаченное герильевское руководство правления ССН Юго-Осетии. Я снова просил руководителей ССН СССР разборе дела по существу, указывая на то, что в постановлении о моем исключении искоренной точкой и той же группой лиц, которая нежно-

ОБ АГУБЕКИРЕ КУБАТИЕВЕ И АГУБЕ КУБАТИ

АВТОРЫ НОМЕРА

ГАЛАЗОВ Ахсарбек родился 15 октября 1929 года в с. Хумалаг Правобережного района Северной Осетии. В 1938 году его отец Хаджимурза Ильясович (р. 1905) был незаконно репрессирован и спустя несколько лет скончался в местах заключения, по-смертно реабилитирован. В 1952 году окончил Северо-Осетинский государственный педагогический институт. Кандидат педагогических наук. С 1952 по 1958 год работал учителем русского языка и литературы и завучем в Хумалагской средней школе. С 1958 по 1959 год являлся инспектором школ Министерства просвещения Северо-Осетинской ССР. С 1959 по 1960 год занимал должность директора института усовершенствования учителей. С 1961 по 1975 годы Галазов был министром образования Северо-Осетинской АССР. С 1976 по 1990 год – ректор Северо-Осетинского государственного университета. С 1990 по 1991 год был членом ЦК КПСС (член КПСС с августа 1991). Избирался народным депутатом РСФСР.

В ходе вооруженного конфликта в Южной Осетии санкционировал оказание ей гуманитарной помощи. Выступал за мирное решение вопроса о статусе Южной Осетии. Выступал против выхода Северной Осетии из РФ. В ноябре 1993 года был выдвинут кандидатом в депутаты Совета Федерации. На выборах выступал в качестве независимого кандидата.

16 января 1994 года был избран первым президентом Республики Северная Осетия-Алания. Вступил в должность 26 января 1994 года на торжественной сессии Верховного Совета Северной Осетии. Занимал пост президента до 1998 года. Скончался во Владикавказе 10 апреля 2013 года. Похоронен 12 апреля на Аллее Славы с воинскими почестями.

ГОБАЕВ Георгий родился в 1985 году во Владикавказе. Окончил СОГУ по специальности «юриспруденция». Живет в Москве. Публиковался в сборнике «Настоящее время» Союза писателей Москвы, в журналах «Знамя», «Дарьял».

ДАДАЕВ Камиль родился в 1982 году в г. Махачкале. Писатель, историк. Член Союза российских писателей. В 2004 году окончил отделение востоковедения исторического факультета ДГУ. В 2007 году окончил аспирантуру Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Сфера научных интересов – история Дагестана, Кавказская война, история раннего ислама. Пишет с 17 лет. Автор сборника стихов «Беседы с Симургом» (2022 г.) и монографии «Наибы и мудры Шамиля» (2018 г., в соавторстве с Дадаевым Ю. У.). Печатался в журналах «День и ночь», «Дагестан», в газетах «Новое дело» и «Ассалам». Живет в Махачкале.

КОСТАНДОГЛО Татьяна – поэт, прозаик, журналист. Родилась в Ташкенте. Окончила Ташкентский государственный университет, позже – педагогический институт в городе Черкассы (Украина). В настоящее время поэт Татьяна Костандогло живет и работает в Москве. Литературную деятельность она начала, будучи в составе Литфонда СССР. Печаталась в журналах и газетах, является автором поэтических сборников «Я прикоснулась к тайне бытия», «Не разлуки страшны, а встречи» и др. Автор книг «Сила твоя – в тебе», «Пятый воздух. Версия убийства Марины Цветаевой». Готовится к печати новый сборник стихов «Аутодафе».

МАРЖОХОВ Тенгиз родился в 1974 году в г. Нальчик, Кабардино-Балкария. В 1997 году окончил Академию ветеринарной медицины и биотехнологии им. К. И. Скрябина в Москве. В 35 лет написал свой первый рассказ. Публиковался в республиканских и региональных изданиях. В 2016 году фондом СЭИП был издан роман «Каверна», написанный на основе больничного опыта. В настоящее время пишет второй роман. Работает в электросетевой организации г. Нальчика.

ПАРСАНОВА Татьяна родилась на хут. Рябовском Волгоградской области в семье донского казака. В 10 лет вдохновленная мимолетным общением с проживающим в соседней станице великим русским писателем

Михаилом Шолоховым вдруг начала рифмовать свои рассказы. Стихи опубликованы в журналах и интернет-альманахах: «Молодая гвардия», «Аврора», «Дон», «Дарьял», «День Поэзии XXI век» и др. Награждена памятной медалью «Военная разведка» (Москва, 2019) за цикл стихов об Афганистане, знаком отличия «Невечерний свет» (Санкт-Петербург, 2019).

В настоящее время живет и работает в Подмосковном городе Наро-Фоминск.

РЕЗНИК Ольга – заслуженный журналист РСО-Алания, поэт, член Союза журналистов России и Российского союза профессиональных литераторов, победитель конкурса среди журналистов Министерства РСО-А по вопросам национальных отношений на лучшее освещение темы «Национальная политика в СМИ» в номинации «Межнациональные отношения» (2015 г.). Живет во Владикавказе. Окончила с отличием Северо-Осетинский государственный университет. Работала корреспондентом разных североосетинских СМИ. Ныне – редактор отдела прозы журнала «Дарьял». Публиковалась в журналах «Голос Кавказа», «Дарьял», «Горный ветер», «Страстной бульвар, 10», «Ровесники» (ДНР), «Вместе в Осетии», «Квайса», «Казарла». Ольга – автор поэтического сборника «Жизни тоненькая нить», соавтор книги «Шолом, Владикавказ!», автор сценариев документальных фильмов «Созидатель» (Владикавказ, 2018 г.) и «Новая жизнь. Служение» (Владикавказ, 2021 г.). Стихи О. Г. Резник вошли в сборник «Духовная поэзия» (Владикавказ, 2021 г.), посвященный 1100-летию крещения Алании, а ее переводы на русский язык стихов Нафи Джусойты нашли место в собрании сочинений народного писателя Осетии.

РОЗЕНШТЕЙН Юрий родился в 1955 году в г. Владикавказ. Закончил среднюю школу № 11 в 1972 г. Служил срочную военную службу в Советской армии в 1973–1975 гг. – во внутренних войсках. В 1975–1977 гг. работал в обжиговом цехе з-да «Электроцинк», на хлебокомбинате – слесарем, в НИИЭМ – наладчиком. В 1977–1983 гг. учился в СОГМИ, по окончании которого 25 лет работал врачом кардиологической бригады скорой помощи, затем врачом-кардиологом в нескольких медицинских учреждениях. В настоящее время работает врачом-кардиологом в ИП Розенштейн Ю. Б.

САЛБИЕВ Тамерлан родился в 1962 году в Орджоникидзе. Окончил школу № 5, затем

факультет иностранных языков СОГУ им. К. Л. Хетагурова. В 1996 году защитил кандидатскую диссертацию по германской филологии в МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1997 году в Париже проходил стажировку в «Центре евразийских исследований» Института восточных языков и цивилизаций (INALCO). На сегодняшний день заведующий научно-исследовательским отделом «Центр скифо-аланских исследований» Владикавказского центра Российской Академии наук.

ТАКАЗОВ Валерий родился в 1959 году в с. Лескен Северной Осетии. В 1983 году окончил Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, факультет журналистики. В 1987 году защитил кандидатскую, в 1997-м – докторскую диссертации по теме «Журналистика и литературный процесс в Осетии (конец 19 – начало 20 вв.)». Автор многочисленных научных и научно-популярных выступлений по политической проблематике в средствах массовой информации России и за рубежом.

УТКИН Сергей родился в 1987 году в г. Шарья Костромской области. Окончил три курса Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (факультет ракетно-космической техники). Работал внештатным автором в районной газете, уборщиком, мойщиком окон, промоутером. Лонг-листер «Илья-премии» (2014), фестиваля «Козьма в Пустыньке» (2014), премии «Белла» (2017). Участник Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (2010, 2017).

Публиковался в журналах «Нева», «Нижний Новгород», «Дальний Восток», «Дарьял», газетах «Литературная Россия», «Литературная газета» и др.

ХАТЕНОВСКИЙ Виктор родился 5 апреля 1958 г. в Минске. В 1985 г. окончил Саратовское театральное училище по специальности «актер драматического театра».

Публиковался в различных изданиях России, Украины, Белоруссии, Германии, Канады, США. Победитель Международного поэтического конкурса «Лёт лебединый» им. Петра Вегина (Лос-Анджелес, 2014 г.); лауреат Международного поэтического интернет-марафона «Сокровенные свирели 45-й параллели» (Ставрополь, 2014 г.) и др. Награжден медалью «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе» («Золотое перо Руси», Москва, 2017 г.); знаком отличия «Невечерний свет» (Санкт-Петербург, 2019 г.).

ДАРЬЯЛ

ИНДЕКС 18668

ВЛАДИКАВКАЗ

2 · 0 · 2 · 3

Шеф-редактор
А.В. Семёнов

В оформлении обложки использована картина
С. Филатова «Раковина»

ДАРЬЯЛ-1'2023 - ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru